

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

◆ Издательство ТГТУ ◆

УДК 008.000.93 (076)
ББК 411 я 73
О95

Рецензенты:
Доктор технических наук, профессор ТФМГУКИ
В. М. Тютюнник
Доктор филологических наук, профессор
И. М. Попова

ISBN 5-230-24563-8

В пособии даны очерки по истории русской культуры с древних времен до середины XVIII в., заключает пособие глава, посвященная эволюции русской идеи.

Пособие предназначено для студентов 2-3 курсов дневной и заочной форм обучения всех специальностей университета.

УДК 008.000.93 (076)

ББК 411 я 73

ISBN 5-230-24563-8

© Тамбовский государственный технический университет (ТГТУ), 2002

Министерство образования Российской Федерации
Тамбовский государственный технический университет

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Автор-составитель
В. А. Головашин

Тамбов
◆ Издательство ТГТУ ◆
2002

Учебное издание

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Учебное пособие

Автор-составитель

ГОЛОВАШИН Виктор Александрович

Редактор и технический редактор З. Г. Чернова
Компьютерное макетирование М. А. Филатовой

Подписано к печати 26.11.02.

Формат 60×84/16. Гарнитура Times NR. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Объем: 7,44 усл. печ. л.; 8,0 уч.-изд. л.

Тираж 200 экз. С 750

Издательско-полиграфический центр

Тамбовского государственного технического университета

392000, Тамбов, ул. Советская, 106, к. 14

Введение

Наступивший XXI в. – век колоссальных достижений науки и техники, век освоения космического пространства и развития компьютерных технологий – заставляет человечество обратить особое внимание на проблемы развития культуры и цивилизации.

Каждый здравомыслящий человек задается вопросом: как может высокая культура уживаться с непрерывными войнами, террористическими актами, массовым уничтожением людей в цивилизованном обществе?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо тщательно изучить истоки современной цивилизации, приобщиться к сокровищам мировой и национальной культуры, выяснить сущность российской ментальности.

В научных работах часто встречаются формулировки о парадоксальности русской цивилизации, свидетельствующие, что ее понимание требует от исследователя преодоления однозначных линейных схем и обращения к многомерной концепции.

Проблема отнесения России к определенному цивилизационному типу – либеральной (западной) или традиционной (восточной) цивилизации – была выдвинута еще в тридцатые годы XIX в. П.Я. Чаадаевым, который писал: "Говорят про Россию, что она не принадлежит ни к Европе, ни к Азии, что это особый мир. Пусть будет так. Но надо еще доказать, что человечество помимо двух своих сторон, определяемых словами Запад и Восток, обладает еще и третьей стороной."

Современники Чаадаева И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков и другие, названные "славянофилами", взяли на себя бремя такого доказательства. Они свято верили в слова Ф.И. Тютчева:

"Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать.
В Россию можно только верить!"

Их оппоненты – "западники" – К.Д. Каверин, Н.Г. Чернышевский, Б.И. Чичерин и другие рассматривали Россию как во многом азиатскую страну, которой необходимо цивилизоваться по европейскому пути. Споры между "западниками" и "славянофилами" длились на протяжении двух веков и породили разные ответы. Россия ставилась во главу особой славянской цивилизации, отличной от Востока и Запада, говорилось об уникальности России в мировой истории и культуре, указывалось на исключительность положения России между Востоком и Западом. Россия рассматривалась как "третья сила", представлявшая синтез восточной и западной цивилизации.

Все эти споры отражали несводимость русской культуры к одному из вариантов или к сочетанию и синтезу того и другого.

Наша русская культура стала выделяться в особый тип в рамках христианских цивилизаций еще в XI – XII вв. в ходе образования у восточных славян государства и приобщения их к православию. Особое влияние на формирование этого типа культуры оказал геополитический фактор – срединное положение России между цивилизациями Запада и Востока. По словам А. Блока:

"Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас –
Монголов и Европы".

Это послужило основой возникновения таких пограничных культурных слоев, которые, не примыкая ни к одной из известных культур, представляли собой благоприятную среду для разнообразных культурных инноваций.

Изучение российской культуры ныне вступило в новую фазу, связанную с перестройкой устоявшейся точки зрения на истоки, историю и хронологию русской цивилизации. Интересны в этом отношении труды современных исследователей Г.В. Носовского и А.Т. Фоменко, которые в своих работах "Библейская Русь", "Империя" и многих других приводят парадоксальные факты, опровергающие многие устоявшиеся теории.

Что касается стадий развития российской цивилизации, то тут существуют различные точки зрения. Одни ученые считают, что с XI в. и по настоящее время в том ареале, который называется Россией, была одна цивилизация. В ее развитии можно выделить несколько этапов: это Древняя Русь (XI – XIII вв.), Московское царство (XIV – XVII вв.), Имперская Россия (с XVIII в. и по 1917 г.). Другие исследователи полагают, что по XIII

в. существовала одна "русско-европейская" или "славяно-европейская" цивилизация, а с XV в. – другая, "евразийская" или "российская".

Наиболее часто выделяемые признаки российской цивилизации: самодержавная форма государственной власти, подчинение общества государству, коллективистская ментальность, незначительный объем экономической свободы. Как ни парадоксально, эти признаки с незначительными изменениями сохранились до настоящего времени.

В процессе становления Московского царства в России укрепились традиционная модель общества с характерным для нее отсутствием уважения к личности как абсолютной ценности, произволом, слабо выраженным принципом собственности. Сдвиг России к западной модели начал своими реформами Петр I. Именно он "рукой железной Россию вздернул на дыбы".

Революционный переворот 1917 г. разрушил все, что объединяло Россию с Европой, и вновь отбросил ее к восточной модели с азиатским способом производства. Страшнейшей произвол власть пыталась оправдать благими намерениями. На плакате, висевшем на воротах Соловецкого концентрационного лагеря, была сделана симптоматическая надпись: "Железной пролетарской рукой загоним человечество к счастью".

В развитии русской духовной культуры немаловажную роль сыграла православная религия, которая помогла русскому народу выжить в царстве произвола, разгромить нашествие германского фашизма, сохранить вековые традиции.

В конце XX столетия наше общество испытало, да и теперь продолжает испытывать мощный натиск западной массовой культуры с ее ярко выраженным культом насилия и жестокости. Это пагубно влияет на молодежь, на людей с неустановившейся жизненной позицией. Жесткая конкуренция, капиталистический способ производства соседствуют в нашей стране с сохранившимися "пережитками" социализма; с наплевательским отношением к государственной собственности, земле, природным ресурсам. Нашему обществу просто необходим духовный переворот таких масштабов, которые сопоставимы с Реформацией или Просвещением в Европе. Для этого требуется объединение всех национальных культур и этносов в новую историческую общность путем осознания национальных приоритетов, евразийской ценности.

Основной вопрос не в том, станет ли Россия "вторым Западом" или его частью, а в том, обогатит ли она мировую цивилизацию самобытным историческим творчеством или станет "неудачницей", идущей по чужому пути, примеряющей чужие образцы.

Перспективное и разумное решение для России состоит в разработке Евразийского проекта: освоения специфической цивилизационной модели, отличной и от традиционной азиатской и от западной.

Евразийская идея – идея специфической цивилизационной общности, по-своему преломляющей импульсы Запада и Востока и творчески интегрирующей их, ценная часть нашего духовного наследия, которой мы не можем пренебречь. Разработку этой идеи предстоит осуществить совместными усилиями историков, философов, социологов и культурологов. И начало этому процессу должно положить планомерное знакомство с историей культуры нашей Родины. Данную задачу решает эта книга, рассчитанная на всех, кто интересуется культурой России.

СЛАВЯНЕ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ

Прежде чем рассматривать предпосылки создания русской государственности (начало ей положила Киевская Русь объединением восточнославянских и иных племен), надо представить себе, кто такие славяне и когда их далекие предки-протославяне появились на территории Европы. Говоря иными словами, попытаться заглянуть в довольно туманное зеркало истории, чтобы увидеть в нем хотя бы смутные черты неизмеримо далекого прошлого.

Наиболее достоверные данные об этом прошлом получены сравнительным языкознанием на основе изучения фактов совпадения отдельных терминов в различных индоевропейских языках, к которым относится и славянская группа языков. Индоевропейское языковое единство возникло, очевидно, еще в неолите, когда орудия труда делались человеком в основном из камня, то есть в каменном веке. Из этого языкового единства в течение многих веков постепенно выделялись и обособливались языки отдельных народов. Местом обитания племен, породивших позднее эти народы, было огромное пространство от Индийского до Атлантического океанов. По нему в глубокой древности волнами непрерывно перемещались различные племена в поисках благоприятных условий существования или под натиском своих более сильных соседей. Заселение Европы началось примерно 12 тыс. лет назад и шло вслед за отступающим ледником. Ученые полагают, что индоевропейские племена окончательно заселили Европу за четыре-пять тысяч лет до н.э., когда в Северной Африке и Азии уже возникли государственные образования, ставшие первыми очагами цивилизации на нашей планете. Что же касается славян, то их считают одним из наиболее молодых индоевропейских народов.

Об образе жизни протославян, еще не выделившихся из общей массы индоевропейских племен, свидетельствуют отдельные совпадения терминов в разных индоевропейских языках, например, "мед" и названия приготавливаемых из него напитков. Отсюда можно заключить, что всем индоевропейцам в глубокой древности

было знакомо бортничество – сбор меда диких пчел. Отсутствие же общих терминов для названия рыб и орудий земледелия говорит о том, что индоевропейские племена времен неолита мало занимались рыболовством и не знали земледелия. Скотоводство у индоевропейцев становится одним из основных занятий в северной половине Европы (от Рейна до Днепра) на рубеже третьего-четвертого тысячелетий до н.э. Крупный рогатый скот становится мерилем богатства племени (от тех далеких времен в древнерусском языке сохранилось название казны – "скотница").

Борьба за захват чужих стад и пастбищ вызывала постоянные стычки и войны, заставляла пастушеские племена передвигаться и расселяться по всей Европе вплоть до Волги в ее срединном течении. Все племена перемешивались и меняли соседей по мере продвижения в ту или иную сторону. В первой половине второго тысячелетия до н.э. еще не было ни славянской, ни германской, ни балтийской языковой общности. Примерно к XV в. до н.э. вся зона европейских лиственных лесов и лесостепей была занята различными индоевропейскими племенами. Они переходили к оседлой жизни, закрепляя за собой территории, необходимые им для выпаса скота и жизнедеятельности. Одновременно росли связи с соседями в виде торгового обмена, складывались особенности культурного развития отдельных племен, в частности их языковые различия. Из общего индоевропейского языкового единства выделились соседи протославян: германцы, балтийцы, иранцы, данофракийцы, иммерийцы, италики и кельты.

Несколько позднее индоевропейцев по северной таежной полосе в Восточную Европу вплоть до Прибалтики продвигались племена монголоидного типа финно-угорской языковой общности. Это были племена охотников и рыболовов. Смешение их с индоевропейцами в Восточной Европе, с которыми они часто мирно жили бок о бок на одной территории, породило восточноевропейский расовый тип, который лег в основу северных племен славян Восточной Европы: ильменских славян, полоцких, кривичей, радимичей, дреговичей.

Южный тип славян (испытывавший смешивающее влияние скифских, сарматских, хазарских, печенежских, половецких и других кочевых народов и племен, а также населения ранних греческих, а затем византийских колониальных поселений по северному побережью Черного моря) представляли поляне, тиверцы, угличи, древляне, хорваты. В славянских языках, образованных из диалектов этих племен, остались общие названия элементов ландшафта, что позволяет сделать заключение о месте обитания протославян в зоне лиственных лесов и лесостепей среди холмов и оврагов, озер, рек и болот, но не вблизи высоких гор и моря.

Большинство ученых, исследовавших данные о возможной прародине славян, считают таковой область к северу от Карпат, где-то в междуречье Одера, Вислы и Дуная. Считается, что на восток Европы до Днепра и части бассейна Десны праславяне пришли позже. Однако в вопросах происхождения славян, мест их обитания и древнейшей истории много предположительного, неясного. Четкого ответа на эти вопросы не дают ни археологические изыскания остатков культуры, ни факты сравнительного языкознания, поскольку на местах археологических раскопок в разное время обитали разные племена, а языки этих племен постоянно испытывали взаимовлияние и заимствовали различные термины. Бесспорным является лишь то, что предки славян – анты и венеды – жили в разлагавшемся общинно-родовом строе, были язычниками и находились примерно на одном культурном уровне, что и их многочисленные соседи, исключая Древнюю Грецию, Древний Рим и Византию, где этот уровень был несравненно выше. Впрочем, религиозные верования протославян определять как язычество не совсем верно. Правильнее считать, что они исповедовали ведизм (от ведать – знать), родственной другим религиям ведического корня в Древней Индии, Ираке и Древней Греции.

Культурный уровень протославян, а затем и славян во многом определялся средой их обитания. Лес не только кормил их мясной и растительной пищей, но и служил укрытием от вражеских набегов. Лесостепь кормила домашний скот и предоставляла возможность для зачатков земледелия. Реки и озера не только поставляли к столу рыбу, но и служили почти круглый год средствами сообщения. От весны до глубокой осени по ним пролегали водные пути, а зимой – санные.

Хотя для хлебопашества предпочтительней были обширные лесные поляны в лесостепной полосе и широкие степные массивы, но земледелие у протославян, когда они стали оседлыми, развивалось не здесь, куда легко

проникали с разбойными набегами воинственные кочевые племена, а в лесах и называлось "подсечным". В январе (славяне звали этот месяц "сеченем") деревья на выбранном под пашню участке леса подрубались так, чтобы получить сухостой. Затем сухостой валили, пни выкорчевывали, порубки сжигали, получая золу в качестве удобрения участка. Отвоеванные у леса участки звали "радами", хлеб родил на них два-три года. Потом эти участки бросались пахарями, зарастали сорняками и разнолесьем. Заброшенные в лесу пашни называли "лядами" (эти термины древнего подсечного хлебопашества в названиях сел Рада, Ляда, которые сохранились и на территории нашей области). Жили наши далекие предки в наземных столбовых домах летом, а в холодное время года – в полуземлянках. Жилища не имели окон и отапливались "по-черному" глинобитными или каменными очагами без дымоходов и труб. Такой вид отопления сохранялся веками, был он и позднее в "курных", рубленых из бревен избах не потому, что славяне "не додумались" до устройства вытяжки из жилищ дыма, он был нужен для борьбы с насекомыми, прежде всего с комарами, которых в местах проживания славян среди лесных болот, на берегах рек и озер было великое множество. Рядом с жилищами строились хозяйственные помещения для содержания скота, домашних припасов, инвентаря и орудий труда. Погреба с весны забивались льдом и снегом и служили своего рода холодильниками. Археологические раскопки позволяют установить наличие различных ремесел: кузнечного, гончарного, столярного и других. В этих же раскопках в поселениях древних славян обнаружены свидетельства того, что они знали земледелие – орудия труда земледельцев, остатки семян злаковых и бобовых культур, конопля. Последнее говорит о том, что протославяне одевались не только в выделанные шкуры диких зверей и домашних животных, но и в тканые одежды.

Судя по найденным возле жилищ костям домашних животных, протославяне разводили лошадей, коров, овец, коз. Знали протославяне способы добычи железа из "болотной" руды. Из железа ими изготавливались оружие и орудия труда. Своих убитых в боях и умерших сородичей протославяне сжигали, а прах закапывали в колоколообразных урнах.

Начиная с середины первого тысячелетия нашей эры известны письменные свидетельства о славянах под именами венедов, антов и склавинов. Византийский историк Прокопий Кесарийский (первая половина VI в.) пишет: "Эти племена, склавины и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считаются делом общим".

А вот другое свидетельство о славянах в "Стратегиконе", написанном военным советником византийского императора Маврикия (конец VI в.): "Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. У них большое количество скота и плодов земных... Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах, с выгодой для себя пользуются засадами, внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью, изобретая много разнообразных способов. Опытны они также в переправах через реки, превосходя в этом отношении всех людей. Мужественно выдерживают они пребывание в воде, при этом они держат во рту выдолбленные внутри камыши, доходящие до поверхности воды, а сами, лежа навзничь на дне реки, дышат с помощью их. Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты. Они пользуются деревянными луками и небольшими стрелами с пропитанными ядами наконечниками".

Особенно поразило автора "Стратегикона" свободолюбие славян. "Племена антов, – пишет он, – сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране". Затем он же говорит о доброжелательности славян к иноземцам, прибывающим в их страну с дружественными намерениями. Они не мстят врагам, попавшим к ним в плен, надолго не задерживают их у себя и обычно предлагают им либо за выкуп вернуться на родину, либо остаться жить среди славян на положении свободных людей. Иначе говоря, славяне не знали рабства в его классической форме, такого, как в Древнем Риме и Византии.

По византийским источникам, славяне в VI в. занимали огромную территорию от Дуная до Вислы и делились на три большие группы: склавины, анты и венеды, которые говорили на одном языке, имели общие обычаи и законы, жили на последней стадии общинно-родового строя. В VI в. государства у славян еще не было. Многочисленные набеги на Византию осуществлялись племенными союзами, настолько мощными, что посол славян Лаврит мог заявить византийцам: "Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который подчинил себе силу нашу? Не другие нашей землей, а мы чужой привыкли обладать..." Из византийских хроник известны имена некоторых антских и венедских вождей: Добрита, Ардагаста, Мусакия, Прогоста. Под их предводительством многочисленные славянские войска не раз вторгались в пределы Византии, что дало повод византийскому императору Константину Багрянородному с грустью сказать, что Византия "ославянилась". Об успешных походах в Византию свидетельствуют сокровища из найденных в среднем Поднепровье антских кладов: дорогие византийские изделия из золота и серебра – кубки, блюда, кувшины, браслеты, мечи, пряжки.

В отличие от Западной Римской империи, павшей под ударами германских племен, Византия еще держалась почти тысячу лет, отражая напор славян, уступая им часть своей территории к югу от Дуная и на Балканах. Когда во второй половине VI в. кочевники-аварцы, известные в истории как гунны, вторглись в Подунавье, византийская дипломатия использовала их для борьбы со славянами. Аварцы разгромили дулебский племенной союз в Прикарпатье, затем тяжелый удар нанесли самому мощному славянскому племенному союзу антов. В начале VII в. аварский каган повел войну с антами, пытаясь вконец истребить их. Антам пришлось уйти в

Приднепровье. Этот процесс отражен в "Повести временных лет" сказанием о князе Кие, основавшем на Днепре город Киев, и о внезапном исчезновении аварцев, которых летописец называет "обрами". В движении с Дуная на северо-восток вместе с антами принимала участие, вероятно, и часть венедских племен, занявших на грани VII – VIII вв. северную часть Восточно-европейской равнины. Основными занятиями антов того времени были земледелие и скотоводство.

Согласно дошедшим до нас письменным источникам общественный строй антов может быть определен как "эпоха военной демократии", переходный период от первобытно-общинного строя к классовому обществу. В этот период шло первоначальное накопление материальных ценностей, приводившее к имущественному расслоению общества. В то же самое время сохранялся ряд особенностей, свойственных первобытно-общинным отношениям (сходы всех мужчин (вече), на которых сообща решались наиболее важные вопросы, всеобщее вооружение мужчин, кровная месть, союзы племен, возглавляемые избранными военачальниками, значительная роль родовых старейшин во всех делах племени).

На самом раннем этапе формирования феодальных общественных отношений у восточных славянских племен в начале VII в. (после окончания борьбы антов с готами и прокатившейся по юго-востоку и юго-западу Европы волны нашествия гуннов) на Волыни, Верхнем Поднестровье и Побужье из союза славянских племен возникает первое государственное образование, которое в истории известно как "держава волынян".

В 20-х гг. VI в. (при византийском императоре Юстиниане) восточные и западные славяне вступили в ожесточенную борьбу с Византийской империей и, сокрушив ее оборонительные сооружения на Дунае, вторглись на территорию Балканского полуострова. Затем они появились и в таких частях империи, как Пелопоннес, острова Эгейского архипелага в Средиземном море, на побережье Адриатического моря и даже в Малой Азии и на северном побережье Африки. Славяне не ушли из пределов Византии и стали основной массой населения, особенно сельского, в ряде ее частей. Так сложились народности южных славян: хорваты, словенцы, болгары, сербы, македонцы, которые впоследствии создали свои государства.

Вплоть до конца X в. славяне вели ожесточенные войны с Византией, при этом они были нападающей стороной. В 905 – 907 гг., когда уже существовала Киевская Русь, русский флот и сухопутное войско вновь, в который раз, появились под Константинополем. Византийцы предпочли переговоры военным действиям против русских и богато одарили их, выплатили контрибуцию, согласились уплачивать дань. Важнейшим подтверждением удачного похода на Византию являются договоры русских с греками. Договоры свидетельствуют, что в Константинополе проживали русские купцы и воины; русские служили наемниками в императорских войсках и ходили с ними в походы вплоть до Испании и южных берегов Средиземного моря. В Византии с незапамятных времен жили русские купцы.

В 907 г. под стенами Константинополя было достигнуто соглашение. Русские получили право беспопытной торговли в столице империи, русским послам предоставлялось особое "посольское" довольствие, а купцам – месячина в течение шести месяцев, на обратный путь их снабжали якорями, парусами, канатами, продуктами.

В сентябре 911 г. был заключен еще один договор, который устанавливал порядок урегулирования конфликтов, обмена и выкупа пленных, возвращение беглых рабов и преступников и т.д.

Существенные перемены в характере отношений с русскими внесло укрепление Византийской империи в 20 – 30-х гг. X в. и вторжение в причерноморские степи полчищ печенегов. С этого времени печенежская угроза становится важнейшим фактором антирусской политики империи. Однако дружественными отношениями между Византией и Русью оставались в 20-х гг. X в. "Клятвенные договоры" с русскими сохранили силу вплоть до похода Игоря в 941 г. В договоре 944 г. как бы признается вина Византии за происшедший разрыв. Византия не желала более соблюдать условия договоров 907 и 911 гг. Встревожило империю и постепенное укрепление русских на берегах Черного моря. Русские пытались обосноваться в устье Днепра, оставаясь там и на зимнее время. Очевидно, речь шла о попытке русских использовать днепровское устье и другие районы Причерноморья в качестве плацдарма для подготовки весенних и летних военных экспедиций в бассейне Черного моря.

По договору 944 г. русские должны были защищать Херсон. В договоре подчеркивается, что русский князь не имеет права распространять свою власть на владения империи на северных берегах Черного моря.

Результатом византийско-русских противоречий был поход Игоря 941 г., который явился неожиданностью для византийцев.

Лишь в сентябре, стянув значительные силы из Малой Азии, Фракии и Македонии, византийцы вытеснили русских.

Несмотря на неудачу, русский князь принялся готовиться к новому походу. В 943 или 944 гг. Игорь, заключив союз с печенегами, выступил по суше и по морю против Византии. Однако императорские послы сумели склонить Игоря к миру. Был заключен новый договор, более благоприятный для византийцев, чем договор 911 г.

В течение четверти века после заключения договора 944 г. отношения Византии и Руси были мирными.

В 957 г. Русь сделала шаг навстречу империи: русская княгиня Ольга в сопровождении большой свиты была принята Константином VII Багрянородным. Однако в это время в отношениях Руси с империей проскальзывают черты настороженности и враждебности. Константин Багрянородный видел в Руси врага и делал ставку на печенегов как на союзников против русских. Ольга осталась недовольна приемом.

Противоречия, нараставшие между Византией и Русью, вылились в конце 60-х начале 70-х гг. в крупное военное столкновение.

Официально в июле 968 г. отношения Руси с Византией были дружественными: 20 июня этого года русские корабли еще стояли в Константинопольской гавани.

В результате дипломатических маневров Византии печенеги весной 969 г. осадили Киев. Однако завоевать и подчинить себе Киевскую Русь не удалось ни им, ни позже появившимся половцам.

Российские историки всячески пытались поставить под сомнение указанный в "Повести временных лет" факт призвания восточными славянами на княжение "варягов". Но в этом, по меркам того времени, ничего не было особенного, порочащего самостоятельность и достоинство складывающейся будущей русской нации.

И ранее племенные старшины выбирали и "призывали" наиболее талантливых военачальников с их дружинами на роль предводителей – вождей объединенных союзных воинских формирований для набегов на Византию или отражения вражеских нашествий. Однако их власть кончалась сразу же после выполнения поставленной воинской задачи. Известно, например, как это решалось новгородским вече, неоднократно призывавшим на княжение таких военачальников с их дружинами и изгонявшим "варягов" после отпадения надобности в них. Закрепление власти "варягов" на княжение в землях восточных славян явилось не признаком их слабости, а результатом непрекращающейся надобности в военных вождях, результатом перехода этих племен от первобытнообщинного строя к раннефеодальному, что в те давние времена являлось общим процессом у всех "варварских" племен в Европе. "Варяги" не принесли в Восточную Европу ни свой язык, ни свою культуру, они, говоря современным языком, обрусели здесь. А их военачальники-князья способствовали созданию у восточных славян их собственного государства – Киевской Руси, а не завоевали и не присоединили эти земли к существующим в то время "варяжским" княжествам в Скандинавии. Долгое время, на протяжении не одного столетия, шло объединение восточнославянских племен в Киевскую Русь, ставшую их первым государством.

К

культура народа является частью его истории. Ее становление, последующее развитие связано с теми же историческими факторами, которые воздействуют на становление и развитие хозяйства страны, ее государственности, политической и духовной жизни общества. В понятие культуры входит, естественно, все, что создано умом, талантом, руками народа, все, что выражает его духовную сущность, его взгляд на мир, на природу, на человеческое бытие, на человеческие отношения.

Весь оригинальный культурный опыт восточного славянства стал достоянием единой русской культуры. Она складывалась как культура всех восточных славян, сохраняя в то же время свои региональные черты – одни для Поднепровья, другие – для Северо-восточной Руси и т.д.

На развитие русской культуры влияло также то, что Русь складывалась как равнинное, открытое всем как внутриплеменным отечественным, так и иноплеменным международным влияниям. И шло это из глубины веков. В общей культуре Руси отразились как традиции, скажем, полян, северян, радимичей, новгородских словен, кривичей, других восточнославянских племен, так и влияние соседних народов, с которыми Русь обменивалась производственными навыками, торговала, воевала, мирилась, – угрофиннов, балтов, иранских племен, других славянских народов.

В пору своего государственного становления Русь испытывала сильное влияние Византии, которая для своего времени была одним из наиболее культурных государств мира. Таким образом, культура Руси складывалась с самого начала как синтетическая, т.е. находящаяся под влиянием различных культурных направлений, стилей, традиций.

Одновременно Русь не просто копировала эти чужие влияния и безоглядно заимствовала их, но применяла к своим культурным традициям, к своему дошедшему из глубины веков народному опыту, пониманию окружающего мира, своему представлению о прекрасном. Поэтому в чертах русской культуры мы постоянно сталкиваемся не только с влияниями извне, но с их порой значительной духовной переработкой, их постоянным преломлением в абсолютно русском стиле.

Долгие годы русская культура развивалась под влиянием языческой религии, языческого мировоззрения.

Ее истоки уходят в индоевропейские древние верования и еще дальше к временам палеолита. Именно там в глубинах древности зарождались представления человека о сверхъестественных силах, которые управляют его судьбой, о его отношении к природе и ее отношении к человеку, о своем месте в окружающем мире.

Своеобразным был и быт наших предков. "Правосудие у них было запечатлено в умах, а не в законах, – писал один греческий историк, отмечая, что у славян в то время еще не было письменного законодательства, – воровство случалось редко и считалось важнее всяких преступлений. Золото и серебро они столь же презирали, сколько прочие смертные желали его". Другой автор свидетельствует: "Племена славян ведут образ жизни одинаковый, имеют одинаковые нравы, любят свободу и не выносят рабства. Они особенно храбры и мужественны в своей стране и способны ко всяким трудам и лишениям. Они легко переносят жар и холод, и наготу тела, и всевозможные неудобства и недостатки. Очень ласковы к чужестранцам, о безопасности которых заботятся больше всего: провожают их от места до места и наставляют себя священным законом, что сосед должен мстить соседу и идти на него войной, если тот по своей беспечности вместо охраны допустит какой-либо случай, где чужеземец потерпит несчастье". Греки заметили особенности общинного патриархального порядка жизни славян: "Пленники у славян не так, как у прочих народов, не всегда остаются в рабстве; они определяют им известное время, после которого, внеся выкуп, те вольны или возвратиться в отечество, или остаться у них друзьями и свободными". Часто вступая в схватки со славянами, греки весьма внимательно изучали характер славян и их военные повадки: "Они превосходные воины, потому что военное дело становится у них суровой наукой во всех мелочах. Высшее счастье в их глазах погибнуть в битве. Умереть от старости или от какого-либо слу-

чая – это позор, унижительнее которого ничего не может быть. Они вообще красивы и рослы; волосы их отливают в русый цвет. Взгляд у них скорее воинственный, чем свирепый". "Часто делают набеги, неожиданные нападения и различные хитрости днем и ночью и, так сказать, играют войной". "Величайшее их искусство состоит в том, что они умеют прятаться в реках под водою. Часто, застигнутые неприятелем, они лежат очень долго на дне и дышат с помощью длинных тростниковых трубок, конец которых берут в рот, а другой высовывают на поверхность воды и таким образом укрываются в глубине. Кто даже заприметит эти трубки, тот, не зная такой хитрости, сочтет их настоящими. Опытные люди узнают их по отрезку или по положению и тогда их придавливают ко рту или выдергивают и тем заставляют хитреца всплыть наверх". Удивительно и такое наблюдение: "Славяне никакой власти не терпят и друг к другу питают ненависть".

Как и другие древние народы, как, в частности, древние греки, славяне населили мир разнообразными богами и богинями. Были среди них главные и второстепенные, могучие, всеильные и слабые, шаловливые, злые и добрые.

Во главе славянских божеств стоял великий Сварог – бог Вселенной, напоминающий древнегреческого Зевса.

Его сыновья – Сварожичи – солнце и огонь, были носителями света и тепла. Бог солнца Дажьбог весьма почитался славянами. Недаром автор "Слова о полку Игореве" называл славян "даждьбожьими внуками". Молились славяне Роду и рожаницам – богу и богиням плодородия. Этот культ был связан с земледельческими занятиями населения и был поэтому особенно популярен. Бог Велес почитался у славян в качестве покровителя скотоводства, это был своеобразный "скотный бог". Стрибог, по их понятиям, повелевал ветрами, как древнегреческий Эол.

По мере слияния славян с некоторыми иранскими и угрофинскими племенами их боги перекочевывали и в славянский пантеон.

Так, в VIII – IX вв. у славян почитался бог солнца Хорс, который явно пришел из мира иранских племен, оттуда же появился и бог Симаргл, который изображался в виде пса и считался богом почвы, корней растений. В иранском мире это был хозяин подземного царства, божество плодородия.

Единственным крупным женским божеством у славян была Макошь, которая олицетворяла рождение всего живого, была покровительницей женской части хозяйства.

Со временем, уже по мере выдвижения в общественной жизни славян князей, воевод, дружин, начала великих военных походов, в которых играла молодая удаля зарождающегося государства, на первый план у славян все больше выдвигается бог молнии и грома Перун – молния, как высшее божество – был непобедим. К XI в. Перун стал главным богом восточных славян.

Но языческие представления не исчерпывались лишь главными богами. Мир был населен и другими сверхъестественными существами. Многие из них были связаны с представлением о существовании загробного царства. Именно оттуда к людям приходили злые духи – упыри. А добрыми духами, оберегающими человека, являлись берегини. Славяне стремились защищаться от злых духов заговорами, амулетами, так называемыми "оберегами". В лесу обитал леший, у воды жили русалки. Славяне верили, что это души умерших, выходящие весной насладиться природой.

Название "русалка" происходит от слова "русый", что означает на древнеславянском языке "светлый", "чистый". Обитание русалок связывали с близостью водоемов – рек, озер, которые считались путем в подземное царство. По этому водному пути русалки выходили на сушу и обитали уже на земле, на ветвях деревьев.

В прологе к "Руслану и Людмиле" у А.С. Пушкина: "Русалка на ветвях сидит". На зиму русалки спускались глубоко под землю. А в реках и озерах они плавали очень ограниченное время, лишь в период полутора летних месяцев "русалий".

Славяне считали, что каждый дом находится под покровительством домового, которого отождествляли с духом своего родоначальника, пращура, или шура, чура. Когда человек считал, что ему грозят злые духи, он призывал своего покровителя – домового, чура, защитить его и говорил: "Чур меня, чур меня!"

Вся жизнь славянина была связана с миром сверхъестественных существ, за которыми стояли силы природы. Это был мир фантастический и поэтический. Он входил в ежедневную жизнь каждой славянской семьи.

Уже накануне нового года (а год у древних славян начинался, как и теперь, 1 января), а затем поворота солнца на весну начинался праздник Коляды. Сначала в домах гасили огни, а потом люди добывали трением новый огонь, зажигали свечи, очаги, славили начало новой жизни солнца, гадали о своей судьбе, совершали жертвоприношения.

Другой крупный праздник, совпадающий с природными явлениями, отмечался в марте. То был день весеннего равноденствия. Славяне славили солнце, праздновали возрождение природы, наступление весны. Они сжигали чучело зимы, холода, смерти; начиналась масленица с ее блинами, напоминающими солнечный круг, проходили гулянья, катания на санях, разные потехи.

1 – 2 мая славяне убрали лентами молодую березу, украшали ветками с только что распутившимися листьями свои дома, снова славили бога солнца, отмечали появление первых весенних всходов.

Новый всенародный праздник приходился на 23 июня и назывался праздником Купалы. На этот день приходился летний солнцеворот. Поспевал урожай, и люди молились о том, чтобы боги послали им дождя. Накануне этого дня, по представлениям славян, русалки выходили на берег из воды, начиналась "русальная неделя". Девушки в эти дни водили хороводы, бросали в реки венки. Самых красивых девушек обвивали зелеными ветками и поливали водой, как бы призывая на землю долгожданный дождь.

Ночью вспыхивали купальские костры, через которые прыгали юноши и девушки, что означало ритуал очищения, которому как бы помогал священный огонь.

В купальские ночи совершались так называемые "умыкания девиц", когда молодые люди сговаривались и жених уводил невесту от домашнего очага.

Сложными религиозными обрядами обставлялись рождения, свадьбы, похороны. Так, известен похоронный обычай восточных славян хоронить вместе с прахом человека (славяне сжигали на кострах своих покойников, помещая их сначала в деревянные лады; это означало, что человек уплывает в подземное царство) одну из его

жен, над которой совершалось ритуальное убийство; в могилу воина клали останки боевого коня, оружие, украшения. Жизнь продолжалась, по представлениям славян, и за гробом. Затем над могилой насыпали высокий курган и совершалась языческая тризна: родственники и соратники поминали умершего. Во время печального пиришества также проводили в его честь воинские состязания. Эти обряды, разумеется, касались лишь племенных вождей.

Истоки русского христианства

С

амые ранние известия о проникновении христианства в восточнославянские земли восходят еще к первым векам новой эры, когда в Малой Азии, на Балканском полуострове, в Северном Причерноморье и Крыму и на Таманском полуострове от тех времен сохранились тайные катакомбные церкви. Первые подступы к крещению Русь сделала в IX в. Тогда дважды руссы принимали крещение. Но языческая реакция бесследно поглощала эти первые попытки русских князей приобщить свой народ к христианству. И все же христианство медленно, но верно вербовало себе сторонников. Под влиянием Византии христианские храмы были построены на Таманском полуострове, в Керчи. Христианские проповедники обращали в христианство руссов, живших в Крыму. Херсонес стал центром христианства во всем Северном Причерноморье. Здесь с незапамятных времен существовала самостоятельная митрополия, т.е. церковная организация во главе с митрополитом. Мощное влияние оказали проповеди и широкая просветительская деятельность "славянских апостолов" Кирилла и Мефодия, которых высоко чтили на Руси даже в языческие времена.

Во времена Игоря в Киеве уже было немало христиан и стояла церковь святого Ильи. После крещения Ольги христианизация пошла более быстрыми темпами. Связи киевского двора с западными христианами показывают, что в ту пору Русь не хотела ориентироваться на какую-то одну из церковных сторон: добрые отношения поддерживались и с византийской, и с римской церковью.

Несмотря на подавляющее значение язычества, Русь отличалась большой веротерпимостью. Здесь свободно отправляли свои религиозные культы мусульмане и иудеи, христиане из Византии, из немецких, польских, чешских земель.

Приход к власти Владимира, казалось, надолго определил торжество язычества. Но жизнь брала свое. Русская правящая верхушка прекрасно понимала необходимость принятия христианства. Во-первых, этого требовали интересы развивающегося государства. Оставаться в христианском мире языческой окраиной означало изоляцию от всего европейского сообщества стран. Во-вторых, новая религия с ее монотеизмом (единобожием) вполне соответствовала сущности нового единого государства во главе с монархом. И не случайно Владимир поставил на холме главных языческих богов во главе с Перуном, пытаясь в языческой религии найти опору государственного единства страны. В-третьих, христианство цементировало семью, ячейку общества, вводило новую мораль, требовало гуманного отношения к женщине, к матери, к детям, к человеку вообще. Это не могло не содействовать прогрессу общества. В-четвертых, приобщение к христианству могло помочь в развитии культуры, духовной жизни страны: христианство уже обладало хорошо разработанной философской системой, породило богатую богословскую литературу. Постоянные контакты с христианскими странами содействовали приобщению Руси к новым общественным отношениям, все более быстрое и глубокое социальное расслоение требовало новой идеологии. Язычество с его равенством людей перед силами природы не могло объяснить и оправдать происхождение и нарастание неравенства.

Несомненно и сам Владимир не раз задумывался над содеянным в своей бурной жизни, где были и убийства, в том числе брата, и клятвопреступления, и разврат, и многоженство. Главным судьей для человека является его собственная душа. И чем ближе конец жизни, тем больше человек ищет защиты от неумолимого рока.

Христианство могло отпустить грехи, очистить душу, дать возможность для возрождения и обновления личности, надежду на счастливую жизнь в вечности. Во всяком случае, после принятия крещения в личной жизни Владимира произошел крутой поворот, и он во многом стал иным человеком, хотя власть по-прежнему диктовала ему свои жестокие законы.

Несмотря на экономические, политические, культурные и религиозные связи Руси с Византией, христианство по византийскому образцу не сразу получило преимущественное право на официальное внедрение в русских землях.

В летописи рассказывается о том, как к Владимиру приходили религиозные миссии из мусульманской Волжской Булгарии, из иудаитской Хазарин, из немецких земель, где утверждалось христианство римского толка. Прибыл проповедник и из Византии, который изложил Владимиру смысл православного христианства.

Владимир внимательно выслушивал миссионеров, советовался с боярами и киевлянами. Приводится и такой случай: когда мусульманские миссионеры, хваля свою религию, обмолвились, что ислам запрещает употребление вина, Владимир будто бы воскликнул: "Руси есть веселье питье, не можем без того быть". Тем не менее, выбор Владимира в пользу византийского христианства основывался не только на тесных связях с Византией. Видимо,

немалую роль сыграл авторитет бабки Ольги, которую народ очень почитал, а также матери-христианки Малуши. А согласно преданию, Владимира покорили рассказы православного грека о храме святой Софии и красота православного богослужения.

Крещение Владимира

Н

а первых порах все новые черты христианской религии, конечно, не могли себя проявить полностью. Поначалу перед русским князем стояли чисто практические вопросы: как использовать принятие христианства для возвышения престижа Руси и авторитета династии? Византия же стремилась христианизировать Русь для того, чтобы оказывать на нее политическое влияние и обезопасить себя от русских набегов.

С этими прямо противоположными целями начали Русь и Византия в 987 г. переговоры, в ходе которых была затронута проблема крещения. На этих переговорах Владимир потребовал себе в жены сестру императора Василия II принцессу Анну. Это могло бы сильно возвысить государственный престиж Руси в Европе и Азии, укрепить авторитет династии внутри страны. Не случайно многие монархи Европы и Азии стремились породниться с византийским императорским домом.

Византийцы, нуждавшиеся в русской помощи против мятежников, согласились с требованием Владимира, но предложили ему принять крещение. Владимир согласился. Русский отряд был направлен в Византию, и антиправительственный мятеж был подавлен. Но, когда опасность миновала, греки не торопились выполнять договор о браке Анны и Владимира. Ситуация резко изменилась. Владимир собрал рать и в 988 г. двинулся на центр византийских владений в Крыму-Херсонес (Корсунь).

Осада продолжалась несколько месяцев. В конце концов с крепостных стен в стан Владимира была пущена стрела, к которой была прикреплена записка. В ней говорилось, что для взятия города необходимо перекрыть водопровод, который находится к востоку от городских стен. Стрела была послана от имени херсонесского священнослужителя Анастаса. Воины Владимира нашли трубопровод и перекопали его. Вскоре изнемогающие от жажды жители города сдались на милость победителя.

После этого Владимир послал в Константинополь гонцов и передал с ними, что если Анна не прибудет к нему в Херсонес, то русская армия атакует Константинополь. Владимир подтвердил свое обещание принять крещение. Анна отказывалась ехать на Русь, плакала и говорила: "Лучше мне умереть". Но Василий II уговорил ее помочь Византии, и вскоре корабль, на котором находилась принцесса, ее свита, священники, прибыл к берегам Крыма.

В Херсонесе Владимир принял крещение, подчеркнув тем самым добровольность этого акта со стороны Руси и независимость от воли Византии. В христианстве он взял имя Василия в честь императора Василия II, с которым Владимир становился как бы вровень. Херсонес был возвращен империи. Вместе с великим князем крестилась и часть дружины. Подобным же образом Хлодвиг, король франков, принял крещение вместе со своими воинами.

Владимир вернулся в Киев, взяв с собой их Херсона иконы, церковную утварь, выведя оттуда часть священников. Прихватил он с собой мощи святого Климента. Ушел с Владимиром и священник Анастас, который помог ему овладеть городом.

Христианизация Руси

М

жду крещением князя Владимира и крещением всей Русской земли прошло немало времени. Лишь в 990 году Владимир предпринял первые шаги по введению христианства на всей территории Руси. Это было большое испытание для народа, особенно на Севере, где язычество было в большей силе и где языческие волхвы являлись выразителями устроения людей.

В начале крещение приняло население Киева. В один из летних дней по приказу Владимира были опрокинуты языческие идолы во главе с Перуном. На следующее утро все жители города явились к реке. Там все они – мужчины, женщины, дети – вошли в воду, и над ними священники провели обряд крещения. Тут же великий князь приказал начать строительство церквей. Первую из них – церковь святого Василия – он указал поставить на холме, где прежде возвышалось изображение Перуна. Следом за этим началось обращение в христианство других русских городов и земель. Этот процесс занял несколько лет.

Христианизация Новгорода была поручена дяде князя Добрыне. Языческий Новгород выступил против прихода Добрыни со священниками и крестами. Лишь после ожесточенных стычек, в ходе которых язычники

разгромили двор Добрыни и убили его близких, новгородскому наместнику удалось сломить сопротивление восставших. Много людей было жестоко наказано. С таким же трудом вводилось христианство в Ростове и других землях. В сельских лесных районах язычество еще долго сохраняло свои позиции.

Христианизация Руси проводилась не только путем княжеских указов, но и другими путями. В Киев из Византии привозились иконы, священные книги; был организован их перевод на славянский язык, повсюду воздвигались христианские храмы.

Владимир не мог не учитывать и еще одной особенности византийской церковной организации. Во главе ее стоял не церковнослужитель, (как римский папа), а глава светской власти – император, ему подчинялся патриарх. Эта традиция переносилась на Русь.

В 996 г. в Киеве было окончено строительство огромного главного храма Руси – каменного собора святой Богородицы. Строилась и украшалась эта церковь греческими мастерами и иконописцами. В этот собор Владимир передал церковную утварь и иконы, вывезенные из Херсонеса. Службу там вели херсонесские священники во главе с Анастасом. Возможно, он встал во главе всей русской церковной организации в качестве митрополита независимо от санкции константинопольской патриархии. Тем самым Владимир как бы подчеркивал независимость русской церковной организации. На содержание этого храма Владимир дал десятую часть княжеских доходов. Поэтому с тех пор церковь стала называться Десятинной.

Новая религия претендовала на то, чтобы изменить мировоззрение людей, их восприятие всей жизни, а значит, и представления о красоте, художественном творчестве, эстетическом влиянии. Однако христианство, оказав сильнейшее воздействие на русскую культуру, особенно в области литературы, архитектуры, искусства, развития грамотности, школьного дела, библиотек, не преодолело народных истоков русской культуры. Долгие десятилетия на Руси сохранялось двоеверие: официальная религия, которая преобладала в городах, и язычество, которое ушло в тень, но по-прежнему существовало в отдаленных частях Руси, особенно на северо-востоке, сохраняло свои позиции в сельской местности. Развитие русской культуры отразило эту двойственность в духовной жизни общества, в народном быту. Языческие духовные традиции, народные в своей основе, оказывали глубокое воздействие на все развитие русской культуры раннего средневековья.

Под влиянием народных традиций, устоев, привычек, под влиянием народного мировосприятия новым содержанием наполнялась и сама церковная культура, религиозная идеология. Суровое аскетическое христианство Византии, пересев на русскую почву с ее культом природы, с поклонением солнцу, свету, ветру, с ее жизнерадостностью, жизнелюбием, глубокой человечностью, существенно преобразовалось. Это нашло отражение во всех областях культуры. Не случайно во многих церковных памятниках культуры, например, сочинениях церковных авторов, мы видим совершенно светские мирские рассуждения и отражение чисто мирских страстей, а вершина духовного достижения Древней Руси – гениальное "Слово о полку Игореве" все пронизано языческими мотивами.

Эта открытость и синтетичность древнерусской культуры, ее мощная опора на народные истоки и народное восприятие, выработанные всей многострадальной историей восточного славянства, переплетение христианских и народно-языческих влияний привело к тому, что в мировой истории называют феноменом русской культуры. Ее характерными чертами являются стремление к монументальности, масштабности, образности в летописании; народность, целостность и простота в искусстве; изящество, глубоко гуманистическое начало в архитектуре; мягкость, жизнелюбие, доброта в живописи; постоянное биение пульса исканий, сомнений, страсти в литературе. И над всем этим господствовала большая слитность творца культурных ценностей с природой, его ощущение сопричастности всему человечеству, переживания за людей, за их боль и несчастья. Не случайно опять же одним из любимых образов русской церкви и культуры стал образ святых Бориса и Глеба, человеколюбцев, непротивленцев, пострадавших за единство страны, принявших муку ради людей.

христианство и культура древней руси

В олей исторической необходимости в конце X в. христианство стало господствующей религией на Руси. Это не значит, однако, что именно православие по византийскому образцу с неизбежностью должно было прийти на Русь. Принятие христианства не было predetermined "свыше", как это утверждает теология. Оно взяло верх над своими идейными конкурентами лишь в ожесточенной политической и идеологической борьбе.

Бесспорно влияние новой веры на отечественную культуру. Воздействие христианства сказалось буквально на всех областях жизни, и не в последнюю очередь, конечно же, в культурной сфере. Но было бы несправедливым связывать все богатство древнерусской культуры с христианством. Больше всего оно воздействовало на официальный слой культуры. Культура народная также испытывала это воздействие, но в меньшей мере, а само влияние распространялось на нее гораздо медленнее. Христианство, несомненно, сообщило мощный импульс культурному развитию, хотя это не дает основание говорить о том, что русская культура родилась вместе с христианством: сменился лишь тип культуры.

Говоря о прогрессивном характере христианизации, нельзя не отметить побочные отрицательные последствия этого процесса. Пришедшее на Русь христианство подавляло предшествующую ему национальную культуру. Отрицательно сказывались на развитии отечественной культуры и последствия изоляционизма, который был привнесен церковью. Выстроенный его идеологический барьер на многие века отгородил Русь от Западной Европы и стран Востока. На этом фоне не всегда благоприятную роль играли тесные связи с византийской культурой, впоследствии пребывавшей в состоянии упадка и застоя.

В отличие от богословских утверждений, что Русь сразу же и с восторгом приняла христианство, усвоение новой религии не представляло собой единоразового и беспроблемного акта. Крещение отличо от христианизации, длительного и многотрудного процесса восприятия новой религии.

Было бы глубочайшим заблуждением относить расцвет раннефеодальной Руси только на счет односторонне благотворного воздействия христианства. Такая позиция возникла как один из вариантов расхожей в буржуазной историографии теории влияний, которые на протяжении всей своей истории якобы переживала Русь. Нет совершенно никаких оснований сводить богатейшую многообразную общественную жизнь средневековой Руси к тем новшествам, которые привела с собой новая вера, равно как нет никаких оснований говорить о сплошной дикости и отсталости славянских племен накануне принятия христианства.

Новая религия объединила социальные организмы, принявшие ее, в особого рода общности – религиозные, а это во многом влияло на сплочение русских земель.

Однако, прежде чем стать консолидирующим фактором, христианство прошло на Руси целый ряд этапов в своем развитии, ассимилируясь в культурном контексте древнерусской цивилизации.

Говоря о христианизации как существенной составляющей русской культуры, следует опять подчеркнуть "неопределенность источников", о чем постоянно говорят исследователи. До сих пор преобладает концепция двух путей проникновения христианства на Русь: византийского и моравско-болгарского. Из болгарских земель на Русь пришли первые пастыри, вероучительные книги, первые писцы и "мужи ученые". На основе греческих, арабских, древнерусских источников воссоздается деятельность не только первых учителей веры – Кирилла и Мефодия, но и особенности постижения христианства Русью. Знакомство Руси с христианством осуществилось задолго до ее официального крещения Владимиром в 988 г. и оно было связано с контактами Руси с Римом, Византией, западноевропейским миром. Ранний период знакомства с христианством, как отмечает А. Синайский, носил эпизодический характер: "Занятые церковными спорами, окончившимися печальным результатом (расколом христианства в 1054 г.)... Рим и Византия имели, так сказать, случайное отношение к юной Русской Церкви, действуя на нее не систематически, а отрывочно". Нельзя упускать из вида, что проникновение христианства на Русь было результатом не только миссионерской деятельности Византийской и Болгарской церквей, но и последствием активных межкультурных контактов населения Руси с соседними странами. Русские торговцы и военные дружины подолгу жили в Византии и Болгарии, на Крите, в Германии, Сирии, Египте, Моравии. Они были хорошо знакомы с исламом, иудаизмом, Римской, Александрийской, Византийской церквями. Представители этих религий постоянно жили в самой Руси в качестве наемников, ремесленников, купцов, толмачей, военнопленных. Сегодня можно говорить о том, что уже в IX в. на Руси появились первые домовые церкви, церковная утварь и книги, которые стали использоваться по назначению, утрачивая статус военных трофеев и заново обретая сакральные смыслы. Официально крещение приняла Ольга в 955 г., затем крестился Владимир, а в 988 г. стал официальной датой крещения "всей земли русской", обретения христианством государственного статуса. В отличие от Западной Европы, где становление христианской веры шло "от низов к верхам" (Н. Бердяев) общества, потребовав для своей эволюции несколько столетий, Русь овладела христианством, прежде всего как государственной религией, говоря словами Е.В. Аничкова, "...христианство вышло из сеней теремного дворца". Это было обусловлено несколькими причинами: необходимостью вписаться на равных в мир европейских государств, в геополитические условия существования, свойственные IX – X вв. (ведь к этому времени среди влиятельных соседей России не было почти ни одного языческого государства); становление русской государственности требовало внутренней консолидации, стирания племенных различий, закрепленных в языческих пантеонах (реформа язычества, предпринятая Владимиром в 980 г., не привела к ожидаемым результатам); обеспечение государственно-культурной целостности, территориальной неделимости, социально-этнической общности нуждалось в новом миропонимании, в новой идеологии. К этому времени уже была сформирована единая хозяйственно-экономическая система, создана денежная единица, унифицирована государственно-политическая структура, выбраны единые культурные ценности. Власти требовалась идеологическая поддержка, которая могла бы дать новое мирообъяснение, воплощенное в христианстве с его принципиально иными, чем в язычестве, иерархией ценностей, нравственными доминантами и отношением к государству. То, что христианство было сознательно "выбрано" и внедрялось

"сверху", преследуя, прежде всего геополитические цели, создало в русской культуре феномен двоеверия – христианско-языческого синкретизма, о природе и характерных чертах которого ученые спорят и сегодня. С новой верой для Руси открывался путь приобщения к западноевропейской культуре, но методы, способы принятия христианства заложили в самой русской культуре то дихотомическое напряжение, которое будет постоянно давать себя знать и в широких еретических движениях (XIV – XVII, XVIII вв.), и в церковном расколе и старообрядничестве сектантстве (XVII, XIX вв.), и в попытках нового религиозного синтеза, религиозного ренессанса (конец XIX – начало XX-го вв.), и в религиозном обновленчестве (наше время).

Принятие христианства – это результат многовековых процессов взаимовлияния и взаимопроникновения культур, в рамках которого религия могла выступать и выступала, прежде всего, как идеология, а не как вероучение в собственном смысле этого слова. Христианизация Руси была, безусловно, закономерным и длительным процессом, который прошел в своем развитии несколько этапов: VI – IX вв. – стихийное, неорганизованное знакомство с христианской доктриной и обрядовыми правилами в результате постоянных контактов восточных славян с готами, фракийцами, греками, ромеями; IX – X вв. характеризуется обилием религиозно-идейных течений на Руси, наличием разнообразных проповедников и миссионеров (францисканцев, бернардинцев, кармелитов, доминиканцев, августинцев, тринитариев и многих других), деятельность которых завершилась превращением христианства в государственную религию, добровольным ее принятием государственно-политической элитой и созданием материальных условий для деятельности русской церкви (указ Владимира о десятине); XI – XVII вв. характеризуются организационным оформлением, автокефальной Русской Православной Церкви во главе с патриархом, насильственным обращением в веру большинства населения и проповеднической, миссионерской деятельностью среди других народов.

Если за весь IX в. в Новгороде было построено только две церкви, в Киеве – 25, то уже к XIII в. христианство становится существенной детерминантой русской культуры, строительство церквей идет по всей Руси. При Ярославе Мудром (1019 – 1054 гг.) только начинается создание монастырей, в XII в. они постепенно становятся центрами новой книжной культуры, а их общее число достигает 70, но только к XVII в. окончательно складывается облик крупнейших монастырских комплексов Руси: Новодевичьего, Донского в Москве, Спасо-Ефимиева и Покровского в Суздале, Алексеевского в Угличе, Новоиерусалимского и др. Становление христианства было не простым: всплески языческого сознания, отраженные в восстаниях волхвов в 1024, 1071 гг., соседствовали с выработкой основ христианской нравственности в знаменитом "Слове о законе и благодати" Иллариона. До XV в. Русская Православная Церковь не обладала полнотой религиозной власти, как церковь латинская, но к этому времени она успела накопить не только богатый опыт конфессиональной и межконфессиональной деятельности, но и аккумулировать обширный культурно-исторический материал, выработать каноны монашеского благочестия, ставшего идеалом для светских властей и простого народа, создать многочисленные центры книжной культуры, выработать самобытный национальный художественный канон, воплощенный в зодчестве, книжной гравюре, прикладном искусстве, иконографии. Оформление национальной церкви сопровождало становление национального государства, изначально складывая симбиоз церкви и власти, с одной стороны, и объективные предпосылки отчуждения народа от религиозных официальных институтов, с другой. Многие русские мыслители считали, что окончательная христианизация русского народного сознания осуществилась только к XVIII в.

Изначально русские князья лично "участвовали в формировании национальных особенностей христианского культа, в подготовке своих священников, в строительстве храмов, содействовали летописанию". После 1018 г. (поражение Болгарии в войне с Византией) на Руси появилось большое количество болгарского духовенства, книжников-писцов, которые занимались переводом греческих религиозно-философских, исторических источников на старославянский язык. Княжеская власть направляла и субсидировала эту работу. Появляются переводы "Истории иудейской войны" Иосифа Флавия, "Христианская топография" Козьмы Индикоплова, "Александрия" и многие другие сочинения. К XIII в. русские монастыри не только накопили достаточный корпус христианской литературы, освоили искусство летописания, но и стали подлинными центрами распространения христианской духовной культуры. Книга была на Руси редкостью, настоящей драгоценностью, доступной только самой богатой части населения. Долгое время простой пастве было запрещено читать и комментировать богословские сочинения, вообще иметь дома книги (по данным П.Н. Милюкова, до первой половины XI в.). Учитывая то, что сами пастыри были зачастую неграмотными и плохо подготовленными к своей деятельности, понятно, почему христианство пришло на Русь в двух формах: в письменной, книжной традиции для элиты и в устной традиции для простонародья. Это создавало предпосылки для ересей, постоянно боровшихся за доступность христианских источников. Процесс христианизации из-за разной доступности источников, разной глубины их понимания и трактовки протекал по-разному в разных социальных группах. Интенсивность приобщения к христианству различных социальных групп тоже была неодинаковой, что сказалось на длительной адаптации христианства на Руси и достаточно позднем оформлении национальной русской церкви (XV в.). Христианство пришло на Русь через княжеский двор, городской посад, но христианизация деревни не завершилась еще даже к XVII в. Поэтому на Руси каждая социальная группа имела свои представления о сущности христианства и его роли в жизни общества, у каждого для принятия новой религии были свои основания. Овладение христианской мифологией, догматикой, символикой, обрядностью не было

единовременным процессом, и его критериями могут служить лишь появление таких свойств материальной и духовной культуры, которые говорят о сформированной новой культурно-религиозной самоидентификации, самоотнесение к новой социокультурной общности – христианам. Усвоение первоначально обрядовой, внешней стороны христианства, которая вливалась в языческий быт славян, привело к оттеснению на второй план догматического ядра христианства, овладение которым произошло лишь к XVI – XVII вв. и было связано с развитием текстологического анализа, исправлением церковно-славянских книг и выработкой национально-религиозного канона, что впоследствии привело к расколу в русской православной церкви. Данных о бытовом представлении православия на Руси крайне мало, и они не дают достоверной картины. Официальная же версия роли христианства в делах Руси была оформлена митрополитом Макарием лишь в середине XVI в., до этого общество мирилось с тем, что существовало оригинальное сочетание христианства и язычества, симбиоз "языческих действий и христианских служб". Б.А. Рыбаков специально подчеркивает, что новое миропонимание не вытесняло старое, а добавлялось к нему. Ярким примером влияния языческих традиций на русскую культуру служат шатровые храмы (шедевр такого вида церковных построек – церковь Вознесения в Коломенском), в которых отразились типические особенности языческих капищ и народной деревянной архитектуры, и против которых с такой яростью боролся Никон, запретив повсеместно их возведение. Это же проявляется и в сохранении вплоть до XV – XVI вв. курганных захоронений в противовес христианским правилам погребения, и в ношении вместе с крестом языческих оберегов; "простая" вера даже получила свое собственное название – обрядоверие. Пережитками языческих верований был обычай, наблюдаемый А.М. Сахаровым еще в середине XIX в.: в некоторых деревнях севера России крестьяне приходили молиться в церковь со своими домашними иконами, совершали моление самостоятельно, перед своим собственным требищем, клали на алтарь под свод кивория языческие жертвы (кутью и т.п.). Запрещение этих обычаев и свободного входа простых людей в алтарь было сделано церковью неоднократно, в том числе и Стоглавым собором, что, однако, далеко не везде уничтожило данную практику. Синтез двух мироведений обнаружился и в художественных памятниках того периода: украшение стен собора резьбой, изображавшей по большей части языческих персонажей (домовых, русалок, кентавров, сказочных зверей и птиц языческого пантеона). Присутствие языческой символики (змеевидные композиции), выполнявшей обережную функцию, можно найти даже в церковных и монастырских ризницах: один из "змеевиков" в XVII в. был вставлен в икону с изображением богородичных праздников в иконостасе Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры. "Змеевик" был и амулетом Ивана Грозного, который он подарил монастырской казне Троице-Сергиевой лавры (опись 1641 г.). Все это говорит о существовании на Руси народной, неортодоксальной трансформации христианства, лежащей в основе плебейских ересей и народных движений. Указанная особенность отразилась и в проявлении феномена юродства. Юродивые, первым из которых был Прокопий Устюжский, были глашатаями правды, прорицателями, защитниками народных интересов. Их называли "народными" святыми, воплощавшими идеалы первоначального христианства и ведущими особый образ жизни. Русская Православная Церковь канонизировала 17 юродивых. Именно они, выполняя христианские заповеди, лучше всего адаптировали православную доктрину к народному сознанию. Таким образом, распространение христианства среди социальных слоев Руси носило поэтапный характер: к XII – XIII в. завершилась христианизация элиты, ко второй половине XIV в. – городского населения, а ко второй половине XVI в. – крестьянства.

Вместе с христианством на Русь пришли культурные ценности всего христианского мира, прежде всего, Византии и Рима. Основной корпус письменных источников, посредством которых Русь приобщалась к культурным традициям античного и христианского мира, был представлен преимущественно византийскими произведениями. Вместе с византийским культурным влиянием на Русь пришли две основные византийские культурные парадигмы: аскетическая и гуманистическая. Процессы взаимовлияния культур не предполагают пассивного усвоения культурного наследия одной страны (в данном случае Византии) другой страной (Русью). Они предполагают отбор того, что та или иная культура считает для себя необходимым и естественным в разнообразии предлагаемых образцов. Поэтому, применительно к любой культуре, в том числе и русской, не корректно говорить о простом копировании, простом заимствовании уже наработанного другими цивилизациями. Русь отбирала и адаптировала то, что ей было необходимо, хорошо ассимилировалось в ее культурном организме, служило для ее развития. В огромном наследии Византии каждая из двух существующих традиций с успехом могла быть усвоена Русью: "для одной позиции характерна ориентация на аскетический и экклезиологический опыт, определенное равнодушие к античному интеллектуальному наследию и имперской идее, акривистское восприятие церковных установлений. Для другой – пристрастие к античному наследию, попытки синтезировать христианский опыт и ученую традицию, универсалистское имперское сознание, при котором империя и всеобщность церкви оказываются двумя взаимосвязанными аспектами вселенской роли христианства, экономия как принцип отношений с властью и обществом". В двух этих традициях (аскетической и гуманистической) одни и те же изначальные элементы (христианство и античное наследие) сочетались в различных пропорциях. Русь выбрала аскетическую парадигму, восходящую к идеалам первоначального христианства, с его тягой к рассмотрению общества как братской монашеской общины: данный момент ярко проявился в эпоху Ивана Грозного, который пытался реформировать общество в связи с этим образцом, создав так называемую монастырскую утопию. Такой выбор был сопряжен со снижением роли богословской рефлексии, господством обрядово-бытовой регламентации. Эта тенденция закреплялась не только отбором тех сочинений, которые переводились для Руси, но и сформировавшейся системой

образования, носившего ярко выраженный катехитический характер. Все это привело к тому, что корпус сочинений, отобранных и используемых на Руси, по своему объему соответствовал "средней монастырской библиотеке" вместе с тем их хватило, чтобы выработать на их основе национальную литературу, традиции собственного летописания, сформировать представление об истинно-христианских нормах власти и отношения к ее "с миром". Переосмысление греко-византийской традиции породило на Руси специфический идеал филателии (братской любви), который стал архетипическим образом, задающим миру правильное поведение правителя. Творческое переосмысление культурных влияний не могло не отразиться на художественной традиции этого периода. Русская литература началась с деятельности моравских братьев в 60-х гг. IX в., создавших славянскую письменность, лежащую в основе книжной церковнославянской традиции. К концу IX в. были выполнены переводы основных библейских текстов, полный отредактированный перевод которых был осуществлен в окончательной канонической редакции только в X в. В X в. были переведены богословские книги, агиографическая, житейная литература, некоторые произведения отцов церкви. На Руси распространяются прологи, шестидневны, хроники, космографии, физиологии, палеи. На основе книжного корпуса греко-византийских и болгарских сочинений на Руси постепенно сформировалась собственная литературная традиция, особенностью которой на первых этапах была полифункциональность, нечетко структурированная жанровая организация. Это привело к тому, что один и тот же текст мог быть воспринимаемым в разных смысловых ключах, порождая различные контекстуальные интерпретации. Литература Руси этого времени выполняла разнообразные функции: агиографическую, литургическую, историографическую, панегирическую, политическую, дидактическую. Данная ситуация стала меняться к концу XIII – XIV вв., когда появились четкие черты жанрового деления и стали формироваться новые жанры. Анонимный, рукописный характер книги приводил к бытованию нескольких списков одного и того же сюжета, к затруднениям при поиске оригинала: в основном, мы знаем древнерусскую литературу по поздним спискам при утраченных оригиналах. Так, "Повесть временных лет", написанная Нестором в 1111 – 1113 гг., известна в редакции Сильвестра (1116 г.), попавшей в состав Лаврентьевской летописи (1377 г.). "Слово о полку Игореве", предположительно созданное в конце XII в., известно в списке XVI в. Вместе с тем, существовали и интересные авторские произведения ("Слово о законе и благодати" Иллариона, "Поучение" Владимира Мономаха), к которым примыкают дидактико-житейные произведения: "Сказание о Борисе и Глебе", "Житие Феодосия Печерского", "Житие Варлаама Хутынского", сочинения Кирилла Туровского. Помимо летописных сводов, прежде всего Ипатьевской летописи, "Елианского и римского летописца", которые синтезировали исторические своды, житийную и документальную литературу, строясь на образцах греко-византийских хронографов, хроник и их компиляции, в древнерусской литературе постепенно формировался корпус сочинений, излагавших библейскую каноническую историю, в которой Русь, представляемая как носительница единой христианской традиции, должна была занять подобающее место в христианском культурном мире. В многочисленных палеях, временниках, летописях Русь приняла изначально отведенное ей Богом место, осмысливаемое в соответствии с жанрово-стилевыми особенностями литературы данного периода. К XII – XIII вв. формируются сочинения, в которых отражается тема испытания русской земли и ее народа, борьбы Добра и Зла, служение Истине, Правде, Отечеству и Миру. Это – "Слово о погибели Русской земли", "Повесть о разорении Рязани Батыем", "Повесть о Меркурии Смоленском". В них входит новая тема: героической жертвенности, "вольной страсти" (муки) во имя общего дела, сознательного непротивления смерти как высшего осознанного служения христианским идеалам. Особое место в литературе этого времени занимает "Моление Даниила Заточника", дошедшее в двух редакциях (XII и XIII вв.). Это произведение синтезирует в себе панегирик, поучение, притчу, обличение, являясь попыткой понять сущность человека, его жизни в соотношении с другими людьми, попыткой разобраться в различных вариантах собственной судьбы. Д.С. Лихачев подчеркивает игровой характер данного сочинения, его глубинную связь со скоморошеством, с притчево-фольклорными основаниями русской культуры. Следует отметить, что древнерусская литература этого периода отражала отсутствие в отечественной культуре оппозиции светского и церковного начал, что позволяло ей играть существенную объединяющую роль по отношению к русскому обществу. Вместе с тем неграмотность русского народа приводила к невозможности его эффективного приобщения к книжной традиции Древней Руси. Народная же устная культура, представленная былинами, эпосом, быличками, легендами, сказаниями, сказками, была мало интересна культурной элите, не сохранялась, не записывалась. Фольклорные жанры подвергались письменной фиксации только в конце XVII в., а собирать и обрабатывать народные сюжеты стали на два столетия позже. Наибольшую известность получили былины о Добрыне Никитиче, Илье Муромце, Микуле Селяниновиче, Садко. Русская литература в условиях смены культу-

рных доминант неизбежно брала на себя функции нравственного воспитания, морально-религиозного просвещения, выработке тех идеалов, которые красной нитью пройдут через всю историю нашей страны. Для русской литературы всегда были характерны проповеднический пафос, огромный накал поиска духовных основ истинно праведной жизни. Сила утверждения христианских ценностей в книжной отечественной культуре так высока, что Д.С. Лихачев называл древнерусскую литературу литературой одной темы – мировой истории, и одного сюжета – смысла человеческой жизни. Вместе с тем в условиях двоеверия, безграмотности народа, специфической формы христианизации книга не могла в полной мере выполнять культуросинтезирующую роль. Здесь на помощь приходила архитектура – "каменная азбука христианства" (Ф. Достоевский). Собор всегда выступал наглядной формой воплощения христианского вероучения, он являл собой материализованное мировидение средневекового человека, символически фиксируя его место в мире, характер его отношения с Богом и Церковью, рассказывая священную историю, делая понятной христианскую модель мира, начальные и конечные этапы его развития. Храм в городе, по словам А. Меня, – это пророк, говорящий о вечности. В его интерьере четко определялось место основных образов, символов, мифов христианства, воплощенных во фресках, иконах, пластике, произведениях прикладного искусства, наглядно проявлялась иерархия сущего, символом которой в

Средневековье была "золотая лестница" (лестница, на каждой ступени которой каждое существо, явление занимало предначертанное место). Храм организовывал не только пространство, но и время средневекового русича: звон его колоколов (настоящее, уникальное искусство русского колокольного звона начало формироваться с XIII в.) отмерял время для всех жителей Древней Руси. Символическим воплощением христианской истории, христианского миропонимания становится в русской архитектуре крестово-купольная композиция, выступающая воплощением единства небесного и земного, вечного и преходящего, святого и духовного, Божественного и человеческого. Но начало русскому зодчеству дало великолепие византийской купольной архитектуры, образцами которой стали София Киевская и София Новгородская. В этот период строили в основном греки, воплощая в архитектурных формах свою тягу к пышности, украшательству, традициям богатых мозаичных композиций, столь нехарактерных для Руси впоследствии. После строительства Спасо-Преображенского собора в Чернигове (1036 г.), аккумулировавшего все типичные черты византийской архитектуры (трехнефность, пятикупольность, хоры), уже при создании композиций первой каменной русской церкви в Киеве – Богородицы Десятиной (конец X в.), которая была полностью разрушена в 1240 г. ордынскими войсками, были воплощены чисто русские, неканонические для Византии черты: многокупольность (25 куполов), акцентирование алтарной части, пирамидальность композиции. В IX в. был сооружен в Печерском монастыре первый однокупольный Успенский собор, являвший собой воплощение характерно-национального композиционного решения. К XII – XIII вв. условное единство киевского архитектурного канона распадается на региональные формы зодчества. В это время создаются уникальные архитектурные сооружения, отнесенные к мировым сокровищам культуры: церкви Покрова Богородицы на Нерли (1165 г.), Спасо-Преображения Покровского монастыря (1165 г.), Дмитриевский собор во Владимире (1194 – 1197 гг.). Колоссальные монументальные формы Киевской Руси, грандиозность композиций и интерьеров (так, в Киевской Софии фигура Богоматери Оранты имеет высоту 5,45 метров, а изображение Пантократора в куполе равно четырем метрам, Ярославская Оранта имеет высоту три метра) сменяются гармонией строгой соразмерности архитектурных форм, их камерностью, когда через "малое видится великое" (М. Грек). Строгость архитектурного стиля Руси была связана и с перенесением на каменное зодчество характерных черт деревянного строительства, ведь до 1292 г. из-за ордынского ига на Руси не было построено ни одной каменной церкви. В связи с территориальным положением и спецификой истории наибольшая сохранность соборных построек наблюдается на Новгородской земле, где строительство осуществлялось из кирпича, а само это строительство было очень разнообразным: возводились монастыри (композиции Антониевского и Юрьевского монастырей) и храмовые постройки, церкви (знаменитая церковь Николы в Ярославском дворце, церковь Спаса на Нередице (1198 г.), уличные церкви (например, церковь Петра и Павла на Синичьей улице), домашние церковки. Во Владимиро-Суздальской земле строительство осуществлялось из известняка, который давал возможность декорирования архитектурных сооружений каменной резьбой, из 566 изображений которой только 46 непосредственно связаны с христианской тематикой. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (1234 г.) также украшен резьбой от подножия до кровли, в ней встречается очень интересный образ – кентавра в русском кафтане. Архитектура Владимиро-Суздальской земли носила на себе отпечаток влияния романского стиля. Постепенно уже на иных национальных основаниях в XII – XIII вв. складывается общерусский национальный стиль в архитектуре, отражающий самобытность русской культуры. Его воплощением стали башнеобразные формы, основанные на ступенчатых арках, введение второго и третьего яруса закомор, сложных кокошников, что создавало динамичную, устремленную вверх композицию. Идеальным воплощением нового русского национального стиля стали Спасская церковь Спасо-Андронникова монастыря (XV в.), храм Василия Блаженного (XVI в.), церковь Вознесения в Коломенском (XVI в.). Процессы, происходившие в зодчестве, не могли не затронуть живописных традиций. Первые иконы появились в Византии в V – VII вв., а к IX в. иконографический канон сложился окончательно и в этом виде пришел на Русь. Первые росписи осуществляли византийские и греческие мастера: например, великолепную роспись церкви Спаса на Нередице в Новгороде, уничтоженную во время Великой Отечественной Войны, осуществлял византиец Олисей Гречин. Иконографическая традиция на Руси начиналась с фресок Софии Киевской, на которых были изображены не только христианские святые и сюжеты священной истории, но и групповой портрет семьи Ярослава Мудрого, скomorохи и музыканты, что, безусловно, являлось нарушением строго византийского канона. От раннего периода осталось очень мало икон: от знаменитых мозаик Михайловского монастыря в Киеве, например, сохранилось лишь изображение Дмитрия Солунского, из икон Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде – только Устюжское Благовещенье. Постепенно общие каноны построения изображения, свойственные византийской иконографии, сменяются особенностями национальных иконописных школ: Новгородской, Московской, Владимиро-Суздальской. Первый русский иконописец Алимпий Печерский творил в XI в., национальные же иконографические школы складываются только во второй половине XIII в. И в иконографической традиции Древней Руси отразились общие для данного периода (когда христианская вера стала и "системой права, и политической доктриной, и моральным учением, и философией"), черты русской художественной культуры: универсализм, синкретизм, каноничность, анонимность, нормативность, традиционализм, символичность, мистический реализм, условность, абстрактный психологизм (термин Д.С. Лихачева). Выработка общехудожественного стиля была связана с постепенным становлением общего стиля культурной жизни Руси, воплощением чего стала, прежде всего, унификация и централизация политической жизни. Период ученичества закончился, начиналось время самоутверждения и саморефлексии культуры, воплощением которой стала выдвинутая иноком Филофеем идеология "Москва – третий Рим" (1524 г.), легшая в основу становящегося Московского царства и утверждавшая Москву центром всего христианского мира. Христианство, обретая на Руси национальную форму православия и выстояв в борьбе с ордынским нашествием, дало к XIV – XVI вв. толчок для новой национальной консолидации, отразившийся в рассвете новых жанров литературы, в быстром прогрессировании архитектуры, иконописи, философско-богословской мысли. Постордынский период в развитии русской культуры характеризуется ярко

выраженным подъемом, в основе которого лежит рост национального самосознания и выработка новых государственных форм, поддержанных новыми идеологемами и нашедших обоснование в религиозно-философских трактатах данного времени, а также освоение традиций народной культуры (шатровые храмы, новые сюжеты в иконографии, темы и жанры литературы), когда народная жизнь стала предметом изображения и художественного осмысления. Но данный период характеризуется отнюдь не однозначными тенденциями в развитии культуры: наряду с освоением ценностей народной жизни, развитием национального стиля в это время на Русь проникает мощное европейское влияние. Оно было связано не только с противоречиями исторических процессов этого времени. XVI в. для Руси – переломный период в ее судьбе, когда решается вопрос о дальнейшем ее существовании: плавный эволюционный процесс культурного развития был прерван Ливонской войной, смутой, иностранной интервенцией, установлением опричнины и крепостного права. Время культурного подъема в XV в. – середине XVI в. постепенно сменяется эпохой, подспудно готовящей Петровские преобразования. XV – XVI вв. – это эпоха прояснения социально-политических, духовных, культурных проблем, эпоха полемики и диалогов, эпоха начала книгопечатания (1553 г.) и формирования светского направления в культуре, это развитие самостоятельной критической мысли, направленной на рефлексию самих основ русской цивилизации. Это период синтеза локальных культур и государственно-политических институтов, собирания и осмысления ценностей и идеалов предшествующего этапа культурного развития, время становления национального характера, высокого развития исторического самосознания, которое предполагало и историческую память и историческую ответственность за судьбы России. Традиционализм и историзм, свойственные данному периоду русской культуры, не были нацелены только на развитие охранительных тенденций в социокультурной жизни России. Напротив, они предполагали развитие "самомышления", на основе полемического прояснения всех культурнозначимых вопросов: "...от судеб феодальной земельной собственности до принципов иконописания... Обсуждаются проекты социальных реформ, государственного устройства, происхождение и характер великокняжеской и царской власти, ее обязанности по отношению к подданным, ее взаимоотношения с церковью, социальная роль церкви и монашества, место России в мировой истории и русской церкви и истории христианства". Полемический диалог в эту эпоху представляли, прежде всего, нестяжатели (Нил Сорский, Вассиан Патрикеев, Максим Грек) и иосифляне (Иосиф Волоцкий, митрополиты Даниил и Макарий). Дискутируются сущностные вопросы об уме и душе, истине и правде, добре и красоте, вере и справедливости, жизни и смерти, свободной воле и понуждении. Зарождаются споры о языке книжном и народном (Зиновий Отенской, А. Курбский), складываются первоначальные нормы русского языка. Споры о языке были сопряжены с практикой исправления книг, текстологической критике ортодоксальной веры, легшей в основание русского раскола. В этот период не было ни одной темы, ни одной сферы русской культуры, которые не подвергались бы переосмыслению и переоценке. Квинтэссенцией полемического накала эпохи выступили движения еретиков-реформаторов. (Новгородская ересь, ереси Феодосия Косого – XVI в., Ф. Курицина, ересь жидовствующих и т.д.), в которых народ пытался защитить вероучение, и полемика Ивана IV с А. Курбским по вопросам государственного строя России, природы и сущности царской власти. Но постепенно живые голоса споров были оттеснены на периферию культуры: победу одержали ортодоксы и авторитарность царской власти. Быстро развивающееся противоборство между церковной и светской тенденциями в русской культуре отразилось и в появлении новых жанров литературы: публицистики, азбуковников, первых русских энциклопедий ("Русский хронограф", 12-томные "Великие Миней Четьи", "Лицевой летописный свод" – более 10 томов, "Никоновская летопись", "Степенная книга", "Сказание о князьях Владимирских" и др.), светских биографий ("История о Великом князе Московском", "Житие" Аввакума, "Сказание о Максиме Греке, написанное им самим", повесть об Ульяне Осоргиной), светских стихов ("Вертоград многоцветный" С. Полоцкого содержал 1555 стихотворений). Литература, по словам Ермолая Еразма, становится "оружием борьбы", своеобразным средством отстаивания своих взглядов в проходившей полемике. Сама же полемика была напрямую связана с ростом личностного самосознания, воплощающегося в произведениях художественной культуры. Данные процессы породили попытку "повторной канонизации", попытку обоснования государственно-церковного управления культурным развитием, что воплотилось в решениях Стоглавого Собора (1551 г.). Рост национального самосознания, ощущение своей силы и самобытности проявились более полно в экспрессивно-эмоциональной литературе этого периода, прежде всего в творчестве Киприана ("Житие митрополита Петра"), Епифания Премудрого ("Житие Сергия Радонежского"). Этические мотивы в этот период соседствуют с новыми для русской литературы темами. Нарастающие процессы индивидуализации художественного творчества сопровождаются собиранием знаний, их оформлением в философско-богословских трактатах, житейно-нравственных, дидактических сочинениях. Появляются "домострои", существенно расширяются "Миней Четьи". В литературу входят новые мотивы, воплощенные в сочинениях разносторонне образованного Максима Грека: "Беседа Ума с Душой", "Слово о покаянии" и др.

Христианизация положила начало перестройке духовной сферы жизни древнерусского общества. Она несла сознание (на языке того времени) "свободной благодати", противопоставленной "рабскому закону", что означало санкцию духовной свободы человека, насколько она была возможна в рамках христианского вероучения. Велики были культурные последствия этого сознания, материализовавшиеся в книжности, зодчестве, изобразительных искусствах (фресковые росписи, иконопись, книжные миниатюры), художественных ремеслах. Христианизация служила и их культуре. Принятие Киевской Русью христианства в его восточном ответвлении способствовало ее сближению с Византией, приобщению к византийской культуре. Православие, начавшее обособляться в христианстве в X в. и ставшее в XI в. уже исторической реальностью, явилось фактором культурного единения Киевской Руси с Византией и с другими странами той же религиозной ориентации (Болгария, Сербия), также испытывавшими влияние византийской культуры. В то время Византии принадлежало лидирующее положение в христианском мире.

Владимир Святославич и его окружение, избравшие восточную ветвь христианства в качестве государственной религии и пошедшие на сближение с Византией, не могли, естественно, предвидеть отдаленные последствия своих действий. Находившаяся в X – XI вв. на подъеме Византия, некоторое время спустя, стала клониться к упадку. Феодалные отношения в империи, развивавшиеся медленно, так и не достигли полной зрелости; феодальная структура общества оставалась незавершенной. Естественно, христианизация Руси – явление прогрессивное. В установлении же меры прогрессивности существуют определенные расхождения, обычно связанные с неодинаковым определением исторической роли Византии. А едва ли не самое существенное заключалось как раз в своеобразии русского христианства, как отношении форм организации, так и культурной особенности.

В свое время Никольский заметил, что раннее русское христианство "было проникнуто светлым и возвышенным оптимизмом мировой религии". Прогрессивность перехода к христианству состояла, прежде всего, в том, что Русь усваивала наиболее демократические его формы, сами по себе предполагавшие широкую веротерпимость, следовательно, способность сохранять культурное наследие языческого прошлого и обогащать его за счет связей, как с Западом, так и с Востоком. Идущая из Византии более мрачная струя утверждается, главным образом, в XV в., когда сама Византия как государство прекращает существование, а Русь становится как бы, законной ее наследницей. Но и в это время сохраняется собственно "русская" традиция, выражающаяся в относительно широком допуске различных толкований канонических положений, терпимости к бытовым пережиткам язычества и отрицательным отношениям к церковной иерархии, окончательно отгородившейся от своей христианской паствы.

Иконопись Древней Руси

Большую роль в истории Древней Руси сыграли города, но одной из особенностей древнерусской городской культуры была ее глубокая связь с крестьянским творчеством. Крестьянское искусство, развиваясь параллельно с "большим" городским искусством, не было отделено от него глухой стеною.

В Новгороде, наиболее зрелом средневековом городе Древней Руси, это влияние порой прослеживалось с гораздо большей отчетливостью, чем в искусстве столиц больших княжеств.

Существенные особенности древнерусского искусства определялись жизненностью патриотических идей.

Уже в XI – XII вв. люди Древней Руси, (жили ли они в Киеве, Новгороде или Владимире), ощущали свою связь с русской землей. Это чувство намного обострилось в период татаро-монгольского ига, ускорило рост национального самосознания и, естественно, отразилось во всех сферах духовной жизни, в том числе и в художественном творчестве. В результате древнерусское искусство получило яркий отпечаток художественных вкусов народов, обрело свое национальное своеобразие.

Уже в XI – XII вв. в древнерусском искусстве появляются композиции и образы, которых византийское искусство не знало. Например, культ Бориса и Глеба вызвал к жизни новые иконографические сюжеты. Возникла композиция "Покров Богоматери" и ряд других. Древнерусский художник выполнял предписание церкви, но вносил в свое произведение и новшества, которые показались бы еретическими в Константинополе. Церковь была вынуждена санкционировать эти новшества, ибо только таким путем она могла противостоять широкому потоку местных, чаще еще языческих верований, и вводить их в русло официальной господствующей религии. Эти особенности древнерусской художественной культуры очень ярко проявляются в архитектуре. Хотя древнерусская архитектура достигла серьезных успехов в гражданском и крестьянском строительстве, ее своеобразие особенно выступает в культовых сооружениях – храмах (что, как известно, свойственно всему средневековому зодчеству). Древнерусские зодчие прекрасно чувствовали связь архитектуры с окружающим ландшафтом. Будь то скромный монастырский храм в лесной глуши или величественный городской собор, окруженный мощными крепостными стенами, они гармонично вписываются в пейзаж, прекрасно соответствуя характеру русского ландшафта. Постоянное общение древнерусского человека с природой придало и зодчеству внутреннее единство и цельность, соразмерность, простоту форм, спокойный и мужественный ритм. Необходимо также отметить взаимосвязь деревянного и каменного зодчества, принимающую самые различные формы на разных этапах исторического развития древнерусской архитектуры.

В изобразительном искусстве Древней Руси самобытность проявилась с не меньшей силой. Даже в Византии иконопись никогда не играла такой важной роли, как на Руси, где она стала одной из основных общераспространенных форм изобразительного искусства, соперницей монументальной живописи.

В пределах твердо установившихся правил (плоскостного изображения, условность передачи фигуры, лица, архитектурного и природного фона) художники достигали огромной выразительности. Простыми средствами они создали образы глубокого внутреннего содержания, большой эмоциональности и силы. Это

В дает право считать икону одним из важнейших вкладов древнерусского искусства в мировую художественную культуру.

Пластика занимала в древнерусском искусстве подчиненное положение. Как и в Византии, православная церковь видела в круглой скульптуре наследие "идольских", языческих времен и относилась к ней неодобрительно. Хотя этот взгляд с течением времени изменился, круглая скульптура так и не получила большого развития в Древней Руси. Зато процветало прикладное искусство: резьба по дереву, камню, литье, чеканка, эмальерное дело, вышивка, керамика и др.

Путь развития древнерусского искусства делится на ряд четко обозначенных периодов, в основном совпадающих с эпохами социально-экономической и политической историей общества.

Это эпоха Киевской Руси (IX – начало XII вв.), пора феодальной раздробленности (XII – XIII вв.), период борьбы против татаро-монгольского ига и объединение русских княжеств (XIV – нач. XV вв.), время сложения и укрепления русского и централизованного государства (XV – XVI вв.) и конец XVII-го столетия, когда обнаружился кризис средневекового искусства и зарождалось искусство нового типа.

В середине XIV в. новгородская школа живописи достигла уже подлинной зрелости. Тому свидетельством погибшие фрески Михайловской церкви Сквородовского монастыря близ Новгорода (как и церкви Спаса на Нередице, разрушенной фашистами).

Увы, изучение этих замечательных фресок далеко не было закончено, так как до 1937 г. их скрывали известковая побелка и толстый слой позднейших записей.

Сознавая непревзойденный уровень своей иконописи, новгородцы равняли по ней и свою монументальную живопись. Расписывая стены храма, новгородский художник как бы увешивал их иконами. Недаром, сообщая о росписи новопостроенной церкви, летописцы обычно добавляют: "украши ю иконами", хотя речь идет о фресках. В Новгороде особенно рано возникло отношение к иконе как к драгоценности, как к священному образу, на который любо смотреть с благоговением. "Певучесть" очертаний и интенсивность звонкой колористической гаммы создавали в иконе веселящую душу симфонию линий и красок. И хотя XIV в. может считаться золотым для новгородской монументальной живописи, характерные свойства иконописи по-прежнему явственны в ней и в эту пору.

Чем шире развивалась иконопись, без которой не могла обойтись ни одна деревянная церковь, тем определеннее выявлялась ее ведущая роль во всем древнерусском изобразительном искусстве.

Феофан Грек

70-х гг. XIV в. в Новгороде, где уже сформировалась самобытная художественная школа живописи, появляется выходец из Константинополя – знаменитый Феофан Грек.

О нем следует сказать особо. Во-первых, он был гениальным художником; во-вторых, что является для того времени исключением, мы имеем живое представление о его личности и наконец, а это самое главное, "он настолько тесно сжился с русскими людьми и настолько крепко вошел в русское искусство, что его имя в такой же мере неотделимо от последнего, как имена Растрелли, Кваренги и Росси" (В.Н. Лазарев).

Автор "Жития Феофана Грека", сам человек выдающийся, древнерусский писатель монах Епифаний, прозванный Премудрым, встречался с Феофаном в самом начале XV в.

Вот его свидетельство:

"Когда я жил в Москве, там проживал и преславный мудрец, философ зело хитрый, Феофан, родом грек, книги изограф нарочитый и среди иконописцев отменный живописец, который собственною рукою расписал много различных церквей, каменных более сорока... в Константинополе, и в Халкидоне, и в Галате, и в Каффе, и в Великом Новгороде, и в Москве им расписано три церкви... В церкви Святого Михаила он изобразил на стене город, подробно вырисовав его красками; у князя Владимира Андреевича он изобразил на каменной стене так же самую Москву."

В византийском искусстве, где главенствовал принцип безличного творчества, Феофан был, вероятно, первым и одновременно последним мастером со столь ярко выраженной творческой индивидуальностью. Согретый живописными изысканиями раннепалеологовской эпохи, восхищенный, конечно, знаменитыми мозаиками и фресками монастыря Хора, он видел, как этот новый расцвет византийского искусства был растоптан восторжествовавшей монашеской реакцией, нетерпимой ко всему человеческому, земному в художественном творчестве.

Что было делать Феофану на родине, где утверждался самый холодный, самый сухой академизм, при котором всякое оживление храмовой росписи трактовалось как придача "беспорядочного движения образам святых"?

Феофану, вероятно, было тесно в Константинополе той поры. Переход Феофана из Византии на Русь имеет глубокое символическое значение. Это как бы эстафета искусства, передача светлого его факела из костенеющих старческих рук в руки молодые и крепкие.

Что же увидел Феофан в Новгороде, куда он попал (еще до Москвы), очевидно, из Каффы (Феодосии)?

Он увидел народ, упорно и вдохновенно воздвигающий надежное здание своего будущего, страну, часть которой еще была под властью монголов, но где накапливались силы для свержения ненавистного варварского ига. Он увидел нацию не бездыханную, а развивающуюся в постоянном творческом порыве и хотя еще не совсем свободную, но сознающую свои возможности и свою жизненность. Он увидел город, украшенный прекрасными храмами, сияющий белизной своих стен и золотом куполов, где искусство, не зная застоя, развивалось в одном ритме с бурлящей народной жизнью. Он увидел фрески Нередицы и, конечно, осознал живописную мощь и величественную вдохновенность их образов, равно как утонченность образов Михайловской церкви. Он должен был восхититься полнокроем и яркостью новгородской иконописи. И поняв, и полюбив ее, он с ней сочетал собственную гениальность, всю страстность своего не знающего преград художественного темперамента, радуясь тому, как его дерзания благодарно воспринимались на новгородской почве.

По заказу знатного боярина и уличан Ильиной улицы Феофан расписал в 1378 г. церковь Спаса Преображения, одно из самых стройных и самых гармоничных по своим пропорциям среди новопостроенных тогда в Новгороде зданий. Эти фрески, раскрытые главным образом в советское время, дошли до нас далеко не полностью. И все же они основное, да и единственно достоверное в новгородском наследии Феофана.

Мир грозовой, тревожный, мир кипящий, огненный, где все в движении, и неудержимый порыв страстей открывается нашему взору в феофановской росписи. Не представить себе композиций более динамических, более властно захватывающих зрителя в свой водоворот.

Тут и грозный Пантократор, и лик Серафима, выглядывающего из могучего шестикрылья, ангел, под чьими крыльями, как под шатром, приютился бы, кажется, весь мир, и праотцы: Ной, Иов, Мельхиседек и Макарий Египетский, шесть десятилетий проживший аскетом в пустыне, и отшельники, именуемые столпниками, что убивали плоть стоянием на столбе, и другие подвижники и святые.

Смелое вхождение Феофана в новгородскую школу живописи явилось для нее живительной встряской. Вырываясь из византийского застоя, гений Феофана в свою очередь будил в русской живописи волю к раскрепощению, к свободному выявлению собственной динамичности, собственного темперамента. Аскетическая суровость его образов не могла привиться на русской почве, но их психологическая многогранность отвечала стремлению новгородских художников передать внутренний мир человека, а живопись феофановских композиций открывала новые горизонты их мастерству.

Написанная в 70 – 80-х гг. XIV в. двусторонняя икона Донской Богоматери (переданная в Третьяковскую галерею из московского Благовещенского собора) признается теперь работой либо Феофана Грека, либо высоко одаренного новгородского мастера, испытавшего его влияние. Это один из шедевров древнерусской живописи.

На лицевой стороне иконы написано "Умиление". Со знаменитой Владимирской богородицей Донскую роднит еще другое. Она тоже для нас историческая реликвия, овеянная славой. Пусть предание о том, будто казаки подарили ее Дмитрию Донскому перед битвой на Куликовом поле, где ее понесли как хоругвь, очевидно, необоснованно. Зато полная достоверность, что Иван Грозный брал ее с собой в казанский поход, что в 1591 г. ее торжественно выставили, когда под самой Москвой шла битва с татарами, что ее чтили как защитницу отечества и что в 1598 г. патриарх нарек пред нею на царство Бориса Годунова. Обращались к ней за помощью русские люди в наши дни, в XX в.

Андрей Рублев

Андрей Рублев родился между 1360 и 1370 гг. и умер в 1430 г. Он почитался при жизни выдающимся мастером, но подлинная слава пришла к нему уже после смерти, причем далеко не сразу. Зато слава эта оказалась непререкаемой.

Одним из первых ревностных ценителей художественного наследия Рублева (более чем через полвека после его кончины) был, по-видимому, известный церковный писатель Иосиф, игумен Волоцкий, основатель Волоколамского монастыря. В этот монастырь он поставил "иконы три Рублева письма Андрея". Также известно, что внесение в монастырь "на помин души" иконы Рублева оценивалось в 20 рублей, что в то время равнялось стоимости средней величины деревни. Поссорившись с тверским князем Федором, тот же Иосиф решил его "мздой утешить" в виде икон Рублева письма, причем "князь Федор сам приехал в монастырь, да не поехал с монастыря доколе икон не взял".

Монастыри хвалятся друг пред другом обладанием рублевскими иконами. А на миниатюрах, украшающих летописные своды и жития святых, мы видим изображения самого Рублева в монашеском облачении, с окладистой бородой, расписывающим вместе с Даниилом стены храма.

И вот наступают времена, когда не только перед именем Рублева, но и рядом с ним ничье другое уже не упоминается, очевидно, как недостойное такой близости. Так, летописец в рассказе о пожаре Благовещенского собора, вовсе не называя старших, вероятно уже забытых мастеров (а ведь один из них был великий Феофан), сообщает, что "деисус Андреева письма" испортился в жару и в дыму. А в середине XVI в. Стоглавый собор

повелевает "писать живописцам иконы с древних образов, как греческие живописцы писали и как писал Андрей Рублев".

Русская икона является одним из самых примечательных художественных открытий XX в. В прошлом столетии даже коллекционеры, специально собирающие памятники древнерусской иконописи, не подозревали, какую красоту они в себе таят... Когда в 900-х гг. впервые приступили к расчистке икон, выяснилось, что под подновлениями и записями древнее письмо превосходно сохранилось и приобрело твердость и плотность кости... "Как бы внезапно спала пелена, застилавшая подлинный лик русской живописи. И сразу же стало очевидно, что это искусство не было ни аскетическим, ни суровым, ни фанатичным, что в нем ярко отразилось живое народное творчество, что оно перекликается своей просветленностью и какой-то особой яркостью в строе своих форм с античной живописью, что его следует рассматривать как одно из самых совершенных проявлений русского гения" (В.Н. Лазарев).

Выше сказанное как нельзя лучше передает то ошеломляющее впечатление, которое произвело раскрытие "Троицы" Рублева, находившейся тогда в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры.

"Троицу" решили раскрыть уже в 1904 г. Дело в том, что имелось письменное подтверждение монастырского предания, согласно которому эта икона была написана самолично Рублевым.

Снятие золотой ризы принесло, однако, разочарование почитателям древнерусского искусства, надеявшимся увидеть, наконец, подлинное творение знаменитого мастера: под ней оказалась весьма банальная живопись. То был результат последнего подновления, произведенного в конце XVIII в. Но, когда один за другим начали снимать "беззаконные" красочные слои, всех охватило беспредельное восхищение: из скрывавшей его так долго темницы высвободилось одно из самых значительных, самых одухотворенных созданий мировой живописи.

Расчистка иконы все же не была тогда доведена до конца. По требованию духовенства рублевская живопись была запрятана под роскошный оклад, более чтимый монастырским начальством, чем эта живопись.

Только в советское время "Троица", переданная в Третьяковскую галерею, была полностью раскрыта, чтобы занять там первое место среди шедевров древнерусского искусства.

Чувство, радости возникает от созерцания "Троицы" Рублева, даже если не знаешь, в чем, в сущности, ее сюжет.

Скажем о нем кратко.

К библейскому патриарху Аврааму явились трое прекрасных юношей, и он заклал тельца и пышно угостил их, угадав в юных странниках воплощение извечного во многих религиях троичного начала божества. Византийские художники передавали легенду во всех подробностях – со сценой заклания и со столом, уставленным яствами. Рублев все сосредоточил на главном. В чаше, вокруг которой восседают три ангела, – голова жертвенного тельца, прообраза евангельского агнца, символа жертвенности Христа во имя любви и спасения рода человеческого. В содержании "Троицы" художник выявил то, что вечно: добро, жертвенность и любовь.

Что же это за мир, в который нас погружает созерцанием "Троицы"?

Это мир согласия и взаимной любви, это мир глубокого, неразрывного единства, которое воспринимается нами как завершение всех человеческих устремлений. И это единство зримо выступает перед нами в том не обозначенном линией круге, что рождает в нашем сознании плавное очертание трех ангельских фигур. Мир тишины и покоя, ибо никакого действия перед нами не происходит, покоя просветленного, благотворного, к которому пришло, наконец, нечто до этого зыбкое, возможно, тревожное и хаотичное. Сияют пронизанные светом нежные краски: чудесен рублевский "голубец" – чистейшая ляпис-лазурь. В глазах ангелов – мечта, кроткая взаимная преданность, предчувствие неотвратимой печали и сознание важности, священности их союза; силуэт каждого совершенен в истинно кристальной своей чистоте.

Как правильно было замечено искусствоведами, среди всех созданий древнерусских художников, рублевские ангелы представляются самыми бесполоми. Ничто не отличает их: ни крылья, ни облачения; они предельно легки, как и вся композиция, почти лишенная глубины в своем плакатном ритме.

Рублев оплодотворил вечно юным началом светлой радости и любви художественный гений нашего народа, еще ярче, полнее выявив свое своеобразие.

"Бесчисленны изображения Христа в искусстве всех христианских народов. Но нет, быть может, Христа более человеческого, более просветленного мудростью и любовью, чем рублевский, истинный отец и хранитель людей. Рублевский Христос смотрит на нас своими всевидящими глазами, и чудится нам, что на этой липовой доске с полуосыпавшейся живописью запечатлен образ, нет, не бога, а прекраснейшего и мудрейшего из всех людей, любвеобильного, неиссякаемого в своей милости, образ, в котором все благородство и честь человеческого рода".

Рублевский "Спас" вместе с "Архангелом Михаилом" и "Апостолом Павлом", – эти иконы поясного деисуса, что некогда, обветшалые, были сложены в сарае близ храма в Звенигороде.

Хотя тому нет письменных подтверждений, как-то сразу решаешь, что эти иконы (ныне хранятся в Третьяковской галерее) могли быть написаны не учениками Рублева или иным мастером, испытавшим его влияние, а только им самим. И это первое впечатление подтверждается самым требовательным

С искусствоведческим сопоставлением этих икон с рублевской "Троицей". Да, эти нежные красочные сочетания, эта общая чарующая музыкальность и эта высокая одухотворенность выдают великого русского мастера во всей неповторимости его вдохновения, его стиля и художественного темперамента.

То, что осталось от фресок Успенского собора во Владимире, исполненных Рублевым и Даниилом Черным, самая замечательная храмовая роспись этой же поры. Изображение "Страшного суда" радует той проникновенностью, с которой в нем выявлено, несмотря на грозный сюжет, творчество именно доброго, светлого начала, а музыкальность плавных контуров, красота голов старцев и юношей, равно как их поэтическая одухотворенность приравнивают чисто русское искусство этой росписи к наиболее выдающимся достижениям всей тогдашней европейской монументальной живописи.

Этими же двумя мастерами вместе с учениками исполнен и иконостас Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры в Загорске. Отдельные его иконы так превосходны, что их хочется приписать одному Рублеву.

"Смирненным" часто называют старинные письменные источники инока Андроникова монастыря (где он и закончил свою жизнь) великого живописца земли русской Андрея Рублева. Смирение помогло ему, вероятно, в невзгодах того бурного времени. Но сквозь эти невзгоды он угадал те чаяния и ту волю, что воодушевляли русский народ. И запечатлев это в своем сердце, он их выявил еще ярче в своем искусстве. Не случайно именно Андрей Рублев из всех русских иконописцев был причислен русской православной церковью к лику святых угодников.

Дионисий и другие великие иконописцы древней руси

амым крупным мастером живописи второй половины XV и начала XVI в. был Дионисий, лучшие произведения которого проникнуты глубоким оптимизмом, отражающим подъем национального самосознания, веру в лучшее будущее русского народа.

Место и год рождения Дионисия неизвестны. По-видимому, он родился около 1440 г., вскоре после смерти А. Рублева, и был учеником одного из ближайших последователей великого мастера.

Литературные источники оставили нам сведения о ряде работ Дионисия.

В 1481 г. Дионисий становится руководителем работ и вместе с другими московскими живописцами, имена которых упоминает летопись ("Поп Тимофей", "Ярец да Коня"), получает заказ на выполнение икон вновь построенного Успенского собора.

Из большого количества исполненных Дионисием и его помощниками икон сохранились три: "Апокалипсис" и изображение московских митрополитов Петра и Алексея. Большинство исследователей считают эти иконы произведениями самого Дионисия. Большие монументальные иконы Петра (Кремль) и Алексея (Государственная Третьяковская галерея) одинаковы по размеру и очень похожи друг на друга.

В центре иконы – торжественное фронтальное изображение митрополита в рост с молитвенно поднятыми руками. В одеждах преобладают холодные, светлые, преимущественно белые тона. Идеализированные лица русского типа бесстрастны. Наряду с официальной трактовкой центрального образа, художник в клеймах той и другой иконы дает ряд интересных сцен, изображающих различные исторические события, в которых принимали участие Петр и Алексей. Эти сцены выполнены в другой, более сложной и жизнерадостной красочной гамме.

В Государственной Третьяковской галерее находится точно датированная работа Дионисия – икона Богоматери Одигитрии 1482 г., исполненная им для Вознесенского монастыря в Монастырском Кремле. Эта икона, написанная на старой доске, вместо обгоревшей во время пожара греческой иконы Одигитрии, носит печать официального холодка. Образ Богоматери отличается строгостью, торжественностью и спокойствием, но художник сумел придать ее лицу русские черты и усилил звуковое звучание образа (вишневые, золотисто-желтые и голубые тона).

Фрески Дионисия и его сыновей Феодосия и Владимира сохранились только на далеком севере, в Ферапонтовом монастыре (20 км от Кирилло-Белозерского монастыря). Точно датированные надписью на стенах (1500 – 1502 гг.) фрески покрывают стены, столбы и своды собора Рождества Богоматери Ферапонтова монастыря. Большая часть композиции посвящена деве Марии – покровительнице Москвы и Московского государства. Она изображена и в своде алтаря в торжественной позе, восседающей на троне, среди ангелов с

младенцем на коленях, и в центральной части "Страшного суда", и на западной стене, в композиции "Деисус" как заступница за человеческий род, умоляющая о милости и снисхождения.

Во фреске "Покров Богоматери" особенно ярко выражена идея заступничества Марии за людей, идея сострадания и посредничества между людьми и небесными силами. Богоматерь выступает в ней как покровительница Русской земли.

Торжественна и празднична композиция "О тебе радуется", в которой ангелы и святые прославляют Марию. Наряду с композициями, посвященными богоматери, в соборе Ферапонтова монастыря представлены и сцены из жизни Христа. В этой группе выделяется ритмичная композиция "Брак в Кане", построенная по овалу. На первом плане размещены странные удлиненные фигуры с изящно склоненными головами, узкими и покатыми плечами. Формы и линии плоско трактованных зданий на втором плане ритмически повторяют очертания человеческих фигур, играя роль своеобразного компонента. В композициях Дионисия все подчинено образу человека, а архитектура, несмотря на значительное место, ею занимаемое, играет второстепенную роль. Типы лиц отличаются мягкостью выражения, но они недостаточно эмоциональны и лишены в большинстве случаев черт психологизма, национальных и индивидуальных особенностей, так отчетливо выраженных в творчестве А. Рублева.

К работам Дионисия некоторые исследователи относят небольшую икону "Шестиднев", выполненную с тонким, блестящим мастерством. В центре иконы изображен "Деисус" – Христос, Мария, Иоанн Предтеча и ангелы в сверкающих белых одеждах; под ними в полуовальных арках легкие странные фигуры святых и проповедников, также в белых одеждах, на розовых, светло-желтых, голубых и светло-зеленых фонах. Вверху размещены шесть евангельских сцен.

В этой иконе художник создал прекрасные образы, полные радостного волнения.

Дионисий умер в начале XVI в., вскоре после окончания стенописи Ферапонтова монастыря. Он оставил целую школу мастеров живописи, которые продолжали его традиции в течение двух первых десятилетий XVI в. Наиболее знаменитыми из них были сыновья Дионисия – Феодосий и Владимир. Из работ Феодосия сохранились миниатюры "Евангелия" 1507 г. (в Санкт-Петербургской Публичной библиотеке) и недавно расчищенные фрески Благовещенского собора 1508 г. (к сожалению, сохранившиеся плохо и почти утратившие цвет). Работы учеников хранятся в Государственной Третьяковской галерее и в Государственном Русском музее.

Дионисий работал в один из замечательных периодов истории русского народа, когда русское государство складывалось в могущественное и единое целое и начинался процесс образования общерусской культуры. Лучшие работы Дионисия, проникнутые светлой радостью, выражали мечты и надежды русского народа. Однако в некоторых его произведениях, выполненных по заказу великого князя и крупных церковных деятелей, есть черты официальной торжественности, манерности и изысканности; в его творчестве есть черты противоречивости и двойственности; в его живописи уже нет эпической цельности и глубины, свойственных искусству Рублева.

Крупнейшим мастером живописи XVII в. был иконописец Пимен, Федоров сын, по прозвищу Симон Ушаков, (1626 – 1686 гг.). Симон Ушаков, уроженец Москвы, в 1648 г. был принят жалованным иконописцем в Оружейную палату, которая в XVII в. была крупнейшим художественным центром в Московском государстве.

Роль Симона Ушакова в создании русского художественного стиля XVII в. была очень велика, так как он в течение 38 лет сам работал в Оружейной палате и долго руководил ее мастерами. Симон Ушаков уделял много времени педагогической работе и интересовался ею; он собирался создать гравированную азбуку рисования, состоящую из анатомических рисунков. До нас эта азбука не дошла, но, возможно, что некоторые изображения лицевого букваря Кариона Истомина, выгравированные мастером Серебряной палаты Леонтием Буниным, являются частями азбуки Симона Ушакова.

В средние века мастера передавали свои навыки и секреты замкнутому кругу учеников. Иначе поступал Симон Ушаков, который стремился сделать общедоступными свои знания и опыт, положить начало новой системе художественного обучения, которая получила развитие в XVII в.

Симон Ушаков жил в период борьбы старых, патриархальных церковных воззрений с новыми, светскими реалистическими тенденциями. В области живописи также шли горячие споры сторонников старых икон, с темными аскетическими лицами святых, со сторонниками новой, более реалистической живописи, в которой лица святых были похожи на живые человеческие лица. Более ярко и последовательно сформулировал новую

эстетическую теорию Симон Ушаков, написавший трактат "Слово к любителям иконописания." Из всех искусств он выше всего ставит живопись, ибо ее изображению доступны все явления природы – она оживляет мертвых, напоминает о прошедших делах и т.д. Ушаков выражает широкие взгляды на искусство и его общественное значение, сравнивает живопись с зеркалом, обладающим способностью отражать жизнь такой, какой она есть на самом деле. Эти высказывания свидетельствуют о реалистических устремлениях мастера, порывающего со средневековым художественным мировоззрением.

Творческая практика Симона Ушакова частично отразила его теоретические взгляды, которые, однако, далеко опередили ее.

Он одним из первых стал подписывать и датировать свои произведения, иногда сообщая интересные сведения о себе. Лучшие его иконы написаны для церкви Грузинской богородицы в Китай-городе по заказу богатых купцов Никитниковых для московских и подмосковных монастырей (Троице-Сергиева, Новодевичьего, Донского) и церквей. Его произведения украшали храмы и дворцы Кремля. Из стенописей С. Ушакова сохранились фрески церкви Грузинской богородицы 1653 г. Написанные им фрески Теремного дворца и реставрированные им же фрески Золотой и Грановитой палат не сохранились до наших дней, также как живопись по холсту, украшавшая коломенский дворец, выполненная под руководством С. Ушакова.

Из ранних икон С. Ушакова наиболее известна икона "Великий архиерей", (голова Христа в архиерейской митре) 1657 г. из Грузинской церкви. В изображении лица Христа наблюдаются особенности, не встречающиеся в более ранних произведениях иконописи.

Об интересе Ушакова к изображению человеческого лица свидетельствует другая икона Грузинской церкви – "Благовещение" 1659 г., окруженная мелкими сценами акафиста, написанная тремя мастерами: Яковом Казанцем, Гавриилом Кондратьевым и Симоном Ушаковым, который писал только лица, о чем свидетельствует надпись на иконе. По своему стилю эта икона относится целиком к первой половине XVII в. Скалистые пейзажи и фантастические нагромождения архитектуры, миниатюрные фигурки людей, яркие краски и золото – все напоминает иконы "строгановских" мастеров. В 1668 г. С. Ушаков написал аллегорическую композицию "Древо государства российского" (Г.Т.Г.). На иконе изображены Кремль и Успенский собор, у основания которого стоят Иван Калита, "собиратель русской земли", и митрополит Петр, сажающие "древо" государства российского. На ветвях дерева в круглых медальонах изображены различные деятели московского государства – князья, цари и патриархи. Внизу, на кремлевской стене стоят слева царь Алексей Михайлович, справа – царица Мария Ильинична с царевичами Алексеем и Федором. В центре дерева, в овале изображена покровительница Москвы и Московского государства – Владимирская богородица. Образ богородицы, созданный Семеном Ушаковым, не является повторением древней иконы. Ее округлое лицо, нежный цвет розоватых щек и полные губы носят черты жизненности и обаяния. Наиболее реалистичны портретные изображения Алексея Михайловича и членов его семьи. Основная идея произведения – возвышение и прославление Русского государства и его исторических деятелей.

С. Ушаков неоднократно вводил портретные изображения в свои иконы. В небольшую икону архангела Михаила 1676 г. (ГТГ) художник ввел очень жизненную фигуру молящегося человека в обычном одеянии простоянина, возможно, заказчика и владельца иконы. Исторические свидетельства говорят о том, что С. Ушаков писал настоящие портреты, "парсуны" (от слова – персона) масляными красками на холсте. В 1669 и 1682 гг. Ушаков написал три портрета царя Алексея Михайловича, в 1685 г. – портрет царя Федора Алексеевича. К сожалению, ни одного из этих портретов не сохранилось до наших дней.

Из иконописных работ С. Ушакова необходимо отметить ряд изображений "нерукотворного Спаса", в которых художника больше всего интересует естественность и материальность передачи человеческого лица, и "Троицу" 1671 г., выполненную по заказу греческого купца. В этой иконе ярче всего отражена борьба старого и нового в творчестве Ушакова. Со старыми традициями связано композиционное построение иконы, повторяющее в несколько измененном виде композицию А. Рублева, жесткие складки ангелов, золотые пробелы, применение обратной перспективы в деталях. Новые черты выражены в большей материальности фигур, особенно лиц ангелов – полных, округлых и светлых по окраске, в богатом натюрморте на столе, довольно правдиво передающем формы сосудов XVII в., овощи и так далее. Наибольший интерес представляет трактовка заднего плана с могучим деревом, напоминающим вяз, горкой и портиком итальянского типа, изображенным в правильной линейной перспективе. Этот портик взят с картины Веронезе, которую Ушаков знал по гравюре (западные гравюры были хорошо известны мастерам Оружейной палаты).

В 1680 г. Ушаков написал икону "Тайная вечеря" (для Троице-Сергиева монастыря), в которой дана интересная попытка передать интерьер с применением линейной перспективы, довольно свободная группировка апостолов вокруг стола, более разнообразная трактовка их лиц (особенно выразителен образ Иуды).

Ушаков работал не только в области стенописи, иконописи и портретной живописи (масло, холст). Он известен также как гравёр и рисовальщик, с рисунков которого делали гравюры другие мастера второй половины

Н XVII в. Из гравюр, выполненных на медных досках, особенный интерес представляет гравюра "Семь смертных грехов", в которой Ушаков обнаруживает редкое для того времени знание форм человеческого тела. Художник изобразил обнаженную фигуру грешника с повязкой на глазах и цепями на руках и ногах. На согнутой спине его сидит верхом дьявол с уздой и бичом в руках; через спину грешника переброшены два связанных лукошка с животными и птицами, олицетворяющими смертные грехи (собака, змея, козел, медведь, лягушка и лев). Сзади стоит павлин с распущенным хвостом (гордость). Все изображения свидетельствуют о довольно верной передаче натуры. Фигура грешника дана в смелом и сложном ракурсе. Формы и мускулы ног, рук и спины переданы довольно правдиво. Точно и живо изображены звери и птицы. Симон Ушаков был художником-новатором. Его искусство проложило путь для развития нового реалистического искусства. Наибольший интерес представляли портретные работы Ушакова, не сохранившиеся до наших дней, так же как и многие другие парсуны второй половины XVII в.

Из второстепенных парсун, случайно уцелевших и дошедших до нас в не очень хорошем состоянии, можно указать парсуну царя Федора Ивановича и парсуну князя Репнина. Первая парсуна копирует прижизненный портрет Федора Ивановича, умершего в 1598 г. Она выполнена на доске иконописной техникой и изображает Федора Ивановича в золотом нимбе, как святого. Но лицо его отличается резко выраженными индивидуальными чертами и хорошо передает характер слабоумного царя (парсуна эта, по-видимому, копирует портрет конца XVI в.)

Портрет князя Репнина выполнен масляными красками на холсте, в новой технике, которую постепенно осваивали русские художники. В портрете переданы индивидуальные черты внешнего облика боярина и его богатая одежда. Он изображен в величественной, статичной позе. В этой парсуне попытка передать облик модели с натуры сочетается с иконописной трактовкой композиции, с жесткостью рисунка и сухостью живописи. Замечательным иконописцем Древней Руси был **Прокопий Иванович Чирин** (умер около середины XVII в.), русский живописец Строгановской школы, в 1620 г. царский жалованный живописец, мастер Оружейного приказа. Для произведений Чирина характерна изысканность несколько темного, выдержанного в одном тоне колорита, ювелирная тщательность письма: иконы "Никита", "Иоанн Воин", (начало XVII в., Русский музей, С. Петербург), "Богоматерь Тихвинская" (конец XVI – начало XVII вв. Третьяковская Галерея).

Большой интерес представляет парсуна Якова Тургенева начала 90-х XVII в. работы неизвестного мастера, создавшего уже индивидуальную, с чертами психологизма, характеристику пожилого человека с печальными глазами, изображенного плоскостно и фронтально. Этот портрет представляет новый шаг в развитии русской портретной живописи, достигшей в первой четверти XVII в. высокого уровня в работах А. Матвеева и И. Никитина, произведения которых можно поставить в один уровень с лучшими образцами западноевропейского портрета XVII в.

Накопление светских и реалистических моментов в живописи Древней Руси привело к новому качеству, к рождению светского реалистического искусства в первой четверти XVII в.

зодчество древней руси

Едаром говорят, что архитектура – это душа народа, воплощенная в камне. К Руси это относится с некоторой поправкой. Русь долгие годы была страной деревянной, и ее архитектура, ее языческие молельни, крепости, терема, избы строились из дерева. В дереве русский человек, как и народы, жившие рядом с восточными славянами, выражал свое восприятие строительной красоты, чувство пропорции, слияние архитектурных сооружений с окружающей природой. Если деревянная архитектура восходит в основном к Руси языческой, то архитектура каменная связана с Русью уже христианской. Подобного перехода не знала Западная Европа, издревле строившая и храмы, и жилища из камня. К сожалению, древние деревянные постройки не сохранились до наших дней, но архитектурный стиль народа дошел до нас в позднейших деревянных сооружениях, в древних описаниях и рисунках. Для русской деревянной архитектуры были характерны многоярусность строений, увенчивание их башенками и теремами, наличие разного рода пристроек-клетей, переходов, сеней. Затеиливая художественная резьба по дереву была традиционным украшением русских деревянных строений. Эта традиция живет и до настоящей поры.

Мир Византии, мир христианства привнес на Русь новый строительный опыт и традиции: Русь восприняла сооружение церквей по образцу крестово-купольного храма греков: квадрат, расчлененный четырьмя столбами, составляет его основу; примыкающие к подкупольному пространству прямоугольные ячейки образуют архитектурный крест. Но этот образец греческие мастера, прибывавшие на Русь начиная со времени Владимира, а также работающие с ними русские умельцы, применяли к традициям русской деревянной архитектуры, привычной для русского глаза и милой сердцу. Если первые русские храмы, в том числе Десятинная церковь конца X в., были выстроены греческими мастерами в строгом соответствии с византийскими традициями, то Софийский собор в Киеве отразил сочетание славянских и византийских традиций: на основу крестово-

купольного храма были поставлены тринадцать веселых глав нового храма. Эта ступенчатая пирамида Софийского собора воскресила стиль русского деревянного зодчества.

Софийский собор, созданный в пору утверждения и возвышения Руси при Ярославе Мудром, показал, что строительство – это тоже политика. Этим храмом Русь бросила вызов Византии, ее признанной святыне – константинопольскому Софийскому собору. В XI в. выросли Софийские соборы в других крупных центрах Руси – Новгороде, Полоцке, и каждый из них претендовал на свой, независимый от Киева престол, как и Чернигов, где был сооружен монументальный Спасо-Преображенский собор. По всей Руси были построены монументальные многокупольные храмы с толстыми стенами, маленькими оконцами – свидетельства мощи и красоты.

В XII в., по образному выражению одного искусствоведа, по всей Руси прошагали русские однокупольные храмы-богатыри, сменившие прежние пирамиды. Купол возносился вверх на мощном, массивном квадрате. Таким стал Дмитровский собор во Владимире-на-Клязьме, собор святого Георгия в Юрьеве-Польском.

Большого расцвета архитектура достигла в годы правления Андрея Боголюбского во Владимире-на-Клязьме. С его именем связаны постройка Успенского собора во Владимире, красиво расположенного на крутом берегу Клязьмы, белокаменного дворца в селе Боголюбове, Золотых ворот во Владимире – мощного белокаменного куба, увенчанного златоглавой церковью. При нем же было создано чудо русской архитектуры – храм Покрова на Нерли. Князь построил эту церковь неподалеку от своих палат после кончины любимого сына Изяслава. Небольшая однокупольная церковь стала поэмой из камня, в которой гармонично сочетались скромная красота природы, тихая грусть, просветленная созерцательность архитектурных линий.

Брат Андрея – Всеволод продолжает строительную деятельность. Его мастера оставили потомству замечательный Дмитровский собор во Владимире – величественный и скромный.

Одновременно строились храмы в Новгороде и Смоленске, Чернигове и Галиче, Пскове и Новгород-Волынском, закладывались новые крепости, сооружались каменные дворцы, палаты богатых людей. Характерной чертой русской архитектуры тех десятилетий стала украшающая сооружения резьба по камню. Удивительное это искусство мы видим на стенах соборов во Владимиро-Суздальской Руси, Новгороде, других русских городах.

Другой чертой, роднящей всю русскую архитектуру той поры, стало органическое сочетание архитектурных сооружений с природным ландшафтом. Посмотрите, как поставлены и доныне стоят русские церкви, и вы поймете, о чем идет речь.

Древние резчики по дереву, камнерезы создавали деревянные и каменные скульптуры языческих богов, духов. Живописцы разрисовывали стены языческих капищ, делали эскизы магических масок, которые затем изготавливались ремесленниками; музыканты, играя на струнных и духовых деревянных инструментах, увеселяли племенных вождей, развлекали простой народ.

Христианская церковь внесла в эти виды искусства совершенно иное содержание. Церковное искусство подчинено высшей цели – воспеть Бога, подвиги апостолов, святых, деятелей церкви. Если в языческом искусстве плоть торжествовала над духом и утверждалось все земное, олицетворяющее природу, то церковное искусство воспевало победу духа над плотью, утверждало высокие подвиги человеческой души ради нравственных принципов христианства. В византийском искусстве, считавшемся в те времена самым совершенным в мире, это нашло выражение в том, что и живопись, и музыка, и искусство ваия создавались, в основном, по церковным канонам, где отсекалось все, что противоречило этим высшим христианским принципам. Аскетизм и строгость в живописи (иконопись, мозаика, фреска), возвышенность греческих церковных молитв и песнопений, сам храм, становящийся местом молитвенного общения людей, – все это было свойственно византийскому искусству.

Перенесенное на русскую почву, это каноническое по содержанию, блестящее по своему исполнению искусство Византии столкнулось с языческим мировосприятием восточных славян, с их радостным культом природы – солнца, весны, света, с их вполне земными представлениями о добре и зле, о грехах и добродетелях. И с первых же лет перенесения византийского церковного искусства на Русь оно испытывало на себе всю мощь русской народной культуры и народных эстетических представлений.

Уже в XI в. строгая аскетическая манера византийской иконописи превращалась под кистью русских художников в портреты, близкие к натуре, хотя русские иконы и несли в себе все черты условного иконописного лика. В это время прославился печорский монах-живописец Алимпий, про которого современники говорили, что иконописание было главным средством его существования. Но заработанные средства он тратил весьма своеобразно: на одну часть покупал все, что было необходимо для его ремесла, другую отдавал беднякам, а третью жертвовал в Печерский монастырь.

Наряду с иконописью развивалась фресковая живопись, мозаика. Фрески Софийского собора в Киеве показывают манеру письма здешних греческих и русских мастеров, их приверженность человеческому теплу, цельности и простоте. На стенах собора мы видим и изображения святых, и семью Ярослава Мудрого, и изображения русских скomoroxов, и животных. Прекрасная иконописная, фресковая, мозаичная живопись наполняла и другие храмы Киева. Известны своей большой художественной силой мозаики Михайловского Златоверховского монастыря с их изображением апостолов, святых, которые потеряли свою византийскую суровость; лики их стали более мягкими, округлыми.

Позднее складывалась новгородская школа живописи. Ее характерными чертами стали ясность идеи, реальность изображения, доступность. От XII в. до нас дошли замечательные творения новгородских живописцев: икона "Ангел Златые власы", где при всей византийской условности облика Ангела чувствуется трепетная и красивая человеческая душа. На иконе "Спас Нерукотворный" (также XII в.) Христос со своим выразительным изломом бровей предстает грозным, все понимающим судьей человеческого рода. В иконе "Успение Богородицы" в лицах апостолов запечатлена вся скорбь утраты. И таких шедевров новгородская земля дала немало. Достаточно вспомнить, например, знаменитые фрески церкви Спаса на Нередице близ Новгорода (1198).

Широкое распространение иконописной, фресковой живописи было характерно и для Чернигова, Ростова, Суздаля, позднее Владимира-на-Клязьме, где замечательные фрески, изображающие "Страшный суд", украшали Дмитровский собор.

В начале XIII в. прославилась ярославская школа иконописи. В монастырях и церквях Ярославля было написано немало превосходных иконописных произведений. Особенно известна среди них так называемая "Ярославская Оранта", изображавшая Богородицу. Ее прообразом стало мозаичное изображение Богородицы в Софийском соборе в Киеве работы греческих мастеров, изобразивших суровую властную женщину, простирающую руки над человечеством. Ярославские же искусники сделали облик Богородицы теплее, человечнее. Это прежде всего мать-заступница, несущая людям помощь и сострадание.

На протяжении долгих веков истории Руси там постоянно развивалось, совершенствовалось искусство резьбы по дереву, позднее – по камню. Деревянные резные украшения вообще стали характерной чертой жилищ горожан и крестьян, деревянных храмов.

Белокаменная резьба Владимиро-Суздальской Руси, особенно времен Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, ярко выраженная в украшениях дворцов, соборов, стала примечательной чертой древнего русского искусства вообще.

Как и другим областям культуры, русскому зодчеству и живописи был нанесен тяжелый удар монголо-татарским нашествием, однако по мере того как восстанавливалась жизнь в русских землях, оживали и получали новое развитие вековые художественные традиции.

В различных городах Руси в XIV – XV вв. возобновлялось каменное строительство, происходила реставрация старых памятников, однако ни Суздаль, ни Ростов, ни Владимир, ни Нижний Новгород, ни Рязань не стали ведущими центрами развития искусства в XIV – XV вв; более того, произведения зодчества и живописи, созданные там, характеризуются архаичными чертами.

Тверь была первым городом Северо-Восточной Руси, где после монголо-татарского нашествия снова началось каменное строительство (главный тверской храм Спаса-Преображения в 1285 – 1290 гг.). Тверской собор был построен в стиле установившейся во владими́ро-суздальском зодчестве традиции. Это был шестистолпный, крестово-купольный храм, украшенный белокаменными рельефами, медными дверьми, майоликовым полом. Но каменное строительство в Твери в XIV в. не было значительным: была построена еще одна каменная церковь в 1323 г., а потом разгром Твери после восстания 1327 г. надолго ослабил ее, и лишь в конце XIV в. наступил новый подъем строительной деятельности, продолжавшейся и в первой половине XV в. Сохранилась построенная во второй четверти XV в. церковь Рождества Богородицы в селе Городне на Волге – небольшой четырехстолпный храм на высоком подклете.

Новгородские строители перешли от кладки, чередовавшей слои камня и кирпича, к кладке из грубо отесанной известняковой плиты, с использованием валунов и частично кирпича. Это придавало стенам новгородских сооружений неровную, волнистую поверхность и мешало их геометрической четкости и строгости, еще более усиливая впечатление грубоватой силы и мощи. Новгородские постройки XIV – XV вв., как правило, невелики по своим размерам. На смену монументальным, величественным зданиям XI – XII вв. типа Софии, соборов Юрьева и Антониева монастыря, строившихся богатой княжеской властью, пришли небольшие сооружения, возводившиеся на средства отдельных бояр, купеческих объединений и городских "концов". Изменение объемов зданий повело за собой и выработку новых приемов их художественного и строительно-технического решения.

Одним из классических памятников новгородского зодчества является построенная по заказу посадника Семена Андреевича в 1360 – 1361 гг. на Торговой стороне церковь Федора Стратилата.

Четырехстолпный одноглавый храм был вместе с тем и хозяйственным помещением: в нем были устроены тайники и камеры для хранения ценностей. Нарядно внешнее убранство храма. Сейчас он имеет восьмискатное покрытие, но в древности, по-видимому, оно было трехлопастным. Строители церкви Федора Стратилата вернулись к членению фасадов лопатками, барабан украшен полосками арочек, треугольников, вдоль апсиды спущены валики, соединенные арками, на фасадах много различных украшений над окнами и порталами. В этом ярко сказалось новое в новгородском стиле второй половины XIV в. – стремление к нарядному, декоративному

убранству постройки. Еще более отчетливо это стремление проявилось в церкви Спаса на Ильиной улице, построенной в 1374 г. Здесь декоративная обработка фасадов и апсид еще более разнообразная и богатая, даже разрушающая конструктивную строгость и лаконичность форм. Позднейшие постройки уже избегают такой обильной декоративности, возвращаясь к старым строгим формам или даже совсем отказываясь от украшений, как, например, в церкви Рождества на кладбище (1381 г.). В дальнейшем новгородском зодчестве еще более стало усиливаться стремление к сохранению и повторению прежних образов.

Одним из ярких памятников новгородского зодчества начала XV в. является реставрированная в конце XX в. церковь Петра и Павла в Кожевниках с интересным орнаментом, подражающая храму Федора Стратилата. Подражание памятникам древности сказалось в следовании образам не только XIV в. но и более раннего времени. Таково, например, возведенное в 1454 г. новое здание церкви Иоана Предтечи на Опоках, центра знаменитой новгородской купеческой корпорации "Ивановского ста" – вместо разрушенного здания постройки 1127 – 1130 г.

Своеобразное место в русском зодчестве XIV – XV вв. занимает Псков. В Пскове был возведен во второй половине XV в. самый большой Кремль, стены которого протянулись на девять километров. Вторая половина XIV и XV вв. были временем весьма интересного каменного строительства в Пскове, многие сооружения сохранились до нашего времени. В 1365 – 1367 гг. был заново выстроен главный псковский храм Троицы. Ставя этот храм "на старой основе"; псковские мастера внесли много нового в традиционную схему крестово-купольной церкви. Особенно переработана была верхняя часть сооружения, которой был придан динамический ритм по мере приближения к барабану.

Крупнейшей постройкой XIV в. был Успенский собор в Коломне – городе, которому московские князья придавали исключительно важное значение как стратегическому центру на путях борьбы против монголо-татарского нашествия. Сохранив формы владимирского зодчества, московские мастера придали коломенскому храму торжественный и величественный вид.

Древнейшими сохранившимися памятниками московского зодчества является Успенский собор в Звенигороде (около 1420 г.), собор Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде (после 1420 г.) и Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря в Загорске (1422 г.). Эти московские сооружения следуют образцам владимирских зданий XII в. – церкви Покрова на Нерли и Дмитриевскому собору во Владимире. Как и названные сооружения, древнейшие московские памятники представляют собой крестово-купольные одноглавые церкви с тремя апсидами, доходившими почти до верха куба, но выполнены они с меньшим декоративным убранством, чем владимирские храмы. Нет ни резных каменных барельефов, ни архитектурно-колончатых поясков. Убранство московских храмов скромнее, но в нем появились новые мотивы – килевидные арочки и "дыньки" в порталах, ставшие характерной особенностью московского зодчества. Очертания храмов, особенно монастырских, более приземисты и суровы, чем изящные и стройные формы владимирских построек. В соборе Спасо-Андронникова монастыря (около 1427 г.) традиционный владимирский "куб" стал нарушаться за счет возвышения средних сводов над боковыми, что придавало более динамичное движение зданию вверх, к барабану, поставленному на квадратный постамент.

Зодчество XV – XVI вв. С конца XV столетия в развитии русского зодчества, как и в истории культуры, определился новый этап, обусловленный крупными переменами, которые произошли в жизни русских земель. Объединение страны в единое государство и прогрессирующее укрепление его силы, свержение монголо-татарского ига и рост международного значения и международных связей России, усиление общения с западно-европейской культурой, наконец, значительное увеличение материальных средств государства, развитие городского ремесла – все это создавало новые материальные и идейные условия развития зодчества.

Подъем строительной деятельности выразился не только в довольно значительных реставрационных работах, но и в сооружении новых каменных зданий, в расширении масштабов каменного строительства. Здесь начинается проникновение каменного строительства в некультовые постройки.

Возводились не только храмы, но и монастырские трапезные, и палаты знати. Характерным новшеством конца XV в. стало распространение кирпича и терракоты. Традиционное белокаменное строительство уступало место кирпичной кладке, только фундаменты обычно строились из камня. Производство кирпича приобрело сравнительно широкий размах и открыло новые технические и художественные возможности для зодчих. Одним из интересных памятников светского каменного зодчества конца XV в. является дворец в Угличе, сложенный из кирпича и богато украшенный узорной кирпичной кладкой в верхней части фронтонов.

В 1476 г. в Троице-Сергиевом монастыре была возведена Троицкая церковь, ныне называемая Духовской. В ней соединились некоторые характерные приемы московского и псковского зодчества. Идущие от московских приемов килевидные закомары и перспективные порталы сочетаются с аркой-звонницей под барабаном, связанной по типу с характерными псковскими звонницами XV в. Сочетает различные приемы и построенный в 90-х гг. XV в. в собор Ферапонтова монастыря на Белоозере.

Первоначальный ансамбль кремлевских построек был создан еще во второй четверти XIV в. Главное культовое здание московских великих князей и митрополитов – Успенский собор – совсем обветшало. Соборные своды подперли большими бревнами, чтобы они не рухнули. Но не только бедственное положение Успенского собора определило решение Ивана III и митрополита Филиппа о постройке нового собора. В 1471 г. Иван III вернулся в Москву после успешного похода против Новгорода. В борьбе с самым могучим своим противником Москва одержала решающую победу. Совсем близким стало время объединения всех русских земель в "вотчине" великого князя. Победа над Новгородом и должна была быть увековечена строительством в Москве нового Успенского собора, который должен был превзойти своим величием древнюю Новгородскую Софию и воплотить могущество объединяемого Москвой Русского государства. Кроме того, строительство собора должно было укрепить положение церкви в государстве.

Митрополит Филипп не пожалел средств для строительства нового Успенского собора. Были дополнительно обложены сборами церкви. Из чужеземного плена выкупили холопов-мастеров, знавших строительное дело. Пригласили для руководства строительством В.Д. Ермолина и И.В. Ховрина, но между ними произошла какая-то "пря", и Ермолин отказался участвовать в этом деле. Собор стали строить отец и сын Ховрины, которые поручили непосредственную организацию дела мастерам Ивану Кривцову и Мышкину. Им было наказано построить собор по образцу Успенского собора во Владимире. Мастера съездили во Владимир и весной 1472 г. начали строить новый собор вокруг старого здания, потом старые стены разобрали и, спустя два года, подводили новое здание уже под своды. Но однажды майским вечером 1474 г. недостроенное здание неожиданно развалилось.

Великий князь послал за псковскими мастерами. Приехав в Москву, псковичи осмотрели развалившуюся постройку и пришли к выводу, что причиной катастрофы явился плохой раствор извести, а также неудачный расчет тяжести сводов, легших на облегченную северную стену с лестницей внутри. Сказалось длительное отсутствие опыта в возведении крупных сооружений.

Несмотря на предложение великого князя, псковичи не взялись продолжать постройку. Пришлось искать иноземного мастера, и отправлявшийся тогда в Венецию государев посол Семен Толбузин получил наказ: привезти из Италии лучшего "муроля" – мастера каменного дела.

В марте 1475 г. вместе с Толбузиным приехал в Москву знаменитый болонский инженер и архитектор Аристотель Фиораванти, которому и было поручено строительство Успенского собора. Аристотелю было тогда уже около 60 лет, и он имел большой опыт зодчества, военно-фортификационного искусства, литейного дела, механики. Осмотрев развалины сооружения, он подтвердил мнение псковских мастеров. Затем он быстро и остроумно разбил оставшиеся стены (ударами окованных железом дубовых брусев, а также выборкой нижней части стен, под которые подставили поленья, потом подожгли их, и стены рухнули.) и приступил к делу заново. В селе Калитникове построили кирпичный завод и стали делать прочный кирпич. Показал Фиораванти и как делать известь – такую, что наутро ее нельзя было отковырнуть даже ножом. Вырыли глубокие рвы для фундаментов, заложив дно их дубовыми сваями. Толпы москвичей смотрели на необычные строительные приемы итальянского мастера. Летописец особо отметил, что "хитрый" Аристотель все делал "в кружало" и "в правило", т.е. пользовался циркулем и линейкой.

Заложив здание, Фиораванти отправился сначала во Владимир, а потом проехал через Ростов в Ярославль на Север, в Утюг Великий. Возможно, что на обратном пути он побывал и в Новгороде. Таким образом, итальянский мастер обстоятельно познакомился с традициями и приемами русского зодчества. Благодаря этому Аристотелю удалось создать в Успенском соборе выдающееся произведение именно русского национального зодчества, обогащенное некоторыми элементами итальянской архитектурной культуры эпохи Возрождения. Успенский собор был закончен в 1479 г. Это великолепное сооружение явилось вместе с тем отнюдь не подражанием владимирскому собору, а совершенно новым, самостоятельным произведением, превзошедшим рекомендованный образец.

Сходство с Владимирским собором не выходит за рамки нескольких внешних элементов: оба храма имеют по пять глав и украшены аркатурным поясом по стенам. Но во владимирском соборе – 14 столпов, а московский стоит на 6 столпах, причем четыре из них Аристотель сделал не квадратными, как обычно в русских постройках, а круглыми. Вместо трех апсид алтарной части владимирского собора в московском Фиораванти устроил пять апсид, спрятав их за мощные угловые пилястры. Четыре прясла стены завершены спокойными полукружиями. Тот же круговой ритм воплощен в мощных, симметрично расположенных барабанах пяти куполов. Массивные, гладкие стены лишены украшений. Все здание проникнуто как бы торжественной величавостью и вместе с тем очень четким, строгим ритмом. Здесь нет ни внешней пышности, ни бьющей в глаза нарядной декоративности. Государственная сила и строгость нашли превосходное воплощение в четких формах Успенского собора. Такое же внушительное впечатление производил Успенский собор и внутри, с его очень свободными в сравнении с другими постройками XV в., внутренним пространством. Высокая строительная техника позволила Аристотелю увеличить внутренний объем собора за счет прочных, но и необычайно тонких стен и столпов. В 1514 – 1515 гг., собор был расписан фресками и приобрел нарядный вид. Стенопись была "вельми чудно и

всякой лепоты исполнена". Современники с восторгом отзывались об Успенском соборе: "Бысть же та церковь чудна вельми величеством, и высотой, и светлостью, и звоностию, и пространством, такова же прежде того не бывала в Руси, опроче Владимирския церкви, а мастер Аристотель".

Успенский собор стал не только главным сооружением великолепной Москвы, но и классическим образцом монументального церковного зодчества XVI в. Пятиглавие московского Успенского собора, его основные формы и пропорции многократно повторились в различных вариантах в соборах того времени.

Возможно, что в выработке планов перестройки Кремля принял участие Аристотель Фиораванти. Вскоре из Италии приехали еще специалисты-строители: Пьетро Антонио Солари, Марко Руффо, два Алевиза и др. В 1485 г. началось сооружение новых стен Кремля, закончившееся лишь в 1516 г.

Сначала укрепили южную сторону Кремля. Антон Фрязин построил проездную башню с тайником для убывания воды (Тайнинскую). В 1487 г. Марко Руффо начал строительство Беклемишевской башни в юго-восточном углу Кремля, в 1488 г. в юго-западном углу Антон Фрязин поставил Свибловскую башню. Построенные башни соединили несколько изломанной по линии стеной с меньшими стрельницами, и южная часть города, выходящая к Москве-реке, была укреплена. Затем стали строить другие башни и стены. Пьетро Солари поставил в 1490 г. с западной стороны Кремля башню у Боровицких и с восточной стороны – башню у Константиноеленинских ворот и вывел стену от Свибловской до Боровицкой башни. В 1491 г. он вместе с Марко Руффо заложил на восточной стороне новую Фроловскую (ныне Спасскую) башню, разобрав постройку В.Д. Ермолина с барельефами, и Никольскую башню. Тогда же на Спасских воротах была помещена сохранившаяся до сих пор надпись на русском и латинском языках: "Иоанн Васильевич, божей милостию великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, Тверской, Псковский, Вятский, Угорский, Пермский, Болгарский, и иных и всея России государь в лето 30 государствования своего сии башни повелел построить, а делал Петр Антоний Соларий, Медиоланец, в лето от воплощения Господня 1492 г."

Также Соларий поставил круглую Собакину (ныне Арсенальную) башню, в основании которой с большим искусством заключен был обильный родник. Солари вскоре умер, но строительство стен продолжалось Алевизом-миланцем.

Теперь стали укреплять берег вдоль реки Неглинной и в целях противопожарной безопасности снесли с этой стороны все дворы. В 1495г. была заложена последняя, Троицкая, башня.

В 1505 – 1509 гг., уже при Василии III, Алевиз построил усыпальницу великих князей – Архангельский собор. В противовес строгому виду Успенского собора Архангельский собор внешне очень наряден и декоративен и даже мало походит на храм. Во внешнем облике Архангельского собора многое взято от приемов зодчества итальянского Возрождения, но внутренняя основа собора сохранена в духе традиций русского зодчества (куб, увенчанный пятиглавием).

Одним из памятников монастырского крепостного строительства XVI в. является сохранившаяся в Москве башня "Дуло" Семенова монастыря. Она была выстроена в 80 – 90-х гг. XVI в.

Историки искусства отмечают, что богатый опыт сооружения храмов Вознесения и Иоанна Предтечи подготовил возникновение такого шедевра русского и мирового зодчества, каким явился знаменитый Покровский собор на Красной площади в Москве, именуемый часто "Василием Блаженным" – по наименованию одного из его приделов. Покровский собор был воздвигнут как памятник очень важной для России победы над Казанским ханством.

Его создателем был русский мастер Пасоник Барма Яковлев. Собор строили с 1555 по 1560 гг. Царь и митрополит Макарий поручили построить собор, состоявший из восьми приделов, но мастер иначе решил задачу, – он сделал собор девятиглавым, разместив восемь приделов вокруг одной, центральной оси, смещенной в сторону Кремля. Центр собора был увенчан большим шатром, вокруг которого расположились яркие своеобразные купола приделов. Собор как бы объединяет девять небольших церквей, символизируя объединение русских земель и княжеств под властью Москвы. Главная расположена под центральным шатром, четыре церкви стоят по концам креста, еще четыре, меньшего размера, расположены по диагональному кресту. Все девять церквей конструктивно слиты в одно здание, все они расположены на одном каменном помосте и связаны галереей. Первоначально храм был белым, его главы покрыты побеленным железом.

Середина XVI в. была временем, когда в разных концах страны возводились разнообразные по типу сооружения, и тогда каменное строительство достигло в целом еще больших масштабов. Особенно надо отметить развитие традиций шатрового строительства, получивших воплощение во многих постройках.

Архитектура XVII века. Переломное время во всей русской культуре XVII в. занимает особое место в развитии русского зодчества. Основные закономерности его подчинены тем же общественно-экономическим и идеологическим условиям развития русской культуры, что и в XVI в. И в этой области с большой силой проявилось стремление к отказу от вековых канонов, к "обмирщению" искусства. И здесь ведущая линия принадлежала тем элементам, которые были связаны с демократическими, в первую очередь, с посадскими слоями. Город всегда занимал ведущее место в культуре феодального общества, но никогда еще ему не принадлежала столь важная роль в культурном развитии, как в XVII в. Это усиление роли городских элементов в культуре явилось прямым следствием значительного по сравнению с

предшествующим временем подъема городов, в высших слоях которых появились первые, пусть еще слабые, элементы буржуазии – купечество. Влияние светской городской культуры на зодчество XVII в. было весьма значительным, и оно объясняет сущность того развития, которое переживало зодчество. Следует иметь в виду и другую сторону – влияние церкви стало подрываться, но оставалось все еще очень большим. Поэтому тяжелой была борьба светских элементов в искусстве за свое существование и развитие.

По-прежнему подавляющее большинство построек не только в деревнях, но и в городах возводилось из дерева. Каменные храмы и отдельные светские здания были в городах окружены морем деревянных строений. Сооружение деревянных домов приобрело в XVII в. характер массового производства – по свидетельству иностранцев, в Москве на Трубной площади продавались готовые срубы. Частые пожары, среди которых были такие громадные, как пожар 1626 г., уничтоживший значительную часть Москвы, опустошали города и села. Но взамен погибших деревянных строений быстро возводились новые. Веками сложившееся искусство строительства из дерева достигло в XVII в. высокого технического и художественного уровня.

Выдающимся произведением деревянного зодчества был знаменитый дворец в Коломенском, построенный в 1667 – 1678 гг. под руководством плотничьего старосты Семена Петрова и стрельца Ивана Михайлова (в 1681 г. частично построен Саввой Дементьевым). Дворец состоял из многих разнохарактерных построек, связанных между собой переходами, и насчитывал 270 комнат с 3000 окон и оконцев. Издали он походил на целый городок с башенками, чешуйчатыми крышами, крылечками с витыми колонками. Различные части дворца были построены в индивидуальной манере, они были не похожи друг на друга. Разнообразны были объемы, формы покрытий, декоративные приемы, и все это создавало замечательную живописность здания, придавало ему столь излюбленный в русской художественной культуре сказочный характер. Дворец был разобран в 1768 г.

В 1628 – 1653 гг. в Москве появилось еще одно выдающееся сооружение. Им стала построенная по заказу выходца из Ярославля купца Григория Никитникова церковь Троицы в Никитниках.

Ее композиция ассиметрична и живописна, светское начало сильно выражено в архитектуре храма, напоминающего боярский двор с разнохарактерными, но связанными единым замыслом постройками. Декоративность убранства достигает здесь исключительного богатства. Профилированными поясками перехваченные столбы, три яруса кокошников, арки с висячими гирьками, богато украшенный шатер – все это придавало исключительную нарядность зданию.

Церковь в Никитниках оказала влияние на целый ряд построек в других городах, таких, как Вознесенский храм в Битюге, построенный по заказу купца Никифора Ревякина в 1648 г., Троицкий храм в Муроме (1642 – 1648 гг.).

Стремясь освободиться от гнетущего аскетизма религиозного мировоззрения, зодчие усиленно стремились к подчеркнутой декоративности и нарядности построек, придавая им жизнерадостный характер. Декоративность проникла не только в церковное, но и в крепостное зодчество.

Суровые крепостные ансамбли уступают место нарядным и торжественным комплексам оборонительных сооружений, богато украшенным.

"Обмирщение" зодчества вызвало реакцию со стороны церкви. Решительно и энергично попытался восстановить строгие традиции церковного зодчества патриарх Никон. Эти действия Никона диктовались стремлением не только восстановить авторитет церкви, но и усилить в целом ее значение; Никон выдвигал, как известно, тезис о превосходстве церкви над светской властью. Среди средств возвышения церкви Никон немалое значение придавал сооружению величественных, обладающих большой силой воздействия культовых построек. Патриарх установил в 50-х гг. XVII в. новые, строгие правила церковного зодчества. Он стремился вернуть монументальные, строгие формы древности, воспротивился шатровым постройкам, выдвинув в качестве образца классическое пятиглавие, добивался строгой симметричности и стройности зданий, осуждал стремление к "узорочью" декоративности.

Памятниками этого направления являются построенные в 1643 – 1655 гг. Д.Л. Охлебниным и Аверкием Мокеевым Патриаршие палаты в Московском Кремле с большим Крестовым залом – сводчатой палатой без столпов, большие здания Земских приказов (80-е годы), царицыны палаты Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом (1650 – 1652 гг.), монументальный архиерейский дом в Суздале, выстроенный в конце XVII в.

Как воплощение идеи о главенстве церкви был задуман крупный ансамбль построек ростовского митрополичьего двора, так называемый Ростовский Кремль, возведенный ростовским митрополитом Ионой Сысоновичем в 70-х гг. XVII в. Крепостная стена с башнями, охватившая постройки митрополичьего двора, практически никакого военного значения в Ростове не могла иметь. Ее сооружение символизировало могущество и силу церкви, воплощенную в традиционных формах крепостного зодчества. Характерно, что башни укреплений были ниже, чем высокие главы церкви, что указывало на преимущество духовной церковной силы над светской.

Особенно сильно светское направление проявилось в Ярославском зодчестве. Здесь особенное внимание уделяли не воплощению религиозных идей, а богатству и пышности храмов, долженствовавших отразить богатство их заказчиков – крупных купцов. Таков, например, возведенный в 1647 – 1650 гг. храм Ильи Пророка близ берега реки Волги. Храм представляет собой пятиглавое здание, окруженное галереей; с запада к нему примыкает шатровый придел. Замечательные цветовые контрасты отделки красным кирпичом на фоне белой стены, которая, в свою очередь, была украшена зелеными, синими и желтыми изразцами. Объемы здания разнообразны, колокольня богато украшена. В 1649 г. рядом с ним был построен другой пятиглавый храм. Они были объединены в ансамбль великолепной шатровой колокольней, одним из лучших образцов такого рода построек

XVII в. Многокрасочными изразцами, кирпичной отделкой, черепичным покрытием глав и кровель отличался возведенный в 1665 – 1672 гг. храм Николы "Мокрого". В 1671 – 1687 гг. прихожанами была построена грандиозная церковь Ивана Предтечи в Толочкове. Церковь в Толочкове является изумительным памятником искусства народных мастеров-резчиков по дереву и кузнецов, живописцев и кирпичников, создавших прекрасные формы фигурного кирпича. Рядом с пятнадцатиглавою церковью была возведена многоярусная колокольня. Церковь Ивана Предтечи в Толочкове является выдающимся образцом посадской архитектурной культуры второй половины XVII в.

Строгая церковная регламентация оказалась в конечном счете бессильной воспрепятствовать развитию народного, светского начала в зодчестве. Как и в других сферах культуры, влияние религии и церкви в зодчестве оказалось в XVII в. заметно подорванным. Последние два десятилетия XVII в., входящие уже в следующий период развития русской культуры, ознаменовались новым, высоким подъемом зодчества, воплотившемся в так называемом "Московском барокко" с его четкой композицией и ясно выраженным вертикальным движением, которые сочетались с великолепным нарядом многоцветной декоративной обработки здания. Это столетие характеризуется важнейшими изменениями во всех сферах общественной жизни. Происходило действительное слияние всех древнерусских земель в единое целое, обусловленное усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Важным событием, происшедшим в середине XVII в., было воссоединение русского и украинского народов.

В стране росло производство, возникли предпосылки для капиталистических отношений, усиливалась эксплуатация широких трудящихся масс. Россия превратилась в многонациональное абсолютистское государство с обширным бюрократическим аппаратом управления. Все это вызвало обострение классовой борьбы. Восстание под руководством Ивана Болотникова и крестьянская война, возглавленная Степаном Разиным, показали мощь народа. Протест против тирании светской и духовной власти породил различные идейные движения, в которых проявлялось стремление избавиться от гнетущей опеки церкви и обосновать приоритет разума и здравого смысла над ветшавшими догмами религии.

Это был сложный и противоречивый процесс, в котором наряду с рационалистическими тенденциями, с призывом использовать богатый опыт Запада имели место тенденции консервативные, заявившие о себе с особенной силой в "расколе".

XVII столетие – период решительного столкновения исключаящих друг друга художественных устремлений. Эта противоречивость ярко выразилась в художественной практике. Руководство искусством было централизовано, изменения в нем регламентировались властью. Архитекторы, живописцы, мастера других видов искусства сосредоточились в Приказе каменных дел в Оружейной палате в Кремле. Последняя стала своеобразной школой, где объединялись лучшие художественные силы. Для всех русских земель Москва была непререкаемым авторитетом в области искусства.

С другой стороны, именно из Оружейной палаты исходили всякие новшества, именно в кремлевских мастерских появились произведения, сводившие на нет строгую опеку и регламентацию. Здесь работали украинские, белорусские, литовские, армянские мастера, нередко знакомые с искусством Запада, и иностранные художники, получившие образование в Европе. Здесь развертывалась деятельность Симона Ушакова – крупного русского живописца, стремившегося порвать с традициями древнего искусства. Наконец, здесь же возникла школа русской гравюры, явившаяся связующим звеном с новой гравюрой следующего столетия.

Важные изменения претерпевало само религиозное содержание искусства. Искусство сохраняло религиозный характер, но вместе с тем все более проникалось светским началом. Все усиливающийся интерес художников к реальной жизни сообщал и архитектуре, и живописи, и произведениям прикладного искусства черты необыкновенного жизнелюбия.

Одной из важных специфических черт искусства XVII в. является пронизывающая его подлинная стихия декоративности.

В фантастически замысловатом узорочье выражается жизнерадостность, горячий интерес к окружающему. Декоративность обнаруживается во всем: в оформлении содержания, в планировке монастырских ансамблей, в своеобразии стеновых росписей, напоминающих пестрый и веселый ковер, в изделиях прикладного искусства, которые поражают богатством выдумки, и изощренности украшений и орнамента.

Процесс преодоления средневековых художественных форм, очень динамичный и противоречивый, в конце концов привел к ломке традиционной системы и возникновению в России на рубеже XVII – XVIII вв. искусство нового времени.

БЫТ И РЕМЕСЛА ДРЕВНЕЙ РУСИ

БЫТ НАРОДА

К

культура народа неразрывно связана с его бытом, повседневной жизнью, а быт народа, определяемый уровнем развития хозяйства страны, тесно связан с культурными процессами.

Люди жили как в больших для своего времени городах, насчитывающих десятки тысяч человек, так и в селах в несколько десятков дворов и деревнях, в которых группировалось по два-три двора.

Все свидетельства современников говорят о том, что Киев был большим и богатым городом. По своим масштабам, множеству каменных зданий-храмов, дворцов он соперничал с другими тогдашними европейскими столицами. Недаром дочь Ярослава Мудрого Анна Ярославна, вышедшая замуж во Францию и приехавшая в Париж XI в., была удивлена провинциальностью французской столицы по сравнению с Киевом. Здесь сияли своими куполами златоверхие храмы, поражали изяществом дворцы Владимира, Ярослава Мудрого, Всеволода Ярославича, удивляли монументальностью, замечательными фресками Софийский собор, Золотые ворота – символ победы русского оружия. А неподалеку от княжеского дворца стояли бронзовые кони, вывезенные Владимиром I из Херсонеса; в старом Ярославовом городе стояли дворы видных бояр; здесь же на горе находились и дома богатых купцов, других видных горожан, духовенства. Дома украшались коврами, дорогими греческими тканями. С крепостных стен города можно было видеть в зеленых кущах белокаменные церкви Печерского, Выдубицкого и других киевских монастырей.

Во дворцах, богатых боярских хоромах шла сложная жизнь – здесь располагались дружинники, слуги, толпилась бесконечная челядь. Отсюда шло управление княжествами, городами, селами, здесь судили и рядили, сюда свозились дани и подати. На сених, в просторных гридницах нередко происходили пиры, где рекой текло заморское вино и свой родной "мед", слуги разносили огромные блюда с мясом, дичью. Женщины сидели за столом наравне с мужчинами. Женщины вообще принимали активное участие в управлении, хозяйстве, других делах. Известно немало женщин-деятельниц такого рода: княгиня Ольга, сестра Мономаха Янка, мать Даниила Галицкого, жена Андрея Боголюбского и др. Гуслиары услаждали своим искусством именитых гостей, пели им "славу"; большие чаши, рога с вином ходили по кругу. Одновременно происходила раздача пищи, мелких денег от имени хозяина неимушим. На всю Русь славились такие пиры и такие раздачи во времена Владимира I.

Любимыми забавами богатых людей были соколиная, ястребиная, псовая охота. Для простого люда устраивались скачки, турниры, различные игрища. Неотъемлемой частью русского быта, особенно на севере, являлась баня.

В княжеско-боярской среде в три года мальчика сажали на коня, затем отдавали его на попечение и выучку к пестуну (от слова "пестовать" – воспитывать). В 12 лет молодых князей вместе с видными боярами-советниками отправляли на управление волостями и городами.

Внизу, на берегах Днепра, шумел веселый киевский торг, где продавались изделия и продукты не только со всей Руси, но и со всего тогдашнего света, включая Индию и Багдад. По склонам гор к Подолу спускались разношерстные – от хороших деревянных домов до убогих землянок – жилища ремесленников, работных людей. У причалов Днепра и Почайны теснились сотни больших и малых судов. Были здесь и огромные княжеские многовесельные и многопарусные ладьи, и купеческие усадистые насады, и бойкие, юркие лодочки.

По улицам города сновала пестрая разноязыкая толпа. Проходили здесь бояре и дружинники в дорогих шелковых одеждах, в украшенных мехом и золотом плащах, в епанчах, в красивых кожаных сапогах. Пряжки их плащей сделаны из золота и серебра. Появлялись и купцы в добротных льняных рубахах и шерстяных кафтанах, сновали и люди победнее в холщовых домотканых рубахах и портках. Богатые женщины украшали себя золотыми и серебряными цепями, ожерельями из бисера, который очень любили на Руси, серьгами, украшенными золотом и серебром, отделанными эмалью, чернью. Но были украшения и попроще, подешевле, сделанные из недорогих камешков, простого металла-меди, бронзы. Их носили небогатые люди. Известно, что женщины уже тогда носили традиционную русскую одежду – сарафаны, голову накрывали убрусами (платками).

Храмы, дворцы, деревянные дома и полуземлянки на окраинах стояли и в других русских городах, там же шумели торги, а в праздники нарядные жители заполняли узкие улицы.

Своя жизнь, полная трудов, тревог, текла в русских селах и деревнях, в рубленых избах, в полуземлянках с печками-каменками в углу. Там люди настойчиво боролись за существование, распахивали новые земли, разводили скот, борtnичали, охотились, оборонялись от "лихих" людей, а на юге – от кочевников, вновь и вновь отстраивали спаленные после вражеских набегов деревянные жилища. Причем, нередко пахари выходили в поле вооруженные рогатинами, дубинами, луком и стрелами, чтобы отбиться от половецкого дозора. Долгими зимними вечерами при свете лучин женщины пряли свою пряжу, мужчины пили хмельные напитки, мед, вспоминали минувшие дни, слагали и пели песни, слушали сказителей и сказительниц былин, а с деревянных полатей, из дальних углов за ними с любопытством наблюдали глаза маленьких русичей, чья жизнь, полная таких же забот и тревог, была еще впереди.

Прекрасной резьбой славились утварь и посуда. В искусстве резчиков с наибольшей полнотой проявлялись русские народные традиции, представления русичей о прекрасном и изящном.

Изящные украшения, подлинные шедевры создавали древнерусские ювелиры – золотых и серебряных дел мастера. Они делали браслеты, серьги, подвески, пряжки, диадемы, медальоны, отделявали золотом, серебром, эмалью, драгоценными камнями утварь, посуду, оружие. С особенным старанием и любовью мастера-искусники украшали оклады икон, а также книги. Примером может служить искусно отделанный кожей, ювелирными украшениями оклад Евангелия, созданный по заказу киевского посадника Остромира во времена Ярослава Мудрого, так называемое "Остромирово Евангелие".

До сих пор вызывают восхищение сделанные русским ремесленником серьги (XI – XII вв.), представляющие кольца с полукруглыми щитами, к которым припаяны по шесть серебряных конусов с шариками и 500 колечками диаметром 0,06 см из проволоки диаметром 0,02 см. На колечках закреплены крошечные зернышки серебра диаметром 0,04 см. Как делали это люди, не располагая увеличительными приборами, представить себе трудно.

Составной частью искусства Руси являлось музыкальное, певческое искусство. В "Слове о полку Игореве" упоминается легендарный сказитель-певец Боян, который "напускал" свои пальцы на живые струны, и они "сами князьям славу рокотали". На фресках Софийского собора мы видим изображение музыкантов, играющих на деревянных духовых и струнных инструментах – лютне и гусях. Из летописных сообщений известен талантливый певец Митус в Галиче. В некоторых церковных сочинениях, направленных против языческого искусства, упоминаются уличные скоморохи, певцы, танцоры; существовал и народный кукольный театр. Известно, что при дворе князя Владимира, при дворах других видных русских властелинов во время пиров присутствующих развлекали певцы, сказители, исполнители на струнных инструментах.

И, конечно, важным элементом всей древнерусской культуры являлся фольклор – песни, сказания, былины, пословицы, поговорки, афоризмы, сказки. В свадебных, застольных, похоронных песнях отражались многие черты жизни людей того времени. Так, в древних свадебных песнях говорилось и о том времени, когда невест похищали, "умыкали" (конечно, с их согласия), в более поздних, когда их выкупали, а в песнях уже христианского времени шла речь о согласии и невесты, и родителей на брак.

Целый мир русской жизни открывается в былинах. Их основной герой-богатырь – защитник народа. Богатыри обладали огромной физической силой. Так, о любимом русском богатыре Илье Муромце говорилось: "Куда ни махнет, тут и улицы лежат, куда отвернет – с переулками". Одновременно это был очень миролюбивый герой, который брался за оружие лишь тогда, когда другого выхода не было. Как правило, носителем такой неумейной силы является выходец из народа, крестьянский сын. Народные богатыри обладали также огромной чародейской силой, мудростью, хитростью. Так, богатырь Волхв Всеславич мог обернуться сизым соколом, серым волком, мог стать и Туром – Золотые рога. Народная память сохранила образ богатырей, вышедших не только из крестьянской среды. Были здесь и боярский сын Добрыня Никитич, и представитель духовенства – хитрый и изворотливый Алеша Попович. Каждый из них обладал своим характером, своими особенностями, но все они являлись как бы выразителями общих народных чаяний, дум, надежд. И главной из них была защита народа от лютых врагов.

В былинных обобщенных образах врагов угадываются и реальные внешнеполитические противники Руси, борьба с которыми глубоко вошла в сознание народа. Под именем Тугарина просматривается обобщенный образ половцев с их ханом Тугорканом, борьба с которым заняла целый период в истории Руси последней четверти XI в. Под именем Жидовина выводится Хазария, государственной религией которой был иудаизм. Русские былинные богатыри верно служили былинному же князю Владимиру. Его просьбы о защите Отечества они выполняли, к ним он обращался в решающие часы. Непростыми сложились отношения богатырей и князя. Были здесь и обиды, и непонимание. Но все они – и князь, и герои в конце концов, решали одно общее дело – дело народа. Ученые показали, что под именем князя Владимира слился обобщенный образ и Владимира Святославовича-воителя против печенегов, и Владимира Мономаха-защитника Руси от половцев, и облик других князей – смелых, мудрых, хитрых. А в более древних былинах отражены легендарные времена борьбы восточных славян с киммерийцами, сарматами, скифами, со всеми теми, кого степь столь щедро посылала на завоевание восточнославянских земель. Это старые богатыри совсем древних времен и былины, повествующие о них, сродни эпосу Гомера, эпосу других индоевропейских народов.

Ремесла

Русские ремесленники X – XIII вв. внесли свой большой вклад в развитие культуры древней Руси; в тысячах кузниц по Днепру и по Ильменю, по Волге и Оке ковали плуги для вспашки полей, сотни оружейников готовили оружие, побеждавшее кочевников-степняков, византийцев, немцев и поляков, а в ювелирных мастерских создавалось тончайшее "узорокье" из бронзы, серебра и золота, украшенное филигранью, чеканкой и невыцветающей эмалью.

Истоки ремесленных навыков X – XIII вв. уводят нас вглубь, к культуре скифо-ариатской эпохи. Памятники антского времени дают нам представление о состоянии этих ремесел к моменту формирования Киевского государства.

В деревнях Киевской Руси ремесло достигло уже такой ступени технического развития, перешагнуть через которую оно смогло лишь значительно позднее, а в городах мастера-"хитрецы" способствовали созданию той блестящей культуры, которая поражала современников и привлекала в Киевскую Русь купцов и путешественников из самых различных стран Европы и Азии.

Изучение ремесла древней Руси X – XIII вв. представляет значительный интерес для понимания истории русского хозяйства и культуры.

Деревенские ремесла

Металлургия. Среди членов родового коллектива раньше всех других специалистов обособились металлурги, ведавшие сложным, опасным и несколько таинственным делом обработки руды в горнах иковки раскаленного металла. Совершенно естественно, что с ростом общественного разделения труда именно кузнецы стали первыми ремесленниками-специалистами, что именно их, творцов металла, народ окружил сотнями различных легенд и поверий.

У русских мастеров была в изобилии железная руда, вполне удовлетворявшая их, это – болотная, озерная и дерновая руда.

Ко времени формирования славянских племенных союзов и началу образования Киевского государства металлургическое дело насчитывало уже полуторатысячелетний опыт. Появились специальные горны, вынесенные за пределы землянок, а варка иковка железа стали делом особых мастеров.

Весь процесс изготовления металлургических вещей распадался на следующие стадии: 1) добыча руды, 2) предварительная обработка руды, 3) плавка руды ("варка железа"), 4) проковка крицы, 5) горячаяковка для получения желаемых изделий.

Болотная руда залегает в земле слоями, около 30 см толщиной, иногда ее приходится выкапывать из земли, иногда же она выходит в разрез берега реки или озера, и ее можно выбирать сбоку. Чаще всего руда залегает на дне болот и озер; ее разведывают острым шестом или железным щупом, а добывали черпаками с длинной рукоятью с плотов или лодок. Полученная тем или иным способом руда промывалась, затем приносилась в поселок и подвергалась предварительной обработке, заключающейся в дроблении ее, в легком обжиге, способствующем процессу восстановления окислов железа. Самым сложным и ответственным делом являлась выплавка железа из руды, осуществлявшаяся при помощи так называемого сыродутного процесса. Сущность сыродутного процесса заключается в том, что железная руда, засыпанная в печь поверх горящего угля, подвергается химическим изменениям. Это называется восстановлением железа. Недостатком этого способа является низкий процент выплавки металла из руды. Часть металла остается в шлаке.

Большой интерес для истории ремесла представляет вопрос о соотношении количества поселений и мест выработки железа. Несмотря на широкое распространение сырья, выплавка железа производилась далеко не в каждом городище. Определенные роды, а потом отдельные семьи, специализировались на этом сложном деле и обслуживали не только своих ближайших соседей, но и обитателей других городищ. Громоздкое оборудование домницы, необходимость большого производственного опыта при варке железа – все это убеждает в том, что металлургия очень рано потребовала отделения металлургов от земледельческого населения, превращения их в ремесленников. Доменное и кузнечное дело находилось в древнерусской деревне в руках одних и тех же мастеров. Для завершения плавки домник должен был иметь наковальню, молот, клещи, горн, а, следовательно, у него был весь ассортимент орудий, необходимых для последующих ковочных работ.

Подлинных древних кузниц известно очень мало. Для разогревания железа кузнецу необходим горн с хорошо налаженным дутьем – мехами.

Конструкция кузнечного горна представляет собой простую жаровню. Для извлечения раскаленного металла из горна и для держания его на наковальне служили клещи. Клещи делались из двух половинок, скрепленных осью; их форма различна: одни из них приспособлены для вытаскивания и держания небольших предметов, другие имеют специальные крючки на концах для держания широких и массивных вещей и большой размах захватывающей части клещей. Такие крючки могли не только прижимать металл, но и вонзаться в него. Раскаленное добела железо клалось на наковальню и подвергалось ковке. Древние наковальни существенно отличаются от современных. Они представляют собой массивную железную четырехгранную усеченную пирамиду, вбивавшуюся узкой частью в пень. Ковка производилась молотом. В зависимости от назначения, молоты были различного веса и формы – от тяжелых и массивных молотов у подручного кузнеца-молотобойца до небольших молотков, которыми кузнец орудует сам.

К вещам, наиболее простым по изготовлению, нужно отнести ножи, обручи и дужки для ушатов, гвозди, серпы, косы, долота, плужные ножи, кочедыги, медорезки, лопаты и сковороды. Все эти плоские предметы не требовали специальных приемов и могли быть изготовлены и без подручного кузнеца.

Ко второй группе нужно отнести вещи, требующие сварки, например: цепи, дверные пробойники, железные кольца от поясов и от сбруи, удила, кресала, остроги. Сварка уже требовала больше ловкости от кузнеца, а иногда и участия его помощника.

Следующим техническим приемом было применение зубила для разрубания железа. Этот прием мог быть применен только при совместной работе обоих кузнецов, так как нужно было, во-первых, держать клещами раскаленный кусок железа, что при небольших размерах тогдашних наковален было нелегко, во-вторых, – держать и направлять зубило, и, в-третьих, – бить по зубилу молотом. Зубило применялось при выработке ушков для ушатов, лемехов для сох, тесел, мотыг, жиковин (петель) дверей. При помощи пробойника пробивались ножницы, клещи, ключи, лодочные заклепки, отверстия на копьях, оковка лопат и на пластинах клепаных котлов. Наиболее сложно было изготовление топоров, копий, молотков и замков. Древние русские кузнецы изготавливали иногда и винты, но делали их не нарезкой, а путем перекручивания четырехгранного стержня. Получившиеся винты значительно крепче сидели в дереве, чем обычные гвозди. Верхом кузнечного искусства являлись замки.

Работы с зубилом, с вкладышем, кручение железа – все это требовало участия двух кузнецов. Отсюда можно сделать вывод, что в деревенских кузницах XI – XIII вв. работало, по всей вероятности, по два кузнеца, один в качестве основного мастера, другой – подручным.

Ювелирное дело. В курганах, наряду с железными изделиями, покойников сопровождает огромное количество бронзовых, медных и серебряных украшений. На основании найденного материала можно сделать заключение о существовании ремесленников-ювелиров.

Конечно, в больших городах древней Руси "кузнецы меди и серебру" давно уже отделились от "кузнецов железу", но в деревнях и в маленьких окраинных городках функции ювелира выполнялись кузнецами. Материалом для украшений служили медь, серебро и их различные сплавы; золота в деревенских курганах нет. В более или менее чистом виде употреблялось только серебро. Медь же большей частью встречается в сплавах с оловом или серебром. Изредка встречаются оловянные вещи. По внешнему виду древнерусские украшения из сплавов делились на две группы: одна из них – это подражающая по цвету золоту, вторая – имитирующая серебро.

В отношении получения цветных металлов русские златокузнецы находились в очень неблагоприятном положении. Ни золота, ни серебра, ни меди в пределах тогдашних русских земель не было – все эти металлы ввозились из соседних стран.

Среди различных технических приемов древнерусских ювелиров на первое место нужно поставить литье. Это наиболее старый прием, известный населению Восточной Европы еще с эпохи бронзы. Металл расплавляли в глиняных тиглях при помощи мехов, повышавших температуру горна. Затем расплавленный металл черпали из тиглей глиняной ложкой, носившей специальное наименование льячки. Льячку с металлом подогревали в пламени, и затем жидкий металл наливали в литейную форму, все углубления которой должны были заполняться металлом. Когда залитая форма остывала, из нее извлекали металлическое изделие, в точности повторяющее форму. Литейные формы делались из мягких пород камня: известняка, песчаника, шифера. Внешний вид очень многих литых вещей из древнерусских курганов XI – XIII вв. таков, что нельзя объяснить их отливку при помощи названного выше приема. Многие вещи производят впечатление изготовленных штампом или путем непосредственной обработки металла резцом.

При помощи различных видов литья древнерусские ювелиры изготавливали чрезвычайно много различных предметов украшения. Бытовых хозяйственных вещей этим способом почти не делали. Исключение составляла только "блесна", блестящий бронзовый крючок для ловли рыбы.

На второе место после литья нужно поставить ковку и чеканку цветных металлов. Принципиальное отличие отковки железа заключается в том, что серебро, медь и их сплавы куются значительно легче, требуют меньшей температуры нагрева и легко поддаются даже холодной ковке. Расплющенное в листы серебро (или медь) шло на различные поделки: венчики, пластинчатые браслеты, оковку шкатулок, ушки для прикрепления подвесок и т.д. Ковкой изготавливались некоторые виды шейных гривен, браслеты, наголовники, ромбо-щитковые височные кольца и др. Чеканка тонких металлических листов применялась крайне редко. Чаще применялась чеканка специальными пуансонами. Помимо того, был употреблен узор в виде углубленных пунктирных линий.

Третьим после литья иковки важным разделом является производство проволоки. В древнерусских курганах имеется много разнообразнейших поделок из медной или серебряной проволоки. В небольших количествах проволока употреблялась не только для украшений, но и в быту. Проволокой обматывали черенки ножей; из проволоки делали кольца, а также браслеты, перстни, височные кольца и целый ряд других украшений.

Существует два способа изготовления проволоки: кованая и тянутая проволока.

Подводя итог обзору техники древнерусских ювелиров, необходимо отметить большое разнообразие технических приемов и знакомство мастеров со сложными способами изготовления вещей.

Гончарное дело. Среди курганных и городищенских материалов обильнее других предметов представлена глиняная посуда.

Гончарное дело в славянских землях имеет древнюю традицию, уводящую нас в неолит. На рубеже IX – X вв. оно приобрело новую технику и превратилось в ремесло. История гончарного дела резко делится на две части, границей между ними является изобретение гончарного круга. Посуда первого периода (до изобретения круга) называется лепной, а второго периода – гончарной, формованной на круге.

Повсеместное распространение глин, пригодных для изготовления горшков, обеспечило широкое развитие гончарного дела. Лепная посуда для Киевской Руси не характерна, так как в это время она уже сменилась гончарной.

В раннее время изготовление глиняной посуды было делом женским. Письменные же памятники Киевской Руси говорят исключительно о гончарах-мужчинах. Общее развитие земледельческого хозяйства, развитие скотоводства, появление печей вместо очагов, рост зерновых и молочных запасов, – все это привело к увеличению потребности в посуде вообще, в том числе и глиняной, а это, в свою очередь, привело к выделению специалистов-гончаров.

Ручной гончарный круг, доживший местами до XIX в. и изученный этнографами, представляет собой массивный деревянный круг, в центре которого снизу выдолблено углубление. Круг надевается на вертикальный стержень, прикрепленный к краю скамейки. На центральную часть круга часто надевается малый кружок, по диаметру равный днищу сосуда. На этот малый кружок, посыпанный предварительно песком, кладется ком глины или спираль из глиняных валиков. Гончар работает, сидя на скамейке с кругом. Круг вращается слева направо, преимущественно левой рукой, правая формирует глину. Дополнительных инструментов у гончара, как правило, нет; иногда для профилировки венчика сосуда применяется палочка или щепка, а для выглаживания поверхности лоскут овчины, окунутый в воду. Единственно для чего требовался гончару дополнительный инструмент – это для орнаментирования сосуда. После формовки и нанесения орнамента посуду сушили, а затем обжигали. Первоначальный обжиг производился у костра или около очажных ям, позднее в печи, наконец, в гончарном горне. Деревенские гончары X – XIII вв., как правило, горна не знали и обжигали свою продукцию в печах.

Среди различных деревенских гончарных изделий на первое место надо поставить горшки, сосуды разных размеров и назначения. Основное назначение горшка – служить для варки пищи в печах; форма горшка сохранилась до наших дней. Иногда встречаются горшки с несколькими специальными отверстиями на дне, применявшиеся, очевидно, для откидывания творога: сыворожка стекала через отверстия на дне горшка. Затем идут "корчаги" – большие сосуды, игравшие, главным образом, роль хранилищ зерна, браги и других продуктов. В юго-восточных районах Киевской Руси применялись небольшие глиняные сковороды.

Существовали и узкогорлые сосуды, носившие название "крина", "криница". В меньшем количестве, чем горшки, гончарами изготавливалась плоская посуда (мисы, плошки, чаши, блюда).

Кожевенное дело. Пряслицы. Домашним производством была обработка кожи и меха. Мягкая кожаная обувь типа украинских "постелей" известна по ряду курганов. Овчинные тулупы и меховые шапки изготавливались дома. Важнейшей отраслью домашнего производства было изготовление тканей. Лен и конопля были распространены повсеместно. Овечья шерсть также была вполне доступным сырьем. Пряжа прялась из кудели при помощи веретена. На веретено для ускорения его вращения надевали глиняное или каменное колечко – "пряслень". Пряжу ткали на ткацком стане. Ткань делалась не только простая, но и узорная. Узор бывал одноцветным и многоцветным. Часто, кроме тканого узора, ткань украшалась цветной вышивкой или набойкой.

На рубеже между деревенским и городским ремеслом стоит изготовление каменных пряслиц. Обычный тип пряслиц – это кольцо, как бы составленное из двух усеченных конусов, сложенных основаниями. Встречаются высокие, бочкообразные пряслица, но бывают и очень плоские, имеющие вид колесика. В центре пряслица имеется цилиндрическое отверстие, в которое просовывалось веретено.

Шиферные пряслица появляются не ранее начала XI в., и появление этого производства, возможно, стоит в связи с разработкой овручских каменоломен для нужд киевского и черниговского строительства при Ярославе и Мстиславе Владимировичах (начало XI в.).

Городские ремесла

Обработка железа. Ювелирное дело. Обработка железа в городах древней Руси отличалась от деревенской большей сложностью, большим искусством мастеров, большей разветвленностью этого ремесла. Выплавка железа велась в домнице более сложной конструкции, чем те, которые характерны для деревни. Домница была расположена на особом глиняном возвышении. Разжиженный металл стекал по нескольким специальным каналам в гнезда. Рядом с этой домницей находилась кузница. Вполне возможно, что в более крупных городах домники не только отделились от кузнецов, но и перенесли свое производство за стены города, поближе к руде.

Городское кузнечное дело к XII в. распалось на целый ряд специальностей (оружейники, щитники, гвоздочники и т.д.).

Инструменты городских кузнецов мало отличались от деревенских. Можно указать на увеличение их размеров, вызванное потребностью в проковке больших предметов.

Уже для кузнецов IX – X вв. можно отметить большое умение в изготовлении оружия и необычайную тщательность его отделки. Гнездовские курганы (древний Смоленск) дают хорошо выкованные и отшлифованные вещи. Деревенские кузнецы не могли достичь такого качества работы. В последующее время городские кузнецы достигают виртуозного изготовления отдельных вещей, – кузнечное дело непосредственно переходит уже в ювелирное.

Ассортимент железных вещей в городе значительно шире, чем в деревне: стремена, шпоры, принадлежности обуви, путы с замком, плети, раскроечные ножи, скобели, струги, сверла, пилы, ножницы, скрепленные штифтом, железные ларцы для ценностей, безмены, лодочные и щитные заклепки, кольчуги, шлемы, латы, мечи, сабли, дротики, замки и ряд других вещей. Предметы эти распадаются на три группы: во-первых, вещи бытового обихода горожан, во-вторых, инструменты городских ремесленников и, в-третьих, оружие.

Из первой группы особенно привлекают внимание замки. Большинство их цилиндрической формы с выдвигной дужкой, заходящей одним концом в цилиндр, а другим – в дополнительный прилив на цилиндре. Они отпирались и запирались снизу при помощи ключей, подчас очень сложного рисунка. Изготовление таких замков требовало большого мастерства.

Средневековые мечи делались из тонких полос, свариваемых вместе, из проволочных сильно прокованных плетушек; эти железные полосы по краям оковывались сталью. Иногда сталью прослаивались железные полосы, и все это вместе сваривалось ковкой при температуре красного каления. Лезвие клинка получало после такой обработки своеобразный волнистый узор.

После горячейковки сталь подвергалась закалке в воде или же в струе воздуха.

Драгоценнейшая часть имущества феодала – стальное оружие – могло изготавливаться русскими кузнецами. Русские шлемы склепывались из нескольких широких железных клиньев железными же заклепками. Для прочности иногда на шлем наклепывалась полоса железа с ребристым выступом посередине и своеобразным кружевным узором (Гнездово, конец IX в.). Шлемы украшались иногда золотой насечкой. Почти каждый шлем имеет так называемую бармицу, т.е. кольчужную ткань, спускающуюся на плечи и предохраняющую шею от сабельных ударов и стрел. Такая бармица из мелких железных колец могла быть сделана только для каждого определенного шлема. Кольчужные бармицы можно увидеть на шлемах от IX до XIII вв. Для изготовления кольчуги требовалась кованая железная проволока и щипцы. Раскаленный кусок проволоки длиной в два – четыре сантиметра сгибался в кольцо, зацеплялся за соседние, уже готовые кольца и затем зажимался щипцами. Если зажима было недостаточно для сварки, то на место сварки наставлялся пуансон, по которому ударяли молотком.

Специализация кузнечного дела зашла в городе несравненно дальше, чем в деревне, где кузнец был одновременно и ювелиром. В городе и само кузнечное дело распалось на несколько специальностей, и кузнецы уже не занимались ни литьем, ни выработкой украшений другим способом. В городе ювелиры окончательно отделились от кузнецов.

Подлинную виртуозность русские мастера проявили в обработке цветных и благородных металлов. Русскими мастерами была освоена сложная техника зерни, скани, фигурного литья и, наконец, сложнейшая из всех – техника перегордчатой эмали.

Одним из важнейших разделов городского ремесла была обработка меди. Медники составляли особую группу ремесленников – "котельников", но работы из меди производились и другими мастерами. В городе широко применялись изделия из кованой меди. Котлы, чаши, миски из тонких листов меди, специально выкованных по определенному профилю, часто встречаются при раскопках в древнерусских городах. Медью оковывались щиты еще в X в. Кровли зданий крыли, наряду со свинцом, местами кованой медью. Но основная масса медных изделий в городе, как и в деревне, не выковывалась, а отливалась, и термин "котельное дело" означал именно литье. Из меди лили колокола, паникадила, кресты, складни, подсвечники, гири весовые, боевые гири, шестоперы, перекрестья для мечей, а в более раннее время – идолов, подвески к ожерелью, пряжки, штампы для тиснения серебра, бубенчики, фибулы, зеркала, битки для игры в бабки, акваманылы (водолеи), браслеты, колты, подвески и десятки иных предметов. Часть предметов отливалась в каменных литейных формах, большая же часть отливалась с восковых моделей.

Помимо плоского литья литейщикам часто приходилось решать задачу создания объемных вещей, которые невозможно было вынуть из формы, не разломав последней. В некоторых случаях для таких изделий создавали сложную составную форму из нескольких частей, что, однако, неизбежно увеличивало количество литейных швов, а тем самым ухудшало качество изделий. На помощь мастеру приходил так называемый способ "потерянной формы", когда, изготовив восковую модель, обмазывали ее глиной со всех сторон, ожигали, вытапливали воск, наливали металл и для получения вещи разламывали глиняную форму. Именно этим приемом создан ряд бронзовых и серебряных фибул со звериными мордами, бронзовые подсвечники с такими же мордами по бокам и ряд других предметов. Отсутствие литейных швов убеждает в том, что при изготовлении этих вещей мог быть применен только указанный выше способ. Техника восковой модели тесно связана с работой на заказ, так как этим способом создавались вещи-уникумы, единичные, неповторимые экземпляры. Работа на более широкий сбыт требовала от ремесленника большей массовости продукции, что и приводило мастера к созданию более долговечных шаблонов для своих изделий. Такими прочными шаблонами были каменные литейные формы, во множестве находимые в старых городах. Материалом для форм служили песчаник, известняк, жировик, розовый шифер.

Наряду с литьем металла широкое применение имеликовка и чеканка. Тонкая литая вещь очень хрупка, тогда какковка уплотняет металл, делает его более прочным и позволяет изготавливать большие, но тонкие

вещи. В большинстве случаев из меди и серебра выковывалась различная посуда – кубки, вазы, братины, чары, блюда и т.д.

С ковкой серебра и меди почти неразрывно связана чеканка этих металлов. Простейший вид чеканки представляет нанесение рисунка на внешнюю поверхность вещи различными пуансонами. Орнаментируемую пластинку клали на жесткую подкладку и наносили узор, уплотняя металл в месте удара, но, не делая выпуклостей на обороте. Узор наносили пуансонами различной формы. Эта техника чеканки господствует до XII – XIII вв., когда появляется техника выпуклой чеканки. Сущность последней заключается в том, что сначала орнаментируемую серебряную пластинку чеканят с обратной стороны, выдавливая рисунок резким выпуклым рельефом наружу. Лишь после того, как такой чеканкой получен на лицевой стороне выпуклый рисунок, лицевая сторона подвергается более детальной обработке: разделяются одежды, лицо, волосы, подправляется общий рельеф. Для того, чтобы не порвать тонкий металл при такой глубокой, выпуклой чеканке, работу производили на специальной упругой подушке из вара, воска или смолы. Точно также и при обработке лицевой стороны обратную сторону заливают подобной же упругой смесью, чтобы не нарушить полученный рельеф ударом пуансона. Впервые эта техника появляется на новгородских вещах XI в. Образец выпуклой чеканки дает нам шлем Ярослава Всеволодовича, сделанный, очевидно, около 1215 г.

В связи с техникой выпуклой чеканки стоит вопрос и о технике тиснения металла на специальных матрицах. На Руси она не применялась до XI в. Для этого отливали массивную медную пластинку – матрицу с желаемым рельефом, а затем накладывали на нее серебряную пластинку и вдавливали серебро во все углубления пластинки. Русские мастера начали применять эту технику не ранее середины XI в., а в XII в. она была уже широко распространена. Особенно полно отражена техника тиснения на матрицах в изготовлении распространенных в городах украшений – колтов. Колты – височные кольца большой величины полые внутри – делались из серебра и золота. Золотые колты всегда украшались эмалью.

Следующим разделом ювелирной техники древнерусских городов является волочение проволоки. Потребность в проволоке была большая, и требовалось ее для различных нужд очень много. Медная, серебряная и золотая проволока шла на самые различные изделия: проволока крупного калибра шла на изготовление гривен и браслетов, более тонкого – на височные кольца, цепочки и пр., а наитончайшие проволочные нити украшали поверхность различных предметов сложным и изящным узором филиграни. Тонкая проволока служила для выполнения бесконечного разнообразия филигранных узоров. Филигрань, русская скань представляет собой скрученные проволочки, образующие какой-либо узор. Скань может быть ажурной, когда сами проволочки образуют каркас вещи, но может быть и накладной на пластинке. И в том и в этом случае для скрепления между собой или с пластинкой требуется паяние. Неотделима от скани всегда сопутствующая ей техника зерни, когда на пластинку напавали мельчайшие зерна металла. Зерна золота или серебра заготавливались заранее из мельчайших капель металла, а затем укладывались при помощи маленького пинцета на орнаментируемую пластинку. Далее посыпали припоем и ставили на жаровню. Скань применялась в самых различных случаях: для подвесок к ожерелью, для рукоятей мечей, для обрамления крупных эмалевых медальонов и т.д. Ажурная скань применялась почти исключительно для трехбусинных височных колец, бусины которых делались каждая отдельно.

Чтобы закончить обзор ювелирного дела древней Руси, остается еще упомянуть об инкрустации золотом и серебром по железу и меди и о золочении. Древнейшие позолоченные вещи восходят к X в., например, бляшки в кургане Гульбище в Чернигове и медная накладка меча из Киева.

Изделия с чернью и эмалью являются верхом совершенства в искусстве древнерусских ювелиров. Чернь применялась исключительно для серебряных изделий. В состав черни входят серебро, свинец, красная медь, сера, бура, соль. Обычно эта смесь хранилась в порошке. Эмалью украшались главным образом золотые вещи, так как только золото обладало такой степенью ковкости и легкоплавкости, которая требовалась для создания основы под эмаль.

Русские ювелиры в XI – XII вв. в совершенстве овладевшие сложной техникой обработки благородных металлов, нередко восхищали своих современников тонкостью и изяществом работы.

Гончарное дело. В русских городах X – XIII вв. гончарное дело было развито очень широко.

Княжеские и боярские круги, имевшие в изобилии золотую и серебряную посуду, относились уже с некоторым пренебрежением к глиняной посуде. Изделия городских гончаров отличались от деревенских большей тщательностью отделки и большим разнообразием форм. В крупных городах, вроде Киева, существовал уже в XI – XIII вв. ножной гончарный круг. Для орнаментации посуды гончары применяли сложные решетчатые штампы, глину для своих изделий они отмачивали лучше. Городские "керамельники" значительно обогнали своих деревенских сотоварищей и в отношении обжига посуды, производившегося в специальных горнах.

Ассортимент городских гончарных изделий был несравненно богаче, чем сельских. Археологические раскопки дают много различных типов глиняной посуды, начиная от простого "горнца" и кончая амфорой. Изготавливались гончарами высокие кувшины, бочкообразные жбаны, миски, кринки, глиняные светильники в виде цилиндра с блюдцеобразным расширением посередине.

Гончарами же изготавливались и "голосники" – сосуды, входившие в кладку стен и сводов зданий и служившие для акустических целей и облегчения веса сводов. Голосники внешне были похожи на кринки.

Помимо посуды, гончары делали также глиняные игрушки в виде коньков, всадников, женщин с ребенком на руках, свистулек, погремушек и т.д.

К гончарному же ремеслу нужно причислить и "плинфodelание" – так называлось изготовление кирпичей. В Киевской Руси кирпичи делались квадратными, широкими и плоскими. Для декоративных целей, наряду с большими кирпичами, применялись и маленькие плитки, покрывавшиеся сложным эмалевым узором. Эмаль для этих целей плавилась в специальных двойных тигельках, где в каждой ячейке плавилась эмаль особого цвета, а затем содержимое тигелька выливалось на раскаленную глиняную плитку, образуя причудливый полихромный узор. Иногда в расплавленную массу бросали мелко искрошенные куски твердой эмали, которые, попав на плитку, слегка оплавливались, но сохраняли всю яркость красок и создавали впечатление мелкой мозаики. Такой эмалевой поливой покрывались не только плитки, но и яйцевидные погремушки, фигурки людей и посуда.

Плотничество. Большинство городских построек были деревянными. Из дерева строили дома, городские стены и башни, мосты; бревнами мостили улицы и площади. Из дерева делали также лады, колесные повозки, стенобитные орудия, домашнюю мебель. Из дерева резалась различная посуда и утварь: бочки, кади, корыта, ковкалы, дежи, уполовники, ложки, резные ковши и т.д.

Плотников называли древоделями, а столяров – теслями, теслярами. Специалисты по крепостным постройкам назывались городниками, или огородниками. Плотники, работавшие в городе, не могли быть сезонными ремесленниками, совмещавшими свое ремесло с земледелием, так как время плотничьих работ (лето) совпадало с полевыми работами; зимой готовили бревна длястроек, а весной лес пригоняли в город плотами, летом строили.

Найденные при раскопках остатки сохранившегося дерева говорят о довольно развитой технике его обработки. Помимо топора и тесла, широко применялось долото и ряд других инструментов. Долотом прорубались, например, отверстия в маслoбойных жомах, пазы в стояках четырехугольного чана. Теслом можно было выдалбливать только большие вещи, так как им работали двумя руками с широким свободным размахом. Тесло годилось для изготовления лодки, корыта, погребальной колоды, но не было пригодно для более мелкой работы, которую исполняли долотом. Выстругивание дерева производилось скобелем. Сверлили дерево сверлом.

Для приготовления деревянной посуды применялись специальные выгнутые резцы. Такими резцами могли резать мисы, чаши, ложки, ковши. Большое значение для характеристики обработки дерева имеет вопрос о пиле. Для несложных пропилов дерева могла применяться примитивная четырехзубая пила.

Пила применялась в Древней Руси только для мелких работ. Резьба по кости, столярные работы, распил камня – вот тот круг работ, для которых применялась пила.

Были в то время и токарные станки. При раскопках Десятинной церкви в Киеве были найдены фрагменты деревянной посуды, сделанной на токарном станке.

Кожевенное дело. Ткачество. Потребность в кожаных изделиях у населения городов была велика. Обувь, шапки, оружейные ремни, пояса, сбруя, седла, колчаны, щиты, переметные сумы, рукавицы, плети, переплеты книг и материал для письма (пергамен) – все это требовало разнообразной выделки кож и различных способов их пошивки. Сырьем для кожевников служили воловьи, козьи и конские шкуры.

Кожевенная мастерская XII в. была открыта раскопками в Новгороде на Славенском холме. Мастер был одновременно и кожевником и сапожником; здесь были найдены и заготовки кожи, и готовая обувь, и чан для вымачивания шкур.

Немаловажным было дубление кожи, для которого употреблялись специальные экстракты, например, "квас уснийн". Выделанную кожу кроили и сшивали. К особым кожевным работам надо отнести изготовление красного и зеленого сафьяна – хоза, из которого делались богатые сапоги, и изготовление единственного в то время писчего материала – пергамена. Пергамен делался из телячьей или бараньей кожи, специально обработанной и разглаженной.

Наиболее спорным из всех городских ремесел является ткачество. Прядение льна и шерсти производилось и женами ремесленников, и боярынями, и княжнами. Выделение городских специалистов – ткачей, обособившихся от княжеского или боярского двора, – началось именно с обработки шерсти, а льняная и конопляная ткань долго еще оставалась по преимуществу деревенской. Изготовление опон и сукна уже в XIV в. привело в Новгороде к появлению специалистов, связанных с выделкой этих материалов, – стригольников.

Изделия из стекла. Долгое время все стеклянные изделия, находимые на городищах и в курганах X – XII вв., считали привозными из Византии или даже из Сирии. Только раскопки В.В. Хвойка в Киеве доказали существование там стеклоделательной мастерской. В обширной мастерской был найден целый ряд глиняных горнов и печей "особого устройства". В этой мастерской было найдено также большое количество стеклянных браслетов и перстней целых, разбитых и сплавленных вместе. Здесь же были найдены куски эмали и инструменты для изготовления колтов с эмалью.

Браслеты изготавливались из стеклянных жгутов, сложенных кольцом в горячем состоянии и сваренных в месте скрепления концов.

При раскопках городов находят в слоях XI – XIII вв. стеклянные сосуды в виде флаконов и кубков. Они сделаны из толстого стекла и обычно украшены орнаментом из наклепных стеклянных же валиков и жгутов.

Производство стекла надо считать исключительно городским ремеслом, и притом таким, которое могло быть не в каждом городе. В малые городки и в деревни стеклянные вещи приносились коробейниками.

Обработка кости и камня. Обработка кости по своим техническим приемам стоит очень близко к обработке дерева. Разница заключается в большой твердости кости, которая требовала от мастера большей изощренности приемов и более совершенных инструментов. Костяные поделки были чрезвычайно разнообразны. Из кости резали рукоятки ножей и кинжалов, гребни, пуговицы, ручки зеркал, шахматы, шашки, игральные кости, пластинки для панцирей, иконки, обкладки луков и седел, ухвертки и т.п. Многие костяные вещи резались просто ножом, но также применялись резцы, сверла, пилы и даже токарные станки. Такой сложный инструментарий, необходимый резчикам по кости, привел к выделению их в особый раздел ремесленников. При раскопках В.В. Хвойка в Киеве была найдена специальная мастерская резчиков кости, в которой изготовлялись рукоятки кинжалов, гребни, пуговицы, ухвертки, шпильки, игрушки. В качестве материала для резьбы употреблялась обычная кость крупных животных, рог и моржовые клыки. Последний материал особенно ценился мастерами, так как в обработке моржовая кость нередко представляет больше удобств, чем даже слоновая.

Обработка камня в русских городах XI – XII вв. занимала видное место среди других ремесел. Возможно, что обработка камня велась уже несколькими различными категориями ремесленников (например, каменотесы, резчики по камню, гранильщики и шлифовальщики и т.п.).

Работы по камню делятся на два раздела: работы, связанные со строительным делом, т.е. обработкой больших блоков и плит; мелкая ювелирная работа над огранкой и отшлифовкой мелких самоцветов.

К первому разделу нужно отнести постройку зданий (дворцы, стены, башни, бани, церкви), выделку каменных гробов, крестов, половых плит, крупные скульптурные произведения и изготовление жерновов. Материалом служил самый различный камень: песчаник, известняк, мрамор, шифер, аспид и т.д.

Вторым разделом в обработке камня было изготовление мелких предметов, требующее тонкой и тщательной работы. Сюда можно отнести изготовление каменных бус, крестиков, иконок, литейных форм, шлифовку камней для украшения различных золотых медальонов. Материалом для этих вещей служили шифер, плотные сорта известняка и ряд драгоценных и полудрагоценных камней вроде сердолика, хрусталя, аметиста, сапфира, яхонта, альмандина, яшмы, янтаря.

Мастера, резавшие каменные формы, обладали уверенной твердой рукой и верным глазом.

РАЗРЯДЫ РЕМЕСЛЕННИКОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В русской деревне Древней Руси можно выделить следующие группы ремесленников: кузнецы, гончары, бондари, камнерезы. Эти группы крайне неоднородны. Прочно выделившимися в особый разряд специалистов можно считать только кузнецов.

Гончары хотя и существовали повсеместно, но никогда, разумеется, не играли такой важной роли в крестьянском хозяйстве, как кузнецы.

Безусловно, важнейшим ремеслом в деревне было кузнечное. Оно было к тому же ремеслом в полном смысле слова, полностью отрывавшим кузнецов от земледелия для таких сложных и разнообразных работ, как кричное или доменное дело,ковка железа и литье меди.

Особняком среди деревенских ремесел стоит производство шиферных пряслиц. Это специализация целого района в несколько десятков километров по выработке изделий, предназначенных для широкого сбыта. Производством пряслиц занимались в нескольких деревнях. Резьба шифера производилась зимой и являлась подсобным занятием для крестьян, живших по берегам Тетерева и Ужа.

За незначительными исключениями, все горожане занимались тем или иным ремеслом. Сопоставление отрывочных данных письменных источников с археологическими позволяет установить примерный список тех профессий, которые существовали в крупных городах домонгольской Руси:

- I
1) "Кузнецы железу". 2) "Домники" ("Кричники").
3) "Оружейники". 4) "Бронники". 5) "Гвоздочники". 6) "Замочники".
- II
7) "Котельники" ("лятели", литейщики). 8) "Кузнецы меди и серебру". 9) "Чеканщики" ("серебренники").
- III
10) "Плотники" ("древодели"). 11) "Огородники" (строители городских стен). 12) "Мостники". 13) "Тесляры" (столяры).
14) Токари. 15) Бочары. 16) "Ковшечники" (резчики дерева).
17) Лодейники.
- IV
18) "Каменщики" ("каменосечцы").
- V
19) "Кожевники" ("кожемяки", усмари). 20) "Усмошвецы". 21) "Сапожники". 22) "Седельники". 23) "Тульники".
24) "Сафьянники". 25) "Скорняки".
- VI
26) "Ткачи". 27) "Опонники". 28) "Портные швецы".
- VII

29) "Гончары". 30) Кирпичники ("плинфodelатели").
31) Плиточники (делавшие поливные плитки). 32) Игрушечники.

VIII

33) "Златари" ("златокузнецы"). 34) Эмалеры). 35) Стекольники.

IX

36) Гребенщики (резчики кости). 37) "Лучники". 38) Гранильщики камня.

X

39) "Писцы книжные". 40) "Иконники".

XI

41) "Воскобойники". 42) Масленники.

В этот список не вошли такие профессии, которые не представляют ремесла в полном смысле слова, как, например: повара, пекари, извозчики, скоморохи, гуслеры, архитекторы, лекари и др.

Социальное положение древнерусских ремесленников прошло следующие исторические этапы: во-первых, – закрепление общинного производства за определенными специалистами (отделение ремесла от земледелия); во-вторых, – закрепощение части общинных ремесленников в связи с возникновением и развитием феодальных отношений, включение их в состав феодальной усадьбы и, в-третьих, – появление в городе относительно свободных ремесленников, не связанных непосредственно с боярским или княжеским двором.

Многие ремесленники имели свою мастерскую. Но наряду с ними были и ремесленники иного типа. Из них на первое место надо поставить плотников, артели которых нанимались по договору на ту или иную постройку.

О заработке ремесленников данных дошло до наших дней мало. "Русская Правда" сообщает о плате городникам и мостникам; в состав платы входят и деньги, и продукты.

В значительно лучшем положении находились привилегированные категории ремесленников, вроде иконников, ювелиров, резчиков мрамора.

Особенно велики были заработки архитекторов. Немногим отличались заработки иконописцев. Например, Дионисию с сыновьями за роспись иконостаса было заплачено сто рублей. И это при том, что деревня средних размеров стоила 20 рублей вместе со всем в ней находящимся скарбом и скотом.

В хозяйственном развитии Киевской Руси заметное место занимало высокоразвитое ремесленное производство. Важнейшей его отраслью были черная металлургия и металлообработка.

Ассортимент изделий из железа насчитывал около 150 названий, а древнерусские кузнецы владели всеми известными тогда техническими и технологическими приемами его обработки: ковкой, сваркой, закалкой, ввариванием стальных лезвий, инкрустацией цветными металлами. Высоким уровнем мастерства отличались изделия древнерусских "кузнецов злату и серебру": золотые бармы, колты и ожерелья, серебряные браслеты-наручи, другие ювелирные вещи. Они исполнены в технике перегородчатой эмали, скани, черни, литья, чеканки, достигших на Руси высокого уровня развития. Мастерство древнерусских ремесленников получило международное признание. В известном трактате монаха Теофила из Падерборна "О различных художествах" Русь названа страной, открывшей секреты "искусства эмали и разнообразия черни".

Ремесло развивалось как в хозяйстве феодалов, так и на свободной городской основе. В XII – XIII вв. посадские ремесленники начинают объединяться в корпорации, свидетельством чего являются названия городских концов (гончарский, плотницкий, кожемяцкий), ворот (кузнечные), а также упоминания в письменных источниках об артелях городников, мостников.

Подводя итоги развитию русского ремесла в X – XIII вв., можно сделать следующие выводы: ремесло являлось важнейшей составной частью древнерусского хозяйства, ускорившей развитие сельскохозяйственной и военной техники и развитие феодальных отношений.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Основой любой древней культуры является письменность. Когда она зародилась на Руси? Долгое время существовало мнение, что письмо на Русь пришло вместе с христианством. Однако согласиться с этим трудно. Есть свидетельство о существовании славянской письменности задолго до христианизации Руси. В 1949 г. во время раскопок под Смоленском нашли глиняный сосуд, относящийся к началу X в., на котором было написано "горушна" (пряность). Найденное означало, что уже в это время в восточнославянской среде бытовало письмо, существовал алфавит. Об этом же говорит и "Житие" византийского дипломата и славянского просветителя Кирилла. Во время пребывания в Херсонесе в 60-е гг. IX в. он познакомился с Евангелием, написанным славянскими буквами. В дальнейшем Кирилл и его брат Мефодий стали основоположниками славянской азбуки, которая, видимо, в какой-то части основывалась на принципах славянского письма, существовавшего у восточных, южных и западных славян задолго до их христианизации.

Надо вспомнить и о том, что договоры Руси с Византией, относящиеся к первой половине X в., также имели копии на славянском языке. К этому времени относится существование толмачей-переводчиков и писцов, которые записывали речи послов на пергамент.

Христианизация Руси дала мощный толчок дальнейшему развитию письменности, грамотности. На Русь стали приезжать церковные грамотеи, переводчики из Византии, Болгарии, Сербии. Появились, особенно в период правления Ярослава Мудрого и его сыновей, многочисленные переводы греческих и болгарских книг как церковного, так и светского содержания. Переводятся, в частности, византийские исторические сочинения, жизнеописания святых. Эти переводы становились достоянием грамотных людей: их с удовольствием читали в княжеско-боярской, купеческой среде, в монастырях, церквях, где зародилось русское летописание. В XI в. получили распространение такие популярные переводные сочинения, как "Александрия", содержащая легенды и предания о жизни и подвигах Александра Македонского, "Девгениево деяние", которое представляло собой перевод византийской эпической поэмы о подвигах воина Дигенеса.

Кадры первых русских грамотеев, переписчиков, переводчиков формировались в школах, которые были открыты при церквях со времени Владимира I и Ярослава Мудрого, а позднее при монастырях. Есть немало свидетельств о широком развитии грамотности на Руси в XI – XII вв. Она была распространена, в основном, в городской среде, особенно в кругу богатых горожан, княжеско-боярской верхушки, купечества, ремесленников. В сельской местности, в дальних, глухих местах население было почти сплошь неграмотным.

С XI в. в богатых семьях стали учить грамоте не только мальчиков, но и девочек. Сестра Владимира Мономаха Янка, основательница женского монастыря в Киеве, создала в нем школу для обучения девушек.

Ярким свидетельством широкого распространения грамотности в городах и пригородах являются так называемые берестяные грамоты. В 1951 г. во время археологических раскопок в Новгороде извлекли из земли бересту с хорошо сохранившимися на ней буквами. С тех пор в научный оборот введены сотни берестяных грамот, говорящих о том, что в Новгороде, Пскове, Смоленске, других городах Руси люди любили и умели писать друг другу. Среди писем деловые документы, обмен информацией, приглашение в гости и даже любовная переписка. Некто Микита написал своей возлюбленной Ульяне на бересте: "От Микиты ко Улианици. Поиде за меня..."

Осталось и еще одно любопытное свидетельство о развитии грамотности на Руси: так называемые надписи (граффити). Их выцарапывали на стенах церквей любители излить свою душу. Среди этих надписей размышления о жизни, жалобы, молитвы. Знаменитый Владимир Мономах, будучи еще молодым человеком, во время церковной службы, затерявшись в толпе таких же молодых князей, нацарапал на стене Софийского собора в Киеве: "Ох, тяжко мне" – и подписался своим христианским именем "Василий".

Летописи – это средоточие истории Древней Руси, ее идеология, понимание ее места в мировой истории; они являются одним из важнейших памятников и письменности, и литературы, и истории, и культуры в целом. За составление летописей, т.е. погодных изложений событий, брались лишь люди самые грамотные, знающие, мудрые, способные не просто изложить разные дела год за годом, но и дать им соответствующее объяснение, оставить потомству ясное видение эпохи.

Летопись была делом государственным, делом княжеским. Поэтому поручение составить летопись давалось не просто самому грамотному и толковому человеку, но и тому, кто сумел бы провести идеи, близкие той или иной княжеской ветви, тому или иному княжескому дому. Тем самым объективность и честность летописца вступали в противоречие с тем, что мы называем "социальным заказом". Если летописец не удовлетворял вкусам своего заказчика, с ним расставались и передавали составление летописи другому, более надежному, более послушному автору. Увы, работа на потребу власти зарождалась уже на заре письменности и не только на Руси, но и в других странах.

Летописание, по наблюдениям ученых, появилось на Руси вскоре после введения христианства. Первая летопись, вероятно, была составлена в конце X в. Она была призвана отразить историю Руси со времени появления там новой династии Рюриковичей и до правления Владимира с его впечатляющими победами, с введением на Руси христианства. Уже с этого времени право и обязанность вести летописи были даны деятелям церкви. Именно в церквях и монастырях обретались самые грамотные, хорошо подготовленные и обученные люди – священники, монахи. Они располагали богатым книжным наследием, переводной литературой, русскими записями старинных сказаний, легенд, былин, преданий; в их распоряжении были и великокняжеские архивы.

Прежде чем появились летописи – масштабные исторические сочинения, охватывающие несколько веков русской истории, – существовали отдельные записи, устные рассказы, которые поначалу и послужили основой для первых обобщающих сочинений. Это были истории о Киеве и основании Киева, о походах русских войск против Византии, о путешествии княгини Ольги в Константинополь, о войнах Святослава, сказание об убийстве Бориса и Глеба, а также былины, жития святых, проповеди, предания, песни, разного рода легенды.

Вторая летопись была создана при Ярославе Мудром в пору, когда он объединил Русь, заложил храм святой Софии. Эта летопись вобрала в себя предшествующую летопись, другие материалы.

Составитель очередного летописного свода выступал не только как автор соответствующих законов написанных частей летописи, но и как составитель и редактор. Вот это-то его умение направить идею свода в нужную сторону высоко ценилось киевскими князьями.

По мнению некоторых ученых, очередной летописный свод был создан митрополитом Илларионом, который писал его под именем монаха Никона в 60 – 70-е гг., уже после смерти Ярослава Мудрого. Потом появился свод времен Святополка (90-е гг. XI в.).

Свод, за который взялся монах Киево-Печерского монастыря Нестор и который вошел в нашу историю под именем "Повести временных лет", оказался, таким образом, по меньшей мере лишь пятым по счету и создавался в первое десятилетие XII в. при дворе все того же князя Святополка. Свод Нестора был вершиной раннего русского летописания.

В первых строках своей летописи Нестор поставил вопрос: "Откуда есть пошла Русская земля...". Таким образом, уже в этих первых словах летописи говорится о тех масштабных целях, которые поставил перед собой автор. И действительно, летопись не стала обычной хроникой, каких немало было в ту пору в мире – сухих, бесстрастно фиксирующей факты, но взволнованным рассказом тогдашнего историка, вносящего в повествование философско-религиозные обобщения, свою образную систему, темперамент, свой стиль. Происхождение Руси, как мы об этом уже говорили, Нестор рисует на фоне развития всей мировой истории. Русь – это один из европейских народов.

Используя предшествующие своды, документальные материалы, в том числе, например, договоры Руси с Византией, летописец развертывает широкую панораму исторических событий, которые охватывают как внутреннюю историю Руси – становление общерусской государственности с центром в Киеве, так и международные отношения Руси с окружающим миром. Целая галерея исторических деятелей проходит на страницах Несторовой летописи – князья, бояре, посадники, тысяцкие, дружинники, купцы, церковные деятели. Он рассказывает о военных походах и организации монастырей, закладке новых храмов и об открытии школ, о религиозных спорах и реформах внутри русской жизни. Постоянно касается Нестор и жизни народа в целом, его настроений, выражений недовольства. На страницах мы читаем о восстаниях, убийствах князей и бояр, жестоких общественных схватках. Все это автор описывает вдумчиво и спокойно, старается быть объективным, насколько вообще может быть объективным глубоко религиозный человек, руководствующийся в своих оценках понятиями христианской добродетели и греха. Убийство, предательство, обман, клятвопреступления Нестор осуждает бескомпромиссно, превозносит честность, смелость, верность, благородство, другие прекрасные человеческие качества. Вся летопись проникнута чувством единства Руси, патриотическим настроением. Все основные события в ней оценивались не только с точки зрения религиозных понятий, но и с позиций этих общерусских государственных идеалов. Этот мотив звучал особенно значительно в преддверии начавшегося политического распада Руси.

В 1116 – 1118 гг. летопись снова была переписана. Княживший тогда в Киеве Владимир Мономах и его сын Мстислав были недовольны тем, как Нестор показал роль в русской истории Святополка, по заказу которого в Киево-Печерском монастыре и писалась "Повесть временных лет". Мономах отнял летописание у печерских монахов и передал его в свой родовой Выдубицкий монастырь. Его игумен Сильвестр и стал автором нового свода. В нем положительные оценки Святополка были поумерены, зато оказались подчеркнуты все деяния Владимира Мономаха, но основной корпус "Повести временных лет" остался неизменным. И в дальнейшем Несторов труд входил непременной составной частью как в киевское летописание, так и в летописи отдельных русских княжеств, являясь одной из связующих нитей для всей русской культуры.

По мере политического распада Руси и возвышения отдельных русских центров летописание стало дробиться. Кроме Киева и Новгорода появились свои летописные своды в Смоленске, Пскове, Владимире-на-Клязьме, Галиче, Владимире-Волыньском, Рязани, Чернигове, Переславле-Русском. В каждом из них отражались особенности истории своего края, на первый план выносились собственные князья. Так, владимиристо-суздальские летописи показывали историю правлений Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо; галицкая летопись начала XIII в. стала по существу биографией знаменитого князя-воина Даниила Галицкого; о потомках Святослава Ярославовича повествовала в основном черниговская летопись. И все же и в этом местном летописании четко просматривались общерусские культурные истоки. История каждой земли сопоставлялась со всей русской историей, "Повесть временных лет" являлась непременной частью многих местных летописных сводов. Некоторые из них продолжали традицию русского летописания XI в. Так, на рубеже XII – XIII вв. в Киеве был создан новый летописный свод, в котором отражались события, происходившие в Чернигове, Галиче, Владимире-Суздальской Руси, Рязани и других русских городах. Видно, что автор свода имел в своем распоряжении летописи различных русских княжеств и использовал их. Хорошо знал летописец и европейскую историю. В различных русских городах, в том числе в Киеве, в Выдубицком монастыре, создавались целые библиотеки летописных сводов, которые становились источниками для новых исторических сочинений XI – XIII вв.

Сохранение общерусской летописной традиции показал Владимиро-Суздальский летописный свод начала XIII в., охвативший историю страны от легендарного Кия до Всеволода Большое Гнездо.

Литература

О

общий подъем Руси в XI в., создание центров письменности, грамотности, появление целой плеяды образованных людей в княжеско-боярской, церковно-монастырской среде определили развитие древнерусской литературы. Эта литература развивалась, складывалась вместе с развитием летописания, ростом общей образованности общества. У людей появилась потребность донести до читателей свои взгляды на жизнь, свои размышления о смысле власти и общества, роли религии, поделиться своим жизненным опытом.

Нам неведомы имена авторов сказаний о походах Олега, о крещении Ольги или войнах Святослава. Первым известным автором литературного произведения на Руси стал священник княжеской церкви в Берестове, впоследствии митрополит Илларион. В начале 40-х гг. XI в. он создал свое знаменитое "Слово о законе и благодати", в котором в яркой публицистической форме изложил свое понимание места Руси в мировой истории. Это "Слово" посвящено обоснованию государственно-идеологической концепции Руси, полноправному месту Руси среди других народов и государств, роли великокняжеской власти, ее значению для русских земель. "Слово" объясняло смысл крещения Руси, выявило роль русской церкви в истории страны. Уже одно это перечисление указывает на масштабность сочинения Иллариона.

То было время нарастания новых противоречий между Русью и Византией, претензий империи на руководство Русью не только в сфере религиозной, но и политической. Но то было время и возвышения Руси при Ярославе Мудром, укрепления ее международной роли. Основной темой "Слова" Иллариона стала идея равноправия Руси среди других народов и государств, за которой мы читаем протест Киева против политического давления со стороны Византии. Илларион утверждает свободу выбора религии со стороны Руси, отмечает значение Владимира как русского апостола, сравнивает его с императором Константином Великим, сделавшим христианство государственной религией, с первыми христианскими апостолами. Говоря о первых русских князьях, Илларион гордо отмечает: "Не в плохой стране, и не неведомой земле были они владыками, но в Русской, которая ведома и слышима во всех концах земли". Эта идея связи Руси с мировой историей затем нашла отражение и в своде Нестора. И можно думать, что Нестор взял эту мысль из сочинений Иллариона, который до Нестора сам, возможно, создал один из первых русских летописных сводов.

Во второй половине XI в. появляются и другие яркие литературно-публицистические произведения: "Память и похвала Владимира" монаха Иакова, в котором идеи Иллариона получают дальнейшее развитие и применяются к исторической фигуре Владимира I. В это же время создаются "Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси", "Сказание о Борисе и Глебе", святых покровителях и защитниках Русской земли.

В последней четверти XI в. начинает работать над своими сочинениями монах Нестор. Летопись была его завершающей фундаментальной работой. До этого он создал знаменитое "Чтение о житии Бориса и Глеба". В нем, как и в "Слове" Иллариона, как позднее в "Повести временных лет", звучат идеи единства Руси, воздаются должное ее защитникам и радетелям. Уже в ту пору русских авторов беспокоит нарастающая политическая вражда в русских землях, в которой они угадывают предвестие будущей политической катастрофы.

Литература XII в. продолжает традиции русских сочинений XI в. Создаются новые церковные и светские произведения, отмеченные яркой формой, богатством мыслей, широкими обобщениями; возникают новые жанры литературы.

На склоне лет Владимир Мономах пишет свое знаменитое "Поучение детям", ставшее одним из любимых чтений русских людей раннего средневековья. Описывая чисто русские дела и русские политические страсти, бесконечные войны с врагами Руси, Мономах постоянно опирался на христианские общечеловеческие ценности. В них находил он ответ на мучившие его вопросы, в них черпал нравственную опору. Он начинает цитировать Псалтырь с бессмертных слов: "Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на бога, ибо верю в Него". Его "Поучение" – это гимн праведникам, неприятие злых и лукавых людей, вера в торжество добра, в бессмысленность и обреченность зла.

В начале XII в. один из сподвижников Мономаха игумен Даниил создает "Хождение игумена Даниила в святые места". Богомольный русский человек отправился к гробу Господню и проделал длинный и трудный путь – до Константинополя, потом через острова Эгейского моря на остров Крит, оттуда в Палестину и до Иерусалима, где в это время было основано первое государство крестоносцев во главе с королем Болдуином. Даниил подробно описал весь свой путь, рассказал о пребывании при дворе иерусалимского короля, о походе с ним против арабов. Даниил молился у гроба Господня, поставил там лампу от всей Русской земли: около гроба Христа он отпел "пятьдесят литургии за князей русских и за всех христиан".

И "Поучение", и "Хождение" были первыми в своем роде жанрами русской литературы.

XI – начало XIII вв. дали немало и других ярких религиозных и светских сочинений, которые пополнили сокровищницу русской культуры. Среди них "Слово" и "Моление" Даниила Заточника, который, побывав в заточении, испытал ряд других житейских драм, размышляет о смысле жизни, о гармоничном человеке, об

идеальном правителе. Обращаясь к своему князю в "Молении", Даниил говорит о том, что настоящий человек должен сочетать в себе силу Самсона, храбрость Александра Македонского, разум Иосифа, мудрость Соломона, хитрость Давида. Обращение к библейским сюжетам и древней истории помогает ему донести свои идеи до адресата. Человек, по мысли автора, должен укреплять сердце красотой и мудростью, помогать ближнему в печали, оказывать милость нуждающимся, противостоять злу. Гуманистическая линия древней русской литературы и здесь прочно утверждает себя.

Автор середины XII в. киевский митрополит Климентий Смолятич в своем "Послании" священнику Фоме, ссылаясь на греческих философов Аристотеля, Платона, на творчество Гомера, также воссоздает образ высоко нравственного человека, чуждого властолюбию, сребролюбию и тщеславию.

В "Притче о человеческой душе" (конец XII в.) епископ города Турова Кирилл, опираясь на христианское миропонимание, дает свое толкование смысла человеческого бытия, рассуждает о необходимости постоянной связи души и тела. В то же время он ставит в "Притче" вполне злободневные для русской действительности вопросы, размышляет о взаимоотношении церковной и светской власти, защищает национально-патриотическую идею единства русской земли, которая была особенно важна в то время, когда владими́ро-суздальские князья начали осуществлять централизаторскую политику.

Одновременно с этими сочинениями, где религиозные и светские мотивы постоянно переплетались, переписчики в монастырях, церквях, в княжеских и боярских домах усердно переписывали церковные служебные книги, молитвы, сборники церковных преданий, жизнеописание святых, древнюю богословскую литературу. Все это богатство религиозной, богословской мысли также составляло неотъемлемую часть общей русской культуры.

Но, конечно, наиболее ярко синтез русской культуры, переплетение в ней языческих и христианских черт, религиозных и светских, общечеловеческих и национальных мотивов прозвучали в "Слове о полку Игореве". Это поэма эпохи. Это ее поэтическое образное выражение. Это не только взволнованный призыв к единству Русской земли, не только горделивый рассказ о мужестве русичей и не только плач по погибшим, но и размышления о месте Руси в мировой истории, о связи Руси с окружающими народами. Века "Траяновы" и Херсонес, венецианцы, немцы, греки – все они связаны с судьбой Русской земли, где славен лишь тот, кто выражает ее подлинные интересы.

Греко-Славяно-латинская Академия

Первое высшее общеобразовательное заведение в Москве создано в 1687 г. под названием Эллино-греческая академия на основе школы при Богоявленском монастыре как всесословное учебное заведение. Инициатива организации академии принадлежит Симеону Полоцкому, составившему в 1680 г. "Академический привилей" (учредительную грамоту), в котором определены задачи, содержание, формы обучения и права академии. Академия готовила образованных людей для государственной службы и церкви, осуществляла цензуру книг духовного содержания и суд над отступниками от православия.

В XVII в. в академии, соединявшей черты высшей и средней школы, преподавались греческий, латинский и славянский языки, "семь свободных искусств", богословие, основное внимание уделялось греческому языку. С начала XVII в., после преобразований, проведенных Стефаном Яворским, курс обучения расширился (немецкий и французский языки, медицина, физика, философия и др.), ведущее место занял латинский язык. В 1701 г. академия была переименована в славяно-латинскую, в 1775 г. – славяно-греко-латинская академия. С учреждением Академического университета в Петербурге (1725 г.) и Московского университета (1755 г.) академия стала терять свое значение и превратилась в высшую богословную школу, в 1814 г. преобразована в московскую духовную академию и переведена в Троице-Сергиеву лавру (ныне в г. Загорске).

Академия содействовала распространению общего образования в России. В ней учились дети не только знати, приказного дьячества, служителей церкви, купечества, но и кабальных людей; русские, украинцы, белорусы, греки, македонцы, грузины и др. (первоначально около 100 чел., в нач. XVIII в. – 600 чел., в нач. XIX в. – свыше 1600 чел).

Из академии наряду с крупнейшими руководителями православной церкви вышли многие видные деятели русской культуры XVII – XVIII вв.: Ф.П. Поликарпов-Орлов, К. Истомин, П.В. Патников, первые профессора московского университета Н.Н. Поповский и А.А. Баров, в 1731 – 1735 гг. в академии учился М.В. Ломоносов. "Семь свободных искусств" (лат. "septem artes liberales"), учебные предметы ("Науки") средневековой средней школы и "артистических" (подготовительных) факультетов университетов включали два цикла: тривиум (лат. Trivium- трехпутие) – грамматику, риторику, диалектику и квадривиум (лат. quadrivium – четырехпутие) – арифметику, геометрию, астрономию и музыку.

Циклы представляли собой остатки системы знаний, разработанной в античный период. В средние века разнообразное и богатое для своего времени содержание античной системы постепенно свелось к ограниченному числу элементарных

сведений, использовавшихся в религиозных целях (например, грамматика трактовалась как наука, нужная для понимания церковных книг, риторика как пособие для составления церковных проповедей, астрономия – для вычисления пасхалий, диалектика – для споров с еретиками, занятия арифметикой в значительной степени сводилась к мистическому толкованию чисел.). В конце средневековья и особенно в эпоху Возрождения "семь свободных искусств" в средних школах и на "артистических" факультетах университетов стали приобретать светский характер.

русская идея

Последнее десятилетие двадцатого века стало для России и, в первую очередь, для русского народа обновляющим и одновременно трагическим испытанием национального характера, национальной культуры и духовных ценностей, которые русский народ хранил, на которые он опирался в дни лихолетья. Распад СССР, разрушение идеологических установок и культурных традиций, сформированных в ходе реализации социалистической идеи, отсутствие в обществе новых объединяющих идей на фоне социального кризиса, вызванного ухудшением экономической обстановки, порождает противостояние в обществе, усиливает центробежные тенденции в стране и по существу может стать одним из факторов разрушения России как государства, деградации русской нации. Вопрос о русской национальной идее применительно к сегодняшней России является не просто важным. Для русского народа духовные символы, идея высшей справедливости, служение высоким идеалам, чувство своего особого предназначения столь же, а может, даже и более необходимо, чем личное благополучие. Слова Ф.М. Достоевского "Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация" были повторены вслед за ним многими русскими мыслителями. Русская национальная идея, основанная на ценностях русских традиций, русской культуре, должна сплотить русский народ, помочь ему перешагнуть через беды и противоречия постсоветского периода, выжить и сохранить себя, свой характер, свою страну, свою культуру.

Невозможно определить "дату рождения" русской идеи. Русская идея – часть русской культуры, одна из основ, на которой эта культура создавалась и развивалась. В качестве важнейшего элемента религиозной историографии русская идея присутствует в древнерусской литературе. *"Начиная с первых ответов на вопрос "откуда есть пошла русская земля" и далее через летописи, послания, панегирики, жития, легенды, через теорию "Москвы – Третьего Рима", через споры об исключительности православного царства и самого православия, наконец, через русскую государственность – хорошо различимы усилия постичь не столько саму эмпирическую ткань истории, сколько преобразующую ее провиденциальную, Богом задуманную, умопостигаемую идею, задачу, судьбу, миссию"* (Е.В. Барабанов, "Русская идея" в эсхатологической перспективе // Вопросы философии. № 8. 1990.).

Литературное наследие девятнадцатого века просто пронизано темой "русской идеи", особой предначертанности России и русского народа, его судьбы и миссии. *"Когда видишь, как эта огромная империя с большим или меньшим блеском в течение двух веков выступала на мировой сцене, когда видишь, как она по многим второстепенным вопросам приняла европейскую цивилизацию, упорно отбрасывая ее по другим более важным, сохраняя таким образом оригинальность, которая, хоть и является чисто отрицательной, но не лишена тем не менее своеобразного величия, – когда видишь этот великий исторический факт, то спрашиваешь себя: какова же та мысль, которую он скрывает или открывает нам; каков идеальный принцип, одушевляющий это огромное тело, какое новое слово этот новый народ скажет человечеству; что желает он сделать в истории мира? Чтобы разрешить этот вопрос, мы не обратимся к общественному мнению сегодняшнего дня, что поставило бы нас в опасность быть разочарованными событиями последующего дня. Мы поищем ответа в вечных истинах религии. Ибо идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности"* (Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. М. 1989. Т. 2. С. 219 – 220).

Проблема поиска "русской идеи" особенно остро встала перед Россией с того момента, как она начала осознавать себя частью всемирного и, прежде всего, европейского человечества. После победы над Наполеоном Россия оказалась втянутой в самую гущу европейской политики, обрела значение одной из наиболее влиятельных политических сил на европейском континенте. Это побудило мыслящих людей задуматься об отношении России к Европе, о том, что их связывает и разделяет между собой. Именно тогда заговорили о "русской идее" наши великие русские мыслители такие, как В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский, К.Л. Леонтьев, Н.Я. Данилевский, Ф.И. Тютчев, П.Я. Чаадаев, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин и др. Потребность в национальной идее возникла в России в результате ее вхождения в мир европейской культуры и цивилизации и явилась прямым следствием этого вхождения. "Русская идея" – это "европейская идея" в русском ее прочтении и толковании.

Поиск собственного – национального – варианта европейской идеи шел в России в рамках прежде всего философского дискурса, породив здесь оригинальную и самобытную философию истории. "Вопрос о России, – писал Н.А. Бердяев, – есть прежде всего историософский вопрос, что означает приоритет философско-исторического видения России над всеми видами позитивного знания о ней. Подобное направление мысли выходит на первый план там, где реальность находится еще в состоянии брожения, не отлилась в законченную форму, не застыла в своей цивилизационной определенности и не может быть, поэтому предметом одной лишь научной аналитики, апеллирующей исключительно к наличному опыту. То, что не имеет предмета в опыте, может быть выражено, представлено только через идею". Лидирующее место философии истории в составе русской мысли прошлого века как раз и указывает на характер "русской идеи" – она касалась в первую очередь самоопределения России по отношению к миру, и прежде всего к Западу, поиска ею своего места в мировой истории.

Через подобный поиск прошли в свое время все ведущие страны Западной Европы, как только они порывали

со средневековым прошлым. Поиск России падает на время, когда в Европе он в основном закончился, сменился чувством "конца истории". Россия же жила чувством не конца, а только начала собственной истории, причем не обязательно той, что уже сложилась в Европе. По известному выражению Л.Н. Толстого, в России еще ничего не сложилось и только начинает укладываться. Весь XIX в. Россия жила в сознании неминуемых грядущих перемен, с надеждой и тревогой всматриваясь в будущее. Желание облечь это будущее в более или менее отчетливую перспективу, найти ему аналог в прошлом либо в чем-то, чего еще никогда не было, и заставляло обращаться к идее, по-разному формулируемой в среде радикалов и консерваторов.

Сама по себе попытка выработать такую идею говорит о том, что до революционных перемен 1917 г. мы двигались в общем русле развития западной цивилизации. Решение вопроса о "русской идее" и тогда и сейчас осложняется еще и тем, что при всем несходстве с Западом Россию трудно представить и в качестве совершенно особой от Запада цивилизации, хотя подобные попытки предпринимались время от времени. Ее называли то православной, то восточнославянской, то евразийской цивилизацией – в зависимости от того, какой признак брался за основу – конфессиональный, этнокультурный или геополитический. В результате вопрос об отношении России к Западу переживался как одна из мучительных проблем русской истории. В сознании россиян постоянно жила тема не только их особенности и самобытности, но и их отсталости, недостаточной развитости по сравнению с Западом. Мы осознавали себя даже не соседом, а родственником Европы, в представлении "западников", бедным родственником, задержавшимся в развитии.

"Русская идея" была призвана выявить связь между обособленным и всеобщим в жизни русского народа. При своем зарождении она не заключала в себе никакого национализма, не оправдывала превосходство одного народа перед другим, не призывала к национальному обособлению России, к ее замыканию на саму себя. Величие России она связывала с преодолением ею своего национального эгоизма во имя сплочения и объединения всех народов на базе общечеловеческих ценностей. В этом смысл знаменитой формулы Соловьева, согласно которой "идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но что Бог думает о ней в вечности". "Русская идея" мыслилась Соловьевым как необходимость для России жить в соответствии не только со своими национальными интересами, но и с теми принципами и нормами, которые общи всему христианскому миру, составляют суть христианства.

Существовали и иные варианты "русской идеи", трактовавшие ее в националистическом духе, выведившие на первый план несходство славянского культурного типа со всеми остальными. В. Соловьев справедливо усматривал в подобной трактовке "русской идеи" "вырождение славянофильства", не отрицавшего при своем возникновении духовной близости России и Европы. Русский национализм родился под прямым воздействием западного и в противовес ему. Н.А. Бердяев отмечал, что "*национализм новейшей формации есть несомненная европеизация России*), консервативное западничество на русской почве". (Бердяев Н.А. Душа России. Русская идея. М., 1990. С. 300).

Как в прошлом, так и сейчас сомкнуть всеобщий и особенный смысл нашей национальной идеи, избегая крайностей как национализма, так и национального нигилизма, оказывается непростым делом. В этом, собственно, состоит суть вопроса, который Россия рано или поздно должна решить для себя, если она хочет выжить в современном мире, занять в нем достойное место.

Сегодня уже нет той России, на которую раньше ориентировалась "русская идея". После распада СССР русские остались наедине с собой, постепенно сдвигаясь к рубежам, с которых когда-то стартовала Российская империя. 15 % нерусского населения не меняют общей картины. О какой же национальной идее может идти речь в настоящее время, когда от старой России остались одни воспоминания? Не лучше ли вообще отказаться от нее, признав над собой полную победу Запада, а значит, превосходство его идеи над нашей собственной? Защита своих национальных интересов без всяких идей, способных объединять народы, – это нужно сейчас России? НЕТ! Идея – это не то, что можно выдумать, изобрести, навязать сверху в качестве *панацеи от всех бед*, или, наоборот, отбросить за ненужностью. Она существует безотносительно к любым пожеланиям или протестам как выражение культурной преемственности в духовной истории народа, которую нельзя отвергнуть по соображениям какой угодно экономической и политической целесообразности. Отказ от нее равносителен отказу от самих себя. Без "русской идеи" Россия – всего лишь бессодержательное пустое пространство, открытое любому экспериментированию над собой. Если у нее помимо интереса нет никакой идеи, то она – понятие не столько историческое, сколько географическое, неведь зачем существующая огромная территория. Страна есть, обозначена на карте, а смысла в ней нет никакого. Однако всему этому противостоит мощная традиция русской культуры, давно получившая мировое признание. В ней душа России, смыслообразующее начало. Именно здесь надо искать суть того, что называют "русской идеей". Ее питает не имперское прошлое, не традиционные, во многом архаические устои экономической и политической жизни, не антропологические особенности "славянской расы", а именно культура, в наибольшей степени определившая лицо России, ее духовный облик. Сегодня, реформируя Россию, нельзя пренебрегать ее идеей – тем, что она искала и утверждала в плане культуры.

Русская культура предоставляет собой достаточно сложный сплав самых разнородных напластований и элементов, не во всем находящихся между собой в органическом единстве. Она включает в себя языческое наследие славянских племен, и православно-византийскую традицию, азиатскую прививку во времена татаро-монгольского ига, и светскую культуру (науку, искусство, образование), подобную той, что существует в Европе. Но если говорить не об истории, а о философии русской культуры, то можно увидеть в ней некоторое общее основание, пронизывающую ее общую мысль,

благодаря которой она и предстает в качестве неповторимого, своеобразного и в то же время общезначимого явления в мировой культуре.

Подобно Европе, Россия искала и пыталась выразить в своей культуре некоторое универсальное начало, способное объединять людей и народы в общепланетарном масштабе. В этом Россия – европейская страна, хотя и несколько в ином смысле, чем страны западноевропейского региона.

Идея единого человечества, универсальной цивилизации, впервые зародилась на Западе. Иногда ее называют "римской идеей". Начиная с "первого Рима", история Запада стала историей ее практического воплощения в жизнь, хотя на разных этапах разными средствами. Самому Западу казалось, что именно он призван навсегда покончить с варварством былых времен, явить миру единственно возможную форму человеческой интеграции. Однако в его современной фазе (фазе существования индустриального общества) обнаружилось такие черты этой цивилизации, которые заставили говорить о "новом варварстве". Первоначальное противостояние "варварство – цивилизация" сменилось другими не менее острыми и опасными: с одной стороны, "цивилизация – природа", с другой, "цивилизация – культура". Конфликт индустриальной цивилизации с природой и культурой, называемый иначе экологическим и духовным кризисом, не только обозначил пределы роста этой цивилизации, но и выявил ее неприемлемость в качестве общепланетарной модели будущего развития.

Кроме того, западное общество, сделавшее материальное благополучие смыслом существования людей, не обязательно имеет своим следствием всеобщее изобилие. Не все смогут жить так, как живут на Западе (хотя бы в силу ограниченности природных ресурсов), да и Запад, заботясь о себе, вряд ли позволит всем жить так, как живет он сам. Ведь народы, которым будет предписано жить по западным образцам, захотят иметь и западные стандарты потребления. Это и есть путь в экологическую бездну. По словам немецкого ученого-философа В. Хесле, *"универсализация принятых на западе жизненных стандартов... приведет Землю к экологической катастрофе... Катастрофа, к которой мы медленно приближаемся, давно бы уже наступила, если бы все жители планеты потребляли бы столько же энергии, сколько жители развитых стран Запада, если бы повсюду накапливалось такое же количество мусора, а в атмосферу выбрасывалось столько же вредных веществ. Вряд ли кто ныне решится спорить о том, что западные индустриальные общества таким образом далее развиваться не могут – иначе мы провалимся в бездну"* (Хесле В. Философия и экология. М., 1993. С. 17).

Сложившееся в сознании русских людей двойственное отношение к Западу, сочетавшее признание его несомненных заслуг в области политических свобод, народного просвещения, науки, искусства, с неприятием выродившейся в "мещанство" цивилизации (культура и цивилизация никогда не отождествлялась ими), определило смысл их собственного поиска путей развития России, того, чем она может и должна быть в своем реальном существовании. Взять у Запада все ценное, но не повторять его, а пойти дальше – в сторону более гуманных, нравственно оправданных форм жизни – так можно определить суть этого поиска. Можно много говорить об идеализме и утопизме подобного поиска, но именно в нем источник культурного своеобразия России, ее духовного величия.

В сложном и противоречивом облике России нельзя не заметить определенного несоответствия между ее душой и телом, ее устремленностью к вселенской, общечеловеческой правде и ее еще недостаточной цивилизованностью – экономической, политической и просто бытовой. С одной стороны, ее характеризует несомненная отсталость от развитых стран Запада, которую она стремилась преодолеть мощными модернизационными усилиями, с другой, она не просто пыталась сравняться с ними, но стать лучше их, избежать их недостатков и изъянов, подняться на более высокую, как ей казалось, ступень развития. Если уж судьба распорядилась позже других войти в "современную цивилизацию", то зачем повторять все плохое в ней, что уже вышло на поверхность? Отсюда дерзкая попытка как бы опередить время, раньше других прорваться в будущее, всегда и во всем "быть впереди планеты всей". В эпоху национальных государств она мечтает о всечеловеческом единстве, "духу капитализма" противопоставляет свой идеал жертвенного служения "общему делу". И еще вопрос, что стало причиной нынешнего кризиса – отставание от Запада или отказ от желания быть впереди его в плане развития, лишено противоречий современной цивилизации?

В нынешнем кризисе наибольшее беспокойство вызывают даже не экономические трудности, а разрыв с той культурной традицией, которая побуждала русскую мысль искать формулу более достойной жизни, чем та, которая достигнута на Западе. Если потеряна вера в такую жизнь, если мысль не работает на опережение существующего, никакая реформа не поможет преодолеть отсталость. Так и будем догонять всю оставшуюся историю. Россия как бы обречена и догонять Запад, преодолевая собственную отсталость, и опережать его там, где он сам оказался в кризисной, критической ситуации.

Следовательно, приемлемую для России национальную идею нельзя выразить ни в понятиях чисто западной идеологии (например, либеральной), ни в терминах славянской, либо какой-то другой отличной от Запада.

Изначально пойдя по иному пути, положив в основу своей государственности вслед за Византией не национальный и правовой, а конфессиональный и династический принципы (православие и самодержавие), русские осознавали себя не столько светской, сколько православной нацией, единой в вере и служении Богу. Православное и национальное сливалось в одно понятие. Претендуя, прежде всего, на роль защитницы и хранительницы православной веры (Святая Русь), государство оспаривало здесь у Церкви право на духовное водительство населяющим его народом. Оно видело в последнем не столько граждан, наделенных личными

правами, сколько коллективного носителя определенного символа веры ("народ-богоносец"), главной обязанностью которого является служение не только "граду Божьему", но и "граду земному", т.е. государству. Само служение государству наполнялось религиозным смыслом и содержанием, свидетельствовало о приверженности православной вере. Отдавая жизни "за веру, царя и отечество", русские люди не очень-то разделяли эти понятия в своем сознании. Отсюда свойственная им высота мотивации в мирских делах, способность к самопожертвованию во имя общего дела, с одной стороны, и недостаток индивидуального самосознания с учетом собственного интереса – с другой.

Обожествление верховной власти может действительно считаться "византийским наследием" России, затрудняя ее путь к демократии и правовому государству, где власть не от Бога, а от людей. Но и идя вслед за Западом по пути демократизации, ставя государство на службу сугубо мирским целям и задачам, нельзя вместе с тем отбрасывать свойственный России поиск принципиально иной по сравнению с Западом организации общественной жизни.

Превращая государство в орган национальных и частных интересов, не обязательно саму общественную жизнь сводить только к этим интересам, отрицать в ней более высокий универсальный смысл.

Идея общества как универсальной общности людей, объединяющих их вокруг не только материальных – экономических и политических, но и духовных целей человеческого существования, собственно, и составляет содержание "русской идеи". Россия не просто попыталась сформировать идею такой общности, но и провести ее в жизнь, порой с огромными издержками и потерями для себя. Но пока эта идея жила в сознании россиян, жила и Россия.

В противостоянии между культурой и цивилизацией Россия как бы встала на сторону культуры, тогда как Европа предпочла путь цивилизации, порой не без ущерба для культуры. Ни один из этих путей не является самодостаточным, не исчерпывает собой всех возможностей исторического движения. Цивилизация будущего в равной мере нуждается в практическом разуме Запада и духовном опыте России.

Особая роль принадлежит культуре, ее взаимоотношению с другими областями общественной жизнедеятельности. Если экономика и политика разделяют людей, создают между ними определенную иерархию, где наверху оказываются наиболее сильные и приспособленные, то культура их связывает отношениями, где каждый равен другому. Историческое призвание России и состоит в отстаивании приоритета культуры перед остальными сферами общественной жизни, включая экономику и государство. Культура здесь – не то, что разделяет людей в пространстве и во времени, ставит между ними, подобно цивилизациям, непроходимые границы, а то, что объединяет их в общеисторическом и общепланетарном масштабе. Она – синоним общения и диалога (недаром идея "диалога культур" получила в России такое развитие), универсальной межчеловеческой коммуникации, противостоящей любой форме обособления и изоляции. Русская культура неизменно следовала этому принципу, видя в других культурах не противника, а собеседника, еще один повод для новых встреч и открытий. По своей культуре Россия – значительно более открытая страна, чем принято думать. Достоевский справедливо называет это ее качество как "всемирную отзывчивость", как способность быть со всеми и перевоплощаться во всех.

В лице Запада и России мы имеем дело с двумя типами развития одной и той же цивилизации, претендующей на универсальность. Первый из них апеллирует к области частных и национальных интересов, где победу одерживает сильнейший. Именно эта область для данного типа является приоритетной. Положенный в основу этого типа принцип частного интереса обнаруживает, однако, свой предел при соприкосновении с природой и культурой. Последние заключают в себе как бы вызов этому принципу в его претензии на всеобщность и универсальность. Второй тип апеллирует к культуре, к ее, прежде всего, моральным основаниям, делая приоритетным для себя область индивидуальных интересов, в которой каждый равен не части, а целому. Здесь нет деления на свое и чужое – все принадлежит каждому. Наука, искусство, спорт, творчество во всех его видах, природоохранная деятельность – все, что принадлежит каждому и потому всем, – играет в этом типе решающую роль. В той мере, в какой эти ориентиры выходят на первое место, отпадают и последние препятствия на пути к общечеловеческой интеграции.

Трудно представить иную логику цивилизационного развития. Все остальное ведет в тупик, грозит столкновениями и кризисами. Россия либо примет этот вызов истории, либо уйдет в историческое небытие. Отставая от Запада экономически, она именно поэтому раньше его подошла к необходимости перехода в качественно новое состояние (хотя и вытекающее из предыдущего), где на смену одним приоритетам приходят другие – экологические и культурные. Потребность в таком переходе является следствием не русской особенности, а всей логики цивилизационного развития, которая в России – в силу специфики ее истории – нашла большие возможности для своей реализации. Задача, стоящая перед Россией, может быть сформулирована тем самым не как отрицание западной цивилизации и создание чего-то совершенно не похожего на нее, а как продолжение начатого Западом дела построения общечеловеческой цивилизации, но только в направлении ее примирения с культурными и природными основаниями человеческого бытия.

список используемой литературы

- 1 Барабанов Б.В. Русская идея в эсхатологической перспективе // Вопросы философии. № 8. 1990.
- 2 Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990.
- 3 Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Изд-во Сов. энциклопедия, 1970.
- 4 Введение христианства на Руси. М.: Мысль, 1987. 302 с.
- 5 Вейрмарн Б.В. Всеобщая история искусств. М.: Искусство, 1960.
- 6 Вопросы формирования русской народности и нации: Сб. ст. СССР. М.-Л.: Изд-во АН, 1958.
- 7 Гордиенко Н.С. Крещение Руси: факты против легенд и мифов. Л.: Лениздат, 1984.
- 8 Греков Б.Л. Из истории культуры древней Руси. М.-Л., 1994.
- 9 Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов Древней Руси // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 58 – 63.
- 10 Дмитриева Н.А. Краткая история искусств. М.: Искусство, 1985.
- 11 Жуков Е.М. Всемирная история. Гос. изд-во полит. лит. 1957.
- 12 Зезина М.Р., Кошман Л.В., Шульгин В.С. История русской культуры. М., 1990.
- 13 Карамзин Н.М. История Государства Российского: В 12 т. М.: Моск. рабочий: Слог, 1992. Кн. 1.: Т. 1 – 2: Древняя Русь. Киевская Русь. 1993. 336 с.
- 14 Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1994.
- 15 Курбанов Г.Л. и др. Христианство. Античность. Византия. Древняя Русь: Л., 1988.
- 16 Лебедева Ю.Л. Древнерусское искусство X – XVII веков. М., 1902.
- 17 Литература и культура Древней Руси: Словарь-справочник. М., 1994. 336 с.
- 18 Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко И.В. Смех в Древней Руси. М., 1984.
- 19 Любимов Л. Искусство Древней Руси. М.: Просвещение, 1981.
- 20 Морфология культуры. Структура и динамика: Учеб. пособ. для вузов / Г.А. Аваносова и др. М.: Наука, 1994. 415 с.
- 21 Муравьев А. В., Сахарова А. М. Очерки истории русской культуры IX – XVII вв. М., 1984.
- 22 Носова Г.А. Язычество в прославлении. М.: Знание, 1975. 297 с.
- 23 Пигалев А.И. Культурология. Волгоград: Изд-во Волг. гос. ун-та, 1998. 420 с.
- 24 Рыбаков Б.А. Из истории культуры древней Руси. Исследования и заметки. М.: Изд-во МГУ, 1984. 240 с.
- 25 Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М.: Наука, 1964. 240 с.
- 26 Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1994.
- 27 Рыбаков В.А. Язычество Древней Руси. М., 1986.
- 28 Рябцев Ю.С. Путешествие в Древнюю Русь: Рассказы о русской культуре. М.: ВЛАДОС, 1995.
- 29 Сахаров А.М., Муравьев А.В. Очерки русской культуры IX – XVII вв.: Пособ. для учителя. М.: 1962.
- 30 Сахаров А.Н. Булганов В.И. История России с древнейших времен до конца XVII в. М.: Просвещение, 1999. 303 с.
- 31 Смирнова Э.С. Культура Древней Руси. Л.: Просвещение, 1967.
- 32 Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 321.
- 33 Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М.: Наука. 1975.
- 34 Толочко П.П. Древняя Русь: Очерки социал.-полит. истории / АН УССР, Институт археологии. Киев: Наук. Думка, 1987. 245 с.
- 35 Третьяков П.И. У истоков древнерусской народности. 1970. № 179.
- 36 Тысячелетие введения христианства на Руси // Курьер ЮНЕСКО. 1988, июль.
- 37 Фроянов И.Я. Исторические условия крещения Руси. Л.: Знание, 1988. 317 с.
- 38 Фурман В. Выбор князя Владимира // Вопросы философии. 1998. Гомер 6. С. 90 – 104.
- 39 Хрестоматия по истории России: В 4 т. Т. 1. С древнейших времен до XVII века / И.В. Бабич и др. М.: МИРОС Международные отношения, 1994.
- 40 Христианство и Русь: Сб. ст. / Ред. Обществ. науки и современность АН СССР; Под ред. Н. Белова. М.: Наука, 1988.

оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
СЛАВЯНЕ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ	6
РУСЬ ЯЗЫЧЕСКАЯ	16
ИСТОКИ РУССКОГО ХРИСТИАНСТВА	21
Крещение Владимира	23
Христианизация Руси	24
ХРИСТИАНСТВО И КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ	27
ИКОНОПИСЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ	45
Феофан Грек	48
Андрей Рублев	51
Дионисий и другие иконописцы Древней Руси	55
ЗОДЧЕСТВО ДРЕВНЕЙ РУСИ	62
БЫТ И РЕМЕСЛА ДРЕВНЕЙ РУСИ	80
Быт народа	80
Ремесла	85
Деревенские ремесла	85
Городские ремесла	92
Разряды ремесел Древней Руси	102
ПИСЬМЕННОСТЬ	105
ЛИТЕРАТУРА	110
ГРЕКО-СЛАВЯНО-ЛАТИНСКАЯ АКАДЕМИЯ	114
РУССКАЯ ИДЕЯ	116
СПИСОК ИСПОЛЪЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	127

Литература Древней Руси

Протопоп Аввакум

Аввакум Петрович (1620 или 1621 г.–14.04.1682 г.), протопоп, один из основателей русского старообрядчества, писатель. Сын сельского священника. В 1646–47 г.г. находясь в Москве, был связан с

"кружком ревнителей благочестия" и стал известен царю Алексею Михайловичу. В 1652 году был протопопом в городе Юрьевце Повольском, затем священником Казанского собора в Москве. Аввакум резко выступил против церковной реформы патриарха Никона, за что в 1653 году с семьей был сослан в Тобольск, а затем в Даурию. В 1663 году царь, стремясь примирить Аввакума с официальной церковью, вызвал его в Москву. Но Аввакум не отказался от своих взглядов, продолжал настойчивую борьбу с церковными нововведениями. В челобитной царю он обвинил Никона в ереси. Вдохновенные выступления против Никона привлекли к Аввакуму многочисленных сторонников, в том числе из среды знати (боярыня Ф.П. Морозова и др.).

В 1664 году Аввакум был сослан в Мезень. В 1666 году его вызвали в Москву и на церковном соборе расстригли, предали анафеме и в 1667 году сослали в Пустозерский острог. Во время 15-летнего пребывания в сыром земляном срубе Аввакум не прекращал идейной борьбы. Здесь он написал главное произведение "Книгу бесед", "Книгу толкований", "Житие" (между 1672 году и 1675 году) и др. По царскому указу вместе с ближайшими сподвижниками Аввакум был сожжен в срубе.

Общественная жизнь многообразно отразилась в литературе XVII в. Не прошла она мимо и такого крупного события остро захватывающего мысли и чувства современников, каким был раскол в русской церкви. Появились литературные произведения, запечатлевшие в художественной форме

События личные судьбы людей, связанных с расколом. Выдающимся памятником русской литературы XVII века стала автобиографическая повесть одного из самых ревностных и неистовых защитников церковной старины-протопопа Аввакума. Его рассказ о своей полной гонимой жизни написан замечательно простым, бесхитростным языком. Живые картины борьбы раскольников и "никониан", очень реалистичное изображение перипетий, собственной судьбы, наблюдательные описания сибирской природы, мелкие и язвительные характеристики враждебных Аввакуму лиц и явлений, страстная защита своих взглядов и непреклонное мужество в борьбе за них- все это сделало повесть умного и упрямого московского протопопа ярким произведением, получившим широкую популярность. Эта популярность усиливалась тем более, что сочинения Аввакума содержали резкие разоблачения церковной верхушки, представителей которой он обличал как "слуг антихристовых", "волков в овечьей шкуре". Обличения Аввакума в известной мере перекликались с антифеодальными настроениями народных масс. Аввакум не останавливается перед прямыми нападениями на самого царя Алексея Михайловича. Он писал например, о том, что видел во сне "антихриста" за которым шли царь и другие властители. Имея в виду Алексея Михайловича, Аввакум писал: "Бедный, бедный безумный царик! Что ты над собой сделал?..."

Ну сквозь землю пропадай, б... сын! Полно христиан тех мучить!" Патриарха Никона Аввакум называл "кабель борзой". И хотя собственные взгляды Аввакума на жизнь и ее идеалы были глубоко консервативными, его повесть заняла весьма значительное место в истории русской литературы XVIII в. потому что она с большой реалистической силой отразила многие стороны русской жизни того времени, особенно замечателен простой, точный, яркий язык Аввакума. Даже персонажи "священной истории" разговаривают у Аввакума простым народным языком. Например в его изложении Адам так говорит богу о Еве: "На что-де мне дуру такую сделал?". А.М. Горький называл произведения Аввакума – образцом пламенной и страстной речи бойца.

В конце 14-15 вв. – появилась так называемая "автобиографическая литература", жития "святых".

В этих произведениях наиболее выпукло проявились черты религиозной риторики, характерные того времени.

Сергий Радонежский

История русской культуры начинается задолго до 14 в., до эпохи Сергия Радонежского. Это бесспорно, но несомненно другое: без его трудов наша культура не стала бы тем, чем она стала в последнее время.

Эпоха Сергия Радонежского во многом близка нам. Апокалиптические настроения охватили и наше общество, как это было 600 лет назад, и оно ждет то ли конца света, то ли начала эры света и святости.

Сергий, преподобный и Богоносный игумен и чудотворец Радонежский, основатель Троицкой Сергиевой лавры, родился в 1315 г. В Ростове, при рождении назван Варфоломеем. Отец его, один из бояр Ростовских, в 1328 г. Переселился в город Радонеж.

Родители Варфоломея перед кончиною приняли монашеский чин, они погребены в Хотьковском монастыре. Варфоломей, предоставив меньшему брату Петру отцовское наследство, отправился со старшим братом своим Стефаном искать убежища от мирских забот. Они поселились в лесу, в девяти верстах от Радонежа, на том месте, где ныне лавра, и с благословения митрополита Феогноста основали церковь. Стефан вскоре переселился в Москву и вступил в монастырь свя Богоявления. Тогда Варфоломей призвал игумена Митрофана, который постриг его в монахи под именем Сергия. Сергий остался в дремучем лесу один. Неоднократно во время ночной молитвы представлялись ему ужасные видения, грозившие ему смертью, а месту разрушением. Не раз к хижине Сергия приходил большой медведь, которого кормил сам святой отшельник. Но недолго жил юный пустынный в своем одиночестве. Слава о святости отшельника Сергия распространилась и привлекла к нему многих иноков из других монастырей. По общему гласу братии он был избран игуменом обители и посвящен в 1354 г. В сей сан в

Переславке епископом Волынским Афанасием. Сергей, устроив свою паству и желая уединения, тайно удалился за 40 верст в пустыню, именуемую Киржачь, но, по убедительной просьбе братии и митрополита Алексия, он вернулся к ним и уже до конца жизни не оставлял мирной своей обители.

Общее желание князей было, чтобы по кончине митрополита Алексия преподобный Сергей заступил на его место, сам святитель Алексий просил Сергея быть его преемником, но преподобный уклонился от предлагаемого ему сана. Пред кончиною святитель Алексий передал от себя преподобному Сергию золотой крест, украшенный драгоценными камнями в знак особенного уважения к святому игумену. Великий князь Дмитрий Иоаннович, собираясь на битву с Мамаем, приходил к преподобному Сергию за благословением. Святой угодник дал ему двух иноков в сподвижники: Александра Пересвета и Андрея Ослябу. Осенив князя крестным знаменем, он как бы предрек ему победу, одержанную над татарами, близ Дона на Куликовом поле. Во время несогласий между удельными князьями преподобный Сергей был их миротворцем.

Незадолго до кончины преподобного Сергия ему было чудное видение – явление Богоматери с двумя апостолами – Петром и Иоанном, чему был свидетелем ученик его преподобный Михей живший с Сергием в одной келии.

Сергий Радонежский ввел в монастыре общежитейный устав, уничтожив существовавшее до того раздельное жительство монахов. Принятие общежитейного устава и его последующее распространение при поддержке великокняжеской власти, русского митрополита и константинопольского патриарха на другие монастыри Сев.-Вост. Руси явилось важно церковной реформой, способствовавшей превращению монастырей в крупные феодальные корпорации. Моральный авторитет Сергия Радонежского, тесные связи с семьей великого князя Дмитрия Ивановича Донского (Сергий был крестным отцом его сыновей Юрия и Петра), виднейшими боярами и высшими церковными иерархами позволяли Сергию Радонежскому активно влиять на церковные и политические дела своего времени. Сергей Радонежского написано Епифанием Премыдром.